

Александр ЛАПИН

ВИХРИ ПЕРЕМЕН



Annotation

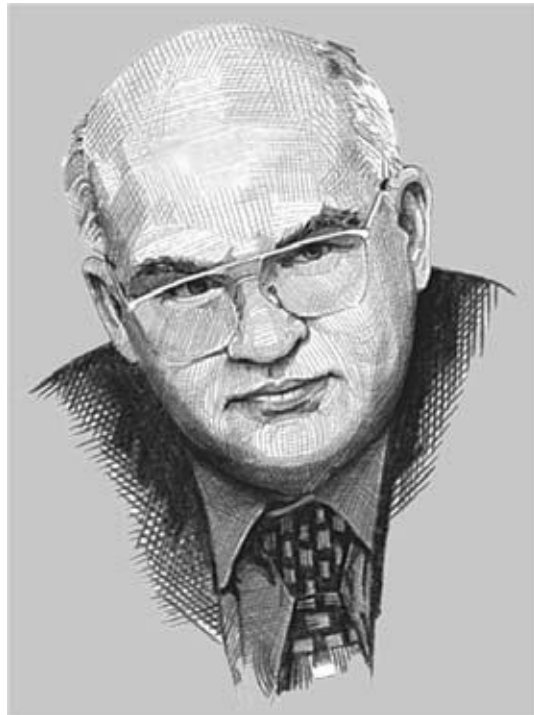
«Вихри перемен» – продолжение уже любимейшей читателям трилогии: «Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания», объединенной под общим названием – «Русский крест». В романе прослеживается судьба четырех школьных друзей и их близких, которым выпало быть свидетелями и участниками эпохальных событий, происходивших в нашей стране на стыке двух веков. Впервые мы знакомимся с героями романа в конце 70-х. В книге «Вихри перемен» повзрослевшие, возмужавшие герои вступают вместе со страной в начало 90-х. У каждого из них своя судьба, а вместе – это судьба поколения. В книге есть все атрибуты того времени: путч, развал СССР, коммерциализация государственных предприятий, эмиграция, тотальный дефицит, зарождающаяся олигархия и бандитские разборки. Это было время, когда вихри перемен коснулись каждого.

- [Александр Алексеевич Лапин](#)
 -
 - [Часть I](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [Часть II](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [Часть III](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)

- [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [Часть IV](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [Часть V](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
-

Александр Алексеевич Лапин

Вихри перемен



«Вихри перемен» – продолжение ранее вышедших романов «Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания», объединенных под общим названием – «Русский крест». В этом большом произведении, которое я пишу уже много лет, я пытаюсь осмыслить не столько личный опыт и собственные переживания, а те события, которые кардинально повлияли на судьбу моего поколения. Проследить, как, следуя за внешними факторами, меняются взгляды, убеждения, характеры людей, как экстремальные условия становятся лакмусовой бумагой, проявляющей истинное лицо человека.

Мои герои в новой книге уже не юноши «со взором горящим», это взрослые мужчины, которым предстоит решать не детские проблемы. Четверка школьных друзей задумывалась мной как собирательные образы советского человека, каждый из них по-разному реагирует на изменившиеся условия жизни в новой стране, а вместе они своего рода лицо моего поколения, которому довелось жить буквально на сломе эпох. Мы не выбирали время, оно выбрало нас.

Рушилась страна. Менялась жизнь. Наступило жестокое время

больших надежд и трудных решений. Но люди продолжали любить, верить, надеяться... Об этом и многом другом четвертая книга романа «Русский крест».



Ваш
А. Лавренко



Часть I

Всплывающая Атлантида



Вихри враждебные
веют над нами...

*«Варшавянка»
(пролетарский гимн)*

Не дай вам бог
жить в эпоху перемен.

*«И-Цзин» (китайская
«Книга перемен»)*



Было это давно. Жил на земле Иов. Благочестивый, богобоязненный, порядочный мужик. Бог любил его. И ставил в пример другим.

Это сильно не нравилось дьяволу. И тот стал искушать Господа. Иов, мол, тебя оттого почитает, что ты ему хорошую жизнь устроил. И стада у него тучные. И дети на загляденье. А стоит его слегка прищемить, он совсем другое запоет.

Бог, конечно, не поверил. Но решил все-таки поиспытывать Иова.

И началось. Напали на стада разбойники. Скот угнали. Охрану

перебили.

А Иов и в ус не дует. Все равно молится. И Бога почитает, хвалу ему возносит.

Но дьявол не успокоился. «Это так! Не испытание – мелочь. Вот, если дело дойдет до крайности, тогда он вззоет».

Налетел ветер. Рухнул дом Иова. И задавил его детей...

Но Иов человек верный. Сдюжил и это.

– Дети померли, – говорит сатана. – Дело житейское, особенно в наши времена. А вот, если он сам будет мучиться, тогда и отречется.

Заболел Иов. Покрылся язвами. И коростюю. До крайности дошел.

Но от Господа Бога не отрекся. Только молился. Смиренно и истово.

Бог его не покинул. Вернул свою милость.

С тех далеких времен и повелось. Дьявол постоянно искушает людей. Ищет в душе народной червоточину. Испытывает веру на прочность.

В прошлом веке дошла очередь и до России. Сыны дьявола заморочили русские головы обещанием построить «рай на земле». Но за это потребовали душу народа.

Что из этого получилось, мы теперь знаем. Пережили и мор, и глад, и лагеря смерти.

А над душою народной как только бесы не изгалялись. Корежили ее, ломали, гнули, дрянью всякой забивали.

Чтоб совсем уж убить...

А не удалось.

II

Электричка дернулась. И остановилась. Незакрепленный народ горохом посыпался в проходе. Пожилой усатый работяга в прорезиненном плаще первым открыл дискуссию:

– Наверное, что-то с рельсом случилось. Эк-ка поезд экстренно затормозил! – предположил он.

Толстая тетка в вязаной кофте с корзиной на коленях, в которой видно было пестреньких котят, выглянула в окошко и заметила:

– Могёт быть! Ишь, вон двое бегут через пути к нам. В форме...

И сразу весь переполненный вагон утренней «колбасной электрички», дотоле мирно читавшей и дремавшей в тишине, заговорил, загалдел:

– Позавчера тоже простояли так два часа!..

– И третьего дня!

– Вообще, железная дорога охамела окончательно, – солидно подвел черту дядечка в очках и шляпе, читавший свежий выпуск «Комсомольской правды». – Вот в газете пишут: график нарушается каждый день.

– Все перестройка эта довела, – откликнулся работяга, смешно шлепая губами под моржовыми усами. – Только болтать горазды. Все по-новому, по-новому. Вот оно как по-новому и выходит.

И пестрый народ, затоваренный разноразмерными сумками, рюкзаками и разного рода мешкотарой, согласно и бодро принялся ругать перестройку и ее инициатора, виноватого в том, что и в Москве теперь не укупишь нужного провианта.

– Довели страну! – визгливо солировала в дружном хоре накрашенная бабуся с буклями, видимо, бывшая жэковская активистка. – Сказано в Писании: «Придет царь Михаил меченый. И будет великий разор».

– А все потому, что он Раиску свою слушает. Таскает ее всюду за собой. А она там, за границами, так всех деньгами и засыпает. Туда миллион даст! Сюда миллион отвалит! – поддержала разговор толстуха с котятами. И шмыгнув носом, добавила: – Почему и нету теперь колбасы хорошей в Москве. Всю негры поели...

Галинка Шушункина и вся их дружина во главе с женщиной-богатырем – тетей Шурой помалкивают. Чё попусту языком трепать. И так все видно невооруженным глазом. Пустые прилавки магазинов говорят сами за себя. Но в Москве еще кое-что остается. И каждую неделю их контора по старой советской памяти снаряжает гонца за продуктами в

столицу. Теперь вот ее очередь настала. Закупаться по длинному списку, собранному женщинами их отдела.

Электричка еще раз дергается. И медленно плывет к столице. Дискуссия постепенно сворачивается. Народ готовится к выходу на перрон.

Тетя Шура, могучая, широченная в плечах, поднимается со скамейки первая и командует:

– Галя! Таня! Вы за мной держитесь! Не отставайте ни на шаг. Помните – Москва она бьет с носка. – И вдруг ее озабоченное круглое лицо с выщипанными бровями и напряженным ртом умильно заулыбалось. – У-у, какие мы! – она гладит рыжего котенка, взобравшегося на край корзинки. А потом с ходу добавляет: – Пошли!

Операция началась. Они бодро вылетели из дверей электрички на засыпанный мусором перрон. И след в след за теткой-ледоколом понеслись к виднеющемуся вдали вокзалу.

Два замызганных мента, стороживших добычу на выходе с перрона, равнодушно скользнули по ним взглядом. Что с них взять? Впереди, как танк, тетка богатырь в китайском пуховике с огромными еще пустыми баулами. Слева – хрупкая невысокая девушка в дутой куртке и алой шапочке, глаза большие, красивые. Справа – длинноногая девчонка подросток в потертой шубке и сапогах на платформе.

Проскочили первый заслон. И вышли на привокзальную площадь.

Тут народ с электрички встречает следующая группа по интересам. Целый выводок разноцветных цыганок в пестрых юбках и кожаных куртках сверху. Смуглолицые, черноволосые, они принимаются цепляться к добыче.

– Эй, молодая! – окликает Галинку пожилая неопрятная рома в солдатском длинном бушлате, из-под которого выглядывает цветастая юбка. – Позолоти ручку. Я тебе всю правду расскажу!

А сама шарит по ней глазами. И тянет коричневую, окольцованную золотыми перстнями руку все ближе и ближе.

Галинка боком-боком старательно обходит эту стаю цыганок, стараясь, как учили, не ввязываться с ними ни в какие разговоры-переговоры...

А Танька-пигалица попадает. Её, как вороны голубицу, окружают молодые цыганки. И начинают обрабатывать, затягивая, как в сети, в хитрый разговор о жизни и любви...

Однако не на тех они напали. Галинка уже знала, что бывает со слишком общительными молодайками. Через несколько минут они останутся, как общипанные курицы. Без денег и без украшений.

Но еще лучше, чем она, знает это тетя Шура. Цыганки просчитались.

Она, как бульдозер, врезалась в стаю, окружившую Таньку. И расталкивая по ходу могучими плечами молодых рома, буквально выхватила оторопевшую девку из рук золотозубых, черноволосых, шумных восточных красавиц.

Взяла за руку и потащила за собою – в одной руке огромная сумка, в другой Танька, которая по ходу действия еще что-то лопочет в свое оправдание:

– Она мне правду сказала! Про мою жизнь! Она мне сказала: «Я знаю, что ты потеряла свою первую любовь!» И откуда она знает? А, тетя Шура? Ну откуда?

Но тетя Шура, не останавливаясь и не оборачиваясь, отрывисто чеканит:

– Все мы потеряли свою первую любовь. Они это знают... На этом и цепляют дурочек вроде тебя. А потом ты потеряешь невинность... И они тебе это тоже припомнят...

Но дискутировать некогда. Впереди замаячили группки наперсточников. Как саперы мины, они расставили свои ловушки.

Эти берут в оборот другим. Ловят лохов с электричек на жадности и азарте.

Тетя Шура и девушки быстро проскочили мимо. Но дальше начали тормозить.

Пошел блошинный рынок. Бабульки разложили на бетонных парапетах и в ящичках свои овощи-цветочки. Какие-то черные, как грачи, люди торгуют разноцветными пакетами. Бродяги толкают всякое старье. Нищие тусуются с табличками в руках и, завидев их, принимаются гнусавить: «Сами мы не местные...»

Но уже недалеко вход в метро. И они снова устремились вперед.

Уже через несколько секунд наша троица уперлась в берег человеческого потока, устремившегося к горловине тоннеля.

Урча и поскрипывая, металлическая лента эскалатора торопливо перерабатывает толпу провинциальных мешочников.

Навстречу им из небытия возникают и проплывают мимо вверх лица из другого встречного человеческого потока. А механический голос из динамика подбадривает всех и строго убеждает в том, что надо стоять справа, держаться за резиновые черные поручни и пропускать тех, кто торопится и бежит сломя голову по самодвижущейся лестнице вниз.

– Ну вот, девчонки! Давайте так! – командует уже на платформе тетя Шура. – Сначала двинем в «Елисейский» за продуктами. Там даже сейчас еще можно успеть занять очередь. До открытия. А потом пойдём по

«золотому треугольнику».

Галинка не стала спрашивать, что такое «золотой треугольник». Она уже знала, что так женщины с «колбасных электричек» называют связку главных магазинов столицы: ГУМ, ЦУМ, «Детский мир» и окружающие их стихийные рынки, на которых можно купить все.

Она только подумала, что обход надо начинать с «Детского мира», так как ей жена брата заказала сапожки младшему на зиму. Но дискутировать некогда.

– Вы только от меня не отставайте! – добавляет атаманша. И устремляется к переднему вагону, где народу всегда поменьше.

Дальше стремительный бросок поезда от станции к станции. Чудовищная давка, в которой Галинку прижимают прямо к противоположной двери вагона.

И, наконец, длинные переходы по подземным галереям.

В этом путешествии по подземному миру, плывя в потоке людей, она так и не успела толком разглядеть прославленных красот Московского метрополитена. И в памяти ее фрагментарно запечатлелись то скульптуры бородатых партизан на «Белорусской», то медные чеканки на «Пушкинской». Да еще люстры неизвестно где. И главное – толпы разнообразных человеческих особей, несущихся в разных направлениях...

* * *

...Ошибочка вышла в расчетах. Они не успели к открытию. И хвост очереди в «Елисейский» гастроном уже стоял на бывшей Тверской, растянувшись метров на двести. Они сначала уткнулись, а потом пристроились в этот хвост. И тетя Шура, тронув за рукав, торопливо спросила стоявшую в очереди женщину:

– А что дают?

Вполне обеспеченная, судя по модной дубленке и сапогам, молодая москвичка метнула в них острый взгляд и раздраженно ответила:

– Ничего не дают! Очередь при входе... Понаехали тут... Москва вам резиновая, что ли?.. – и отвернулась, зло поджав накрашенные модной помадой тонкие губы.

Тулячки прижухли от неласкового приема. А «хвост» уже теперь за ними все рос и удлинялся.

Галинка думала, неторопливо продвигаясь ко входу в магазин, о том,

что очередь – это такое естественное состояние женщины: «Для многих из нас тут целая жизнь. Своя жизнь. Все успевают обсудить. Тут же перекусывают. Очередь – она везде. Есть очереди видные и простые, как эта. А есть очереди невидимые, в которых надо стоять всю жизнь. На квартиру, на машину, на мебель. На путевку в санаторий. Хорошо хоть на кладбище нет. Хотя... К мавзолею, где лежит Ильич, тоже есть очередь...»

Она быстро оборвала эти мысли. Потому что даже про себя она не могла покуситься на святое. Но мысли назойливо лезли в голову. Вспомнилась книга профессора Збарского, который бальзамировал тело Ленина. И описал это в ней. Книжку принес откуда-то из сарая Влад. И потом долго перечитывал по вечерам...

Впереди началось какое-то брожение. Пошел шепот по толпе:

– Кажется, запускают?

– Запускают!

– Ура! Запускают!

Все начали дружно напирать друг на друга и подтягиваться вперед. Она мысленно поделила очередь на куски: «Только бы успеть. Успеть попасть хоть вот с этой группой. Ведь пока мы тут стоим, там могут все разобрать!»

Впереди у недалекого, но такого желанного входа вскипал, вспухал крик:

– Куда без очереди?! Не подпускай! Держи их, гадов!

Галинка поднялась на носочки. И через ряды бесконечных спин в шубах и шапках увидела, как у входа, работая изо всех сил локтями, пытаются влиться в толпу и прошмыгнуть в двери магазина два юрких, носатых, черноволосых человечка. Но их отталкивают локтями крепкие русские бабы, видимо тоже приезжие. При этом женщины не забывают двигаться всей своей плотной шубно-ваатиновой пальтовой массой вперед ко входу.

Неожиданно впереди из очереди выскакивают несколько молодых мужиков. Они налетают сбоку прямо на носатых бесшапочных людей. Рвут их за куртки, выталкивают к сугробу. И уже там, прямо в сугробе, в грязном снегу «замешивают» кавказцев ногами.

Вдруг интеллигентная дамочка, стоящая перед тулячками, выскакивает из очереди. Подбегает к этой куче и бьет лежащего несколько раз прямо по засыпанному снегом лицу своей сумочкой:

– Так их!

– Так их сволочей!

– Черномазых! – одобрительно гудит очередь.

– Учи их, Петровна!

– Пусть валят к себе! На Кавказ! – кричит молодой разгоряченный расправой курносый парень, возвращаясь на свое место в очередь.

– Скупают тут все, а потом перепродают, – говорит тетя Шура.

«Что ж это творится на свете такое!» – испуганно думает Галинка, прижимая к себе сумочку. А очередь уже несет ее вперед, как весенний поток какого-нибудь зазевавшегося муравьишку, нисколько не обращая внимания на все его потуги бороться с течением.

Над входом в магазин висит кованный из металла козырек. Рядом стоят такие же красивые урны. И само здание старинное, с лепниной.

А у горловины дверей маячат два советских милиционера в бушлатах и с рацией. Регулируют.

– Давай! Давай!

– Оп! – милиционер опускает руку, отсекая очередной кусок толпы. Оставшиеся нетерпеливо переминаются с ноги на ногу. Ждут команду. Опять:

– Давай! Давай!

Еще рывок. Пару толчков под бока. И людская река, преодолев узкий дверной проем, втекает в вестибюль. И уже внутри «пещеры Али-Бабы» растекается ручейками по залам.

– Галя! Ты давай занимай очередь в кондитерский. А ты, Танюша, дуй в бакалею. Там, похоже, индийский чай дают. Я беру на себя колбасы. Как очередь подходить будет – зовите меня. Вперед, девчонки!

Тетя Шура командует ими, не переводя дыхания, как настоящий полководец. Четко и решительно.

Внутри магазина есть свои очереди. Теперь уже в отделы. И покупатели действуют по давно уже отработанной схеме. Работают, кооперируясь, группами. Женщины овладели искусством борьбы за выживание вполне. Но сейчас настали такие трудные времена, что и такая их «боевая мобильная группа» может вернуться с пустыми руками. Голодно и зло шумит великий город.

Они становятся в указанные тетей Шурой очереди. Стоят, отдыхают. Здесь порядка больше, чем на входе. В каждой очереди есть старший. Он мусолит свой синий химический карандаш. И рисует у Галки на ладони номер. Девяносто шестой.

Теперь надо ждать. Очередь потихоньку движется, змеей вьется между отделами, хвостом соприкасается с другими.

Магазин не слишком большой. На такое количество народа не рассчитан.

Люди возбужденно переговариваются. В основном вспоминают о том, что директора этого магазина недавно приговорили к смертной казни.

– Так им и надо, торгашам проклятым! – то и дело слышит Галка реплики со всех сторон.

– Сидят на дефиците, жируют!

Ноги постепенно наливаются тяжестью. Но Галка держится стойко. Как оловянный солдатик на посту. Она сильная, молодая. А тут полно пожилых. И старушек. «Каково-то им стоять?» – думает она, прислушиваясь к немудреному женскому разговору впереди:

– Моя невестка вчера в «Детском мире» взяла сапожки, очень приличные, – говорит женщина с изможденным лицом и в ветхой шубейке своей визави в рыжей турецкой дубленке и синей шапочке.

– Да?! А я тоже ищу внучке обувку. На той неделе купила ботиночки на меху. А они не подошли. Хочу обменяться с кем-нибудь.

Галинка вспоминает о своей заботе. И только хочет спросить, как где-то впереди, у прилавка, вспыхивает крик. Очередь вздрагивает, как будто по ней пропускают электрический ток. Кольшется, беспокоится:

– Что? Что случилось?

– Кончился чай?

– Не хватает?

– Продавщица сказала, чтобы больше за индийским чаем не занимали. Хватит еще на сто человек.

Галинка обрадованно глядит на свой номер.

– А по сколько дают?

– По пять пачек!

– Это много! – кричат где-то далеко сзади них. – Пусть дают по три!

– Столько отстояли! А теперь не хватает? Могли раньше сказать! – волнуется краснолицая тетка в пуховом платке, плотно завязанном узлом на голове.

Из глубины неорганизованной толпы выныривает и подскакивает к ней Танька. Она возбуждена:

– Галка, моя очередь уже подходит. Иди со мною. Возьмем мяса...

У Галинки дома есть запас. Брат Вовуля прислал дичины. Лосятинки, из которой бабушка делает замечательные пельмени. Но запас карман не тянет. А душу согревает. Если дают – надо брать.

Советский человек привык надеяться только на себя, родных и друзей. И если один из твоих знакомых может достать мясо, то он снабжает им всех родственников. Другой, скажем, сидит на вещевом дефиците. И его друзья щеголяют в дубленках. Третий – на овощной базе... Впрочем,

основными овощами народ снабжается с огородов. С весны до осени вся советская страна решает продовольственную проблему на собственных шести сотках. И академики, и герои, и мореплаватели, согнувшись в три погибели, копаются в земле. И она, матушка, не подводит.

Потом начинается процесс закрывания консервов на зиму. Грибы, огурцы, помидоры, баклажаны, перцы, варенья, соленья, капуста – все спускается в закрома родины.

Впереди долгая зима. И встретить ее надо достойно, с таким продовольственным запасом, который всегда можно метнуть на стол. И гордо заявить гостям: «Сама хозяйка закрывала. Огурчики с нашей дачи!»

Впереди опять зашумели:

– Всё, всё, кончается продукт!

Слабые и неопытные начинают рассыпаться по сторонам. Но основная масса стойко держится. Очередь, как живой, саморегулирующийся организм, борется. И ждет. Её упорство побеждает.

Снова откуда-то из подсобки выносят партию товара. Да какого! Китайского чая. В коробках, с иероглифами. Жизнь очереди возрождается. Теперь хватит на всех.

И главное – они уже близко.

Откуда-то сбоку притирается к Галке Варвара Чугункина, крепкая, маленькая, темнолицая, темноволосая с черными быстрыми глазами, похожая на татарку, бой-баба. Шепчет Галинке на ухо:

– Я с тобой встану.

– Давай!

– Ты как здесь-то оказалась? – спрашивает Шушункина подругу.

– Приезжала в Москву по объявлению. В молодежную газету. Они хотят у нас в городе свое представительство открывать. Вот я и подсутилась.

Галинка знала, что Варвара попала под сокращение, когда объявили о так называемой диверсификации оборонки. И завод, за которым числилась их коммунальная контора, провел оптимизацию.

Пришлось гордой и своенравной Варьке идти мыть подъезды да лестничные клетки, чтобы прокормить себя, сына и мужа-алкоголика.

– Ну, если у тебя что-нибудь получится, – попросила Галка, – возьми меня к себе. Надоело сидеть, ждать у моря погоды.

– Ага! Нам художник-дизайнер точно понадобится! – пообещала та.

Галина не придавала особого значения ее словам. Улитка едет, когда-то будет. Но глядя на окрыленную, возбужденную Чугункину, подумала: «Может, и правда что-то изменится. Сдвинется, наконец, и в моей жизни».

III

Свято-Троицкая Сергиева лавра – это несокрушимые, не поддавшиеся ни времени, ни коммунистам высоченные стены, величественные белые надвратные башни, огромные деревянные ворота, через которые Дубравин с новыми родственниками по линии жены проходит внутрь. А здесь их встречают взметнувшиеся ввысь колокольни с золочеными куполами прекрасных соборов, уютные дворики, величественные с приглушенным светом, расписанные библейскими сюжетами стены и колонны.

Вот она Русь! Исконная. Изначальная.

По толпе идет шорох. И словно ветерок бежит над головами:

– Патриарх! Патриарх! Сейчас выйдет Патриарх! Будет поздравлять с праздником!

Балконная дверь в покоях приоткрылась. Из нее выныривает крепкий, широкоплечий красивый, молодой, но бородатый монах в черной рясе и такой же, похожей на черный кивер, шапке. Он сверху оглядывает собравшуюся в монастырском дворе пеструю толпу. И отходит в сторону. Ожидая.

Напряжение нарастает. Дубравин, стоящий на удобном, возвышенном парапете в центре двора, с любопытством оглядывается вокруг.

Пасха. Народ с куличами и крашеными яичками томится у входа в храм. В центре двора лавры огромный металлический бак. Из него черноризный монах разливает в бутылки и кувшины святую воду. Очередь терпеливо ждет, когда можно будет подойти к кранику.

Они только что, минут, может быть, пятнадцать тому назад, приехали в Загорск и сразу такая удача! Увидеть Патриарха Пимена.

Да, такое будешь вспоминать потом всю жизнь!

* * *

Москва встретила бывшего собственного корреспондента неласково. Сначала он попробовал жить в гостиницах. У коммунистического союза молодежи имелась пара таких чудных учреждений, где останавливались молодые функционеры. В частности, все, кто ждал жилье в столице, обитали в «Орленке». И каждый вечер от такого бессемейного, холостяцкого жития «гудели» и «культурно отдыхали». Так что утром

горничные мешками выносили из номеров стеклотару и упаковку.

Через пару недель от этих постоянных вечерних упражнений у Дубравина заболело в подреберье, а во рту появился противный металлический вкус.

Тогда он перебрался в соборовскую общагу рядом с редакцией. Но там жизнь была еще веселее. Собкоры приезжали. И проставлялись. Уезжали. И делали отходную. Она могла тянуться день, два. Неделю. Попробуй тут уклониться. Вот и позавчера они провожали любимца публики, собственного корреспондента из Грузии. Художник Пиросмани мог бы изобразить этот сюжет в своих бессмертных творениях. Но его с ними не было. Зато был усатый развеселый «князь» Нугзар Минеладзе из Тбилиси. Такой же усатый и не менее веселый в подпитии бакинец Азик Мургалиев. Лысый, но тоже усатый и улыбающийся собкор из Еревана. А также рыжий, бородатый угрюмый хохол из Киргизии Степа Гоманюк.

Ну, и соответственно примкнувший к ним русский. Александр Дубравин. А также другие неустановленные лица.

Чего они только не вытворяли!

Минеладзе, держа в зубах «кинжал», в просторечии именуемый кухонным ножом, плясал лезгинку на столе под аккомпанемент стульев-барабанов. И всю ночь в тихом московском переулке жалобно звучала в темноте сакраментальная мелодия «Где же ты, моя Сулико?».

Увы. И ах! Музицирование было прервано самым гнусным образом. Телефонным звонком. Позвонила подруга зама ответственного секретаря. И сообщила народу: «Коля пошел вешаться в ванную!»

– Чип и Дейл идут на помощь! – вскричал тогда Дубравин.

И вся толпа, пьяная в хлам, устремилась в магазин. А потом ловить такси. Ехать. Спасать...

Со вчерашнего дня Дубравин переселился. На самый край Москвы. За Кольцевую. Это особая общага. Съемная трехкомнатная квартира в новом панельном голубом огромном доме. Однако туда никто не хочет ехать. Далеко! К тому же там нет никакой мебели. Ни столов. Ни стульев. Ни шкафов. Только девять железных кроватей с панцирными сетками и матрасами.

А в конце рабочей недели вечером Александр ездит к новым родственникам по линии жены в маленький подмосковный городок.

Сто километров от Москвы. Час сорок на электричке. И это уже глубинная Россия. Настоящая.

Там живут теща и тесть. Люди простые и добросердечные. Дубравин с интересом приглядывается к этой жизни. К этим людям.

Странное дело. Даже когда они что-то обсуждают или чем-то возмущаются – в них нет злобы, упертости.

В этом же городке живут и другие многочисленные их родственники. Так что иногда они собираются на даче на какие-то совместные праздники-застолья. Человек десять-двенадцать садятся за большие, накрытые на зеленой полянке столы. Приносят еду из дома. И ведут долгие неспешные разговоры о перестройке, о жизни, о бабушках и дедушках. Обстоятельно, уважительно относятся они и к Дубравину. Так что все рассказы о тещах, которые прессуют зятьев, здесь не имеют под собою почвы. Разве что иногда кто-нибудь из женщин вспоминает старинную поговорку: «Зять любит взять, а теща, как роцца. Ее хоть руби!»

Особенно удивляет Дубравина его шурин – муж сестры его жены. Его все любовно называют Колюшка. И действительно, по своей душевной чистоте, наивности, незлобивости он словно не от мира сего. И когда по-детски улыбается на ворчание своей половины, Дубравин понимает, что такое «народ-богоносец». И чувствует, что здесь еще до конца не угасли, не затоптаны искорки той самой, канувшей в Лету Святой Руси.

Он много ездит в это время по стране. И в командировки, и так, на экскурсии. И жадно впитывает в себя все окружающее. Словно пытается понять, пощупать руками эту землю, этот народ. Увидеть его историю и скрытую от посторонних глаз жизнь.

И в этих поездках, дальних и ближних, все яснее и яснее становится его видение. Сегодня для него Россия – уже не миф, это реальная страна. Но есть еще что-то в его душе, не дающее ему до конца слиться с этой жизнью. И хотя он страстно желает быть таким же, как все эти люди, у него это никак не получается.

Обостренно он воспринимает оскорбления исторической памяти русского народа. Коренные русаки посмотрят на бетонную могилу князя Дмитрия Пожарского в Суздале – и отойдут равнодушно. А он переживает.

Для них Загорск – он и есть Загорск. А он обязательно вспомнит, что приехали они сегодня ни в какой не в Загорск, а в Сергиев Посад. И это здесь Сергей Радонежский благословлял князя Дмитрия, прозванного впоследствии Донским, на поход против Мамаю.

Здесь Петр прятался от Софьи во времена стрелецкого мятежа. И был он тогда просто длинный, узкоплечий, нервный, испуганный мальчишка в наброшенном на плечи чужом кафтане.

Отсюда, из этих стен, начинался его царский путь. А закончился в городе его имени под беломраморной плитой саркофага с простой надписью: «Петр Великий».

Много увидел Александр Дубравин в этих разъездах. И ряды безымянных саркофагов в Успенском соборе Московского Кремля. И развороченные памятники на Бородинском поле. И бассейн на месте храма Христа Спасителя...

Многие знания рождают многие печали. А взбаламученная душа его ищет. Ищет Родину, которая даст ему, наконец, покой и радость. Радость жить на своей земле...

* * *

Пошел по праздничной толпе туристов и паломников шорох.

«Патриарх! Патриарх! Патриарх!»

Ждут все. Выходит на балкон суровый бородатый мужчина в странном облачении. Над белым головным шлемом – крест. Надо лбом – вышитый шестикрылый серафим. На груди – икона. В руке – чудной красоты посох.

Народ, разинув рот, стоит. Глазеет. А мужчина обводит суровым взглядом собравшуюся толпу. И под этим взглядом народ робеет. Затихает. Смирено опускает глаза.

Опускает виновато глаза и он. Шурка Дубравин.

– Поздравляю вас с праздником святой Пасхи! – медленно и величаво, наконец, произносит первые слова патриарх.

– Спасибо! – единодушно выдыхает огромная толпа.

Бу-у-у-ум! Бу-у-у-ум! Пронзительно ударяют колокола.

Сердце трепещет в груди. И отзывается на эти прозрачные праздничные звоны.



В эти минуты Дубравин уже почти не слышит проповеди. Он чувствует, что какая-то неведомая радость и сила рождаются в его груди. И сила эта не только его. Что она частичка какой-то общей объединяющей его с этими людьми силы. Что он, родившийся на чужой далекой земле, за тысячи километров от центра русской цивилизации, – неотрывная часть ее. Ее великой истории. И общей судьбы.

Он смотрит на взлетевших в высокое небо птиц. И повторяет про себя: «Ах, ты, Русь моя, изначальная! Всплывёшь ли ты из глубин истории или останешься навсегда на ее дне, как древняя Атлантида?»

IV

«Что же это всех такое охватило? Болезнь какая-то? Временное умопомешательство? Массовый психоз? Стихийное бедствие?

Что они все рванули из страны?

Жили, жили! По-разному, конечно. Но худо-бедно прожили в этой стране больше двухсот лет. А теперь, как с цепи сорвались!

А может, оно и так. Сорвались с цепи обид и взаимных претензий.

А обижаться нам, немцам, есть на что! Трудовые армии. Выселение в Сибирь и Казахстан. Жизнь с клеймом. С постоянной оглядкой на прошлое. Хотя, чего уж там.

Это наша интеллигенция любит все усложнять. Простой бургер – тот едет за колбасой, шмотками и личным автомобилем...»

Андрей Франк морщится. И, подперев ладонью свое остренькое, треугольное личико, смотрит в окно. Ему страшно нравится смотреть отсюда, из аппаратной, с высоты птичьего полета на Алма-Ату. Справа тяжелый мраморный куб здания ЦК Компартии, слева – высотная гостиница, напротив – новая площадь. А за нею, все ниже панорама зеленого красивого восточного города.

«Да, это не унылый Целиноград, – откуда они не так уж давно переехали сюда, в столицу. – Там изо всех достопримечательностей одно здание администрации, да унылый дворец целинников. И голимая, продуваемая страшными ветрами степь. Одно слово бывший Акмолинск. “Ак-мола” по-казахски “белая могила”. Не зря так названо. И не зря туда товарищ Сталин ссылал жен своих врагов. Так и называли этот лагерь. Алжир – Акмолинский лагерь жен изменников Родины.

Родина? Где она теперь у русских немцев? На Волге? В Саратове? Здесь в Казахстане? Или там, в Германии? Нет ответа. Хотя вон Петр Гук! Этот все знает наперед».

Андрей еще раз морщится. Вспоминает сегодняшний утренний разговор с товарищем: «Петр, он такой, как бы это сказать попроще, – махровый немецкий националист. Для него Германия – это прямо, как он выразился, “сияющая вершина”. Как для евреев “земля обетованная”. И он жаждет туда перебраться как можно скорее. Это еще и результат, по большому счету, и нашей собственной работы. Это мы – пресса, радио, телевидение создали такую атмосферу, что решиться на отъезд намного проще, чем остаться здесь жить. И все из-за лжи, нашей лжи. Как

говорится, единожды солгав, так кто тебе поверит? Газеты о жизни в эмиграции пишут правду. Не сахарно и там. Но народ настолько привык к постоянной лжи, что не верит ни единому слову. Хотя эмиграция сама по себе – явление сложное. Не хорошее и не плохое. Просто одно из проявлений вечной, быстротекущей нашей жизни. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. И Моисей водил евреев по пустыне. И гунны кочевали из Азии в Европу. И наших предков привели в Россию седобородые немецкие пасторы-эмигранты. Вон Америка – вообще страна эмигрантов. Так что это не добро и не зло. А так, объективная реальность. Двигаются армии, поднимаются в дорогу миллионы. Дубравин перебрался в Москву. И ничего. Живет.

Хорошо мы тогда с ним погуляли. Напоследок. Но только мне надо все сделать не так. Меня ведь никто не гонит. Надо мною не капают. Так что мы не поедем с бухты барахты туда, не знаю куда.

Хм! Родина предков! А вот поработать на западе. Осмотреться. Денег прикопить. Это другое дело. Стоящее. Особенно сейчас, когда открываются такие возможности. Почему бы ими не воспользоваться...

Андрей отходит от окна. И аккуратно кладет в кожаную коричневую папочку свою подробнейшую служебную записку по этому поводу. Быстро проскальзывает по длинным коридорам телецентра. Несколько секунд стоит перед приемной председателя телерадиокомитета. Выдыхает и заходит.

Черноволосая, черноглазая секретарша Соня радостно улыбается ему навстречу. Привыкла, что Франк без комплимента не зайдет. Но ему сегодня не до них. Он просто оставляет свою записку. И молча выходит прочь.

Теперь надо ждать. Часовой механизм запущен. Андрей идет в аппаратную и начинает ваять очередной пропагандистский шедевр на тему немецкой жизни в родной республике.

Перестройка, гласность, свобода. Они дали журналистам новые возможности. И Андрей сумел ими воспользоваться. Редакция их газеты недавно перебралась в Алма-Ату. И тут он – хороший фотограф, овладел еще и ремеслом телеоператора. Так что уже почти год трудится в республиканском телецентре, в студии, готовящей передачи для казахстанских немцев.

Он посмотрел, как это делают другие. И стал снимать сам.

Пришел успех.

Родилась новая идея. Поехать корреспондентом от казахстанского телевидения в Германию. И уже оттуда, из-за кордона, рассказывать о

судьбах и проблемах бывших соотечественников.

Надо же Казахстану в новых условиях налаживать международные связи. Тем более что новое прогрессивное руководство в лице председателя телерадиокомитета тоже хочет, чтобы подвластное ему телевидение было не хуже, чем московское с его «Взглядом», «Двенадцатым этажом» и прочими разными дискуссионными клубами.

Через полчаса на столе звонит внутренний телефон.

Стажер их отдела – монтажер Светлана, передает ему трубку двумя руками с шутливым поклоном:

– Сам шеф! Тебя!

– Слушаю вас, Бергей Аманжолович! – от волнения почти шепотом говорит Андрей.

– Андрей! – впервые по имени без церемоний называет его председатель. – Тут я прочитал твою записку. Можно сказать, любопытная. Зайди-ка ко мне. Обсудим ее.

– Сейчас?

– А ты что, занят?

– Передачу монтируем, Бергей Аманжолович. Вечернюю!

– Ну, тогда в шестнадцать ноль-ноль! – веско замечает шеф.

– Слушаюсь! – отвечает он. И осторожно, чтобы не вспугнуть удачу, кладет трубку на рычаг. А внутри все вибрирует, как натянутая струна: «Сработало, сработало!»

Без пятнадцати четыре он уже сидит под дверью у председателя. Но недолго.

Закончилось какое-то совещание. И народ валит через стильную приемную. Следом выходит сам. Моложавый, с высоким лбом, глаза узкие, хитрющие. Черные длинные волосы зачесаны этаким гривой назад. Очень творческий, этаким художническим вид у нового председателя.

– Заходи, Андрей, – без церемоний обращается он к нему. И секретарю: – Соня, чайку согрей!

– Вам зеленый?

Кабинет с огромным окном, выходящим на горы. Впечатляет обилие разного рода сувениров, статуэток, привезенных из-за границы. Тут тебе и Египет, и Тайланд, и китайские болванчики. Новые времена, новые веяния. Кожаное черное кресло прямо обнимает все тело.

– Прочитал твою записку! – без долгих предисловий начинает разговор Бергей Аманжолович. – То, что ты предлагаешь, я об этом давно думал. Это расширение нашей творческой самостоятельности. И одновременно это очень важно сегодня для республики с точки зрения отъезда наших

соотечественников за рубеж, в частности в Германию и Грецию. У нас что сейчас происходит? Массовый отъезд немцев, да не только немцев, но и евреев, греков на Запад. Эта ситуация для нас сложная. И партия поставила нам задачу – показать объективную ситуацию. Там у них. Так что твоя инициатива, она в русле, очень интересная...

– Да, нам надо показывать жизнь иммигрирующих изнутри! – подхватывает, вливаясь в поток речи председателя, Андрей. – Чтоб люди ехали с открытыми глазами. А не так, как сейчас.

– Не ехали! – перебивает его Бергей Аманжолович. – А оставались!

– Ну да, я оговорился! Оставались...

В сущности, Андрей Франк предложил начальству открыть корреспондентский пункт Казахского телевидения в Германии. Теперь уже в объединенной стараниями перестройщиков. Цель – показать западную жизнь такой, как она есть. Без прикрас. Хотя бы что-то противопоставить валу писем и снимков, на которых уехавшие крестьяне гордо позируют на фоне подержанных «мерседесов» и «ауди». Но это была как бы официальная сторона его предложения. Для себя же лично Андрей видел огромные перспективы. Возможность увидеть другую жизнь, вырасти профессионально, просто заработать.

– Сначала, конечно, мне придется какое-то время поучиться у тамошних профессионалов. Может, поработать на местном телевидении. Постажироваться. А потом создадим бюро. – Он даже внутренне окрылился от открывшихся перспектив. Потому что понимал – такие сюжеты можно будет продать не только сюда, в Казахстан, но и в Москву.

Андрей, конечно, не стал говорить своему телешефу, что он уже съездил в Баварию. Подыскивал себе там место в мюнхенской телекомпании. Зачем тому знать, что шустрый подчиненный уже давно «ведет свою лодку» этим курсом. И что именно сейчас он готовит решающий «удар веслом», чтобы направить ее в сторону притягательного берега далекой страны его предков.

– Ну что ж, в целом идея принимается, – важно замечает Бергей Аманжолович. – Очень неплохая идея. Можно сказать, моя собственная идея. А вот с деталями ее надо нам еще хорошенько разобраться. Поработать. Когда будет все готово, я доложу о ней руководству в отдел пропаганды. Думаю, там поддержат. Новые люди сегодня и там. Во всяком случае, они сегодня нам не могут запретить такое дело, как открытие нового корпункта. Но все-таки соблюдем порядок и субординацию.

После разговора с председателем он еще и еще раз прокручивает в голове все «за» и «против». «Нет, кажется, все продумано. Все учтено.

Делаю по уму. И связи здесь не оборвутся. И перспективы там более-менее ясны».

Позвонила по телефону жена. Встревоженно спросила:

– Ну что? Поговорил? Чего молчишь?

Он помолчал с минуту, а потом коротко ответил:

– Едем!

V

«Одно слово – заповедник!» – думает Володя Озеров, разглядывая длинную, во всю стеклянную стену, экспозицию кусочка лесостепной природы этих краев.

И действительно, мастерски сделанные чучела рыжей лисы, семейства благородных пятнистых оленей на фоне муляжей деревьев выглядят впечатляюще. Особенно хороша витрина с волком и лосем. Как живые! Того и гляди задвигаются. Да и само большое просторное здание музея дикой природы Черноземья, заполненное многочисленными экспонатами, здесь не единственное. Рядом стоит еще несколько строений, отведенных под лаборатории и жилые дома. Есть даже звероферма, где разводят бобров и водяных крыс – нутрий.

Впечатляет и площадь перед заповедником. На ней там и тут расположены крупные монументальные скульптуры лежащих и стоящих оленей.

Настоящий научный центр среди крупного лесного массива.

Леса в этих краях, конечно, совсем не такие, как где-нибудь в Сибири или в Белоруссии. Это даже не суровый брянский лес. Здесь они в основном искусственно насаженные, жидковатые. Потому как еще во времена царя Петра их использовали на строительство кораблей. Повырубили. А потом начали восстанавливать.

Но заповедник, расположенный возле реки, на многочисленных озерах уцелел, остался почти нетронутым человеком. И теперь он приехал сюда, чтобы работать.

Честно говоря, надоело ему носиться по лесам за браконьерами, которых с каждым месяцем становится все больше и больше.

А как по-другому? Вокруг заказника деревни. А в деревнях обнищавшие мужики с ружьями. И любой чудила встал утром с похмелья, потянулся, шагнул за порог. И уже в лесу, где живут «мои друзья».

Своими друзьями Озеров называет отнюдь не людей – а зверей.

Но, может, даже не это заставило его перебраться сюда, в заповедник. И даже не желание срочно дописать кандидатскую диссертацию.

Есть у русских интеллигентов такая мечта. Бросить все. К чертовой матери. И податься в глухую провинцию. На природу. Чтобы там, вдали от суеты больших городов, начать новую, чистую, честную, радостную жизнь. Вместе с народом-тружеником.

Кто эту мечту придумал, они не знают. Может, Лев Толстой. Но она жива. И как ни странно, согревает душу тысячам. Они, конечно, никогда никуда не уедут. Тому виною обстоятельства непреодолимой силы. Дом, жена, дети, работа, начальство.

А вот он, Володя Озеров, ее удачно исполнил. И теперь он, старший научный сотрудник, радостно глядя на экспонаты музея, сидит на собрании трудового коллектива и пытается понять, о чем идет разговор.

Выступает директор – широкий, важный:

– За прошлый год мы провели более десяти мероприятий, направленных на сохранение поголовья животных в рамках нашего биосферного заповедника. Работа большая. Так, только учет бобров, проведенный отделом водоплавающих, потребовал от нас дополнительно...

Озеров слушает его убаюкивающую, плавную речь и разглядывает людей, окруживших его. Людей, с которыми ему предстоит работать бок о бок. Вот наклонил голову и набычился Сергей Петрович Аксентов из отдела охраны. Такой упертый крепыш со щеточкой усов под курносым носом и в форменной куртке лесничего. Он задумчиво теребит в руках рыжую барсетку с какими-то, видимо, необходимыми ключами. И, как кот, слегка прищуривает глаза, когда директор начинает рубить «правду матку».

– Но я хотел бы отметить слабую работу службы охраны! – начинает критическую часть доклада Шорохов. – Вы все прекрасно знаете нашу проблему. Через заповедник, к сожалению, проходит одна из веток железной дороги. И периодически здесь случаются чрезвычайные происшествия. В прошлом месяце проходящий локомотив сбил оленя. Так вместо того, чтобы принять немедленные меры к расследованию происшествия, составить акт и разобраться, товарищ Аксентов не явился по вызову на работу, так как был занят личными делами. А проще говоря, пьянствовал на свадьбе своего друга. Я считаю такое отношение к работе недопустимым, позорящим звание научного сотрудника и наш небольшой, но дружный коллектив...

Собравшиеся мужчины и женщины дружно зашевелились, задвигались, зашептались. Особенно, судя по всему, нервно реагировали на критику как раз егеря. Митрич, старый, седобородый, морщинистый, что-то зашептал рядом сидящему молодому жилистому парню в джинсах и ветровке – Петру. К ним наклонился с другого ряда маленький вертлявый Николай.

Только Аксентов оставался невозмутим и спокоен.

Да, видно, не сбылась и на этот раз мечта русского интеллигента. И здесь, казалось бы, в тихом лесу, на природе кипят страсти. И судя по тому,

как дальше пошло их чудное собрание, страсти нешуточные. Потому что после директора поднялся его заместитель по научной работе и высказался, что в чужом глазу и соринку мы видим, а вот в своем бревна не замечаем. В общем, разнес он в пух и прах политику директора, который якобы дает возможность защищаться только своим, приближенным, сотрудникам, а на остальных, можно сказать, плюет «зигзагом с Марса».

Озеров только успевает поворачиваться, чтобы разглядеть каждого последующего оратора.

А народ выливается и оттягивается по полной. Перестройка и гласность, критика и самокритика – веяния новых времен дошли и сюда.

Под конец собрания всё смешалось. И Володька уже так и не смог понять, почему кричала тетя Дуся, рабочая фермы, требуя от «звериного» начальства в президиуме человеческого отношения и, кажется, еще резиновые сапоги.

Собрание закончилось вечером. И неожиданно. Погас свет. Все, чертыхаясь в темноте и натываясь друг на друга и на стулья, стали выбираться на улицу. И уж там, разбившись на кучки, переговариваясь на ходу, побрели куда-то.

Как-то так получилось, что он – Володька Озеров оказался в одной кучке с егерями, которые сгрудились около Аксентова. Разговор, который вначале шел в русле «а сам директор – мелкий жулик и никакой администратор», потом вдруг перешел в другую, неожиданную плоскость.

– Чего тут делать-то?! Заповедник! – презрительно сплюнул на траву Аксентов. Закурил сигарету. Затянулся дымом и, снисходительно посмотрев на увязавшихся егерей, сказал: – Это он меня гнобит, потому что я хочу организовать у нас охотничий кооператив. Поставить тут дело по-новому. Вместо того чтобы сидеть и ждать у моря погоды и государственного финансирования, начать зарабатывать самим.

Озеров, которого страшно заинтересовала такая постановка вопроса, спросил:

– А это как? Тут же заповедник!

– Да, очень просто! Создать кооператив охотников! Заповедник большой, тысячи тысяч гектаров леса. Выделить участок, в котором можно будет охотиться. И на этой охоте зарабатывать деньги... для финансирования тех же научных работ.

Все егеря одобрительно загудели:

– Да, ты голова, Серега!

– Правильно!

– А то сидим тут, закисли совсем. Зарплату, и ту постоянно

задерживают!

– Да, и сам директор частенько гостей возит. Постреливают, – заметил самый старший из егерей Митрич, огромный, как старый дуб, морщинистый с белыми бровями и бородой. – Ему, значит, можно! А нам нельзя! Зверья полно! Чего ж добру пропадать...

– Охраняли, охраняли! – робко проговорил молодой белолицый, похожий на девчонку, паренек в зеленой куртке и клешеных джинсах. – А теперь стрелять. Как-то не того!

На него зашикали.

– Помалкивал бы! Молод еще рассуждать. Молоко на губах не обсохло...

И тут Володьку осенило. И он тоже вступил в разговор:

– Так их можно специально разводить для охоты. Сделать звероферму. Огородить. И даже можно туда экскурсии водить. Ведь ходят же смотреть нутрий и бобров.

– Точно! А ты, я вижу, тоже голова! – похвалил Аксентов. – Соображаешь. Давай мы с тобой этот вопрос обсудим завтра. А то сегодня уже и так засиделись...

* * *

Озеров едет по разбитой дороге домой в соседнюю деревню на служебном «пазике», который привозит и отвозит персонал заповедника на работу. Едет и думает: «Вот как странно обернулась моя мечта найти тихое место, чтобы жить на природе и дописать, наконец, свою диссертацию. Видно, что-то сильно изменилось в стране советов, если даже сюда проникли кооперативные настроения. А интересно получается. Если я раньше гонялся по лесам и сражался с богатыми «буратинами», приезжавшими, чтобы пострелять, то теперь картина может перемениться полностью. Я буду приглашать таких охотников к себе. И организовывать им отдых. За деньги. Большие деньги.

Кстати, на западе такие сафари уже много лет существуют».

«Вот тебе и тихое место... Глухой угол. И тут страсти, споры кипят. Да еще какие! Видно, нет сегодня в России таких мест. Кипит вся страна. Впрочем, это у нас в головах все кипит. А природа, она живет своей жизнью».

И действительно. Пока автобус идет по лесной дороге между

деревьями, его фары успевают несколько раз выхватить из темноты перебегающих дорогу лисиц. А в одном месте впереди автобуса долго бежит зафаренный, глупый заяц.

Водитель жалеет его, выключает на минуту свет. И косой в темноте, наконец, улепetyвает с дороги в лесную чащу.

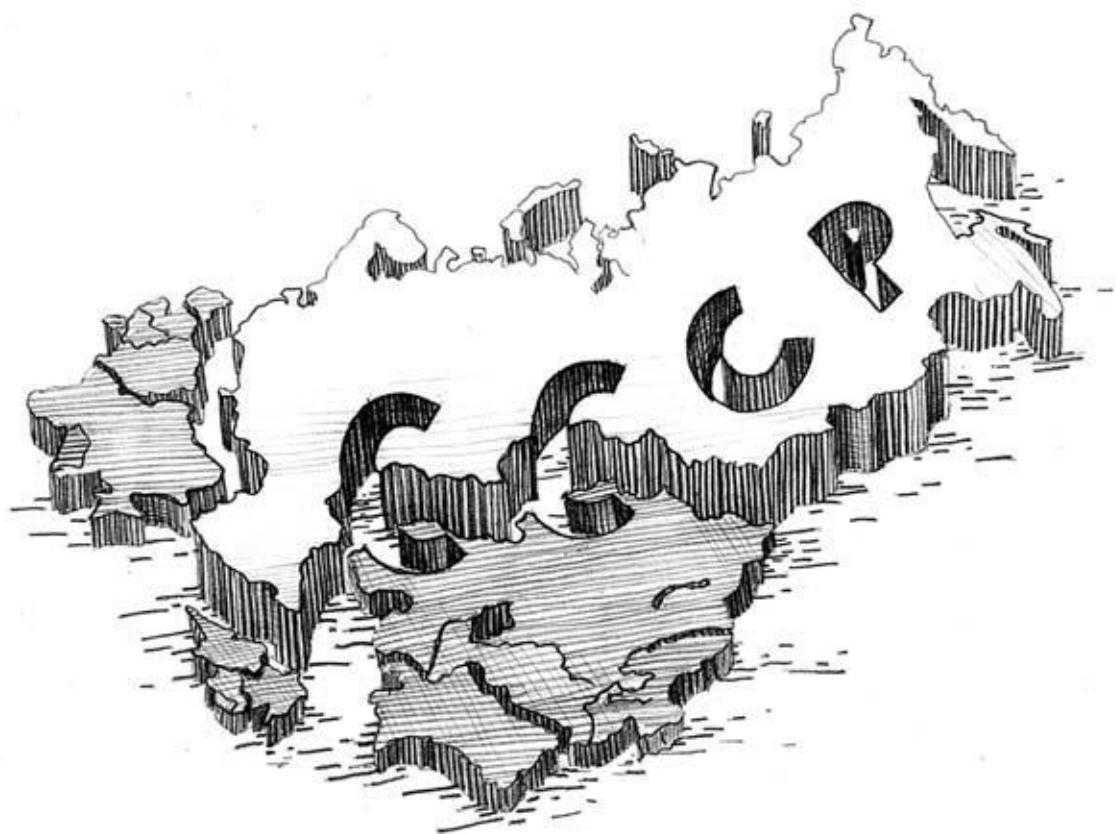
Они стоят некоторое время с выключенными фарами и двигателем, прислушиваясь к звукам ночного леса. К уханью филина в чаще, кряканью уток на озерах, трелям соловья на соседнем хуторе.

«А хорошо ведь! – думает он. – И чего скандалили? Кричали?»»



Часть II

Лебединая оперетта



I



На всей земле был один народ. И один язык. И задумал этот народ невиданное дело. Построить рай. На Земле.

Единый для всех. Чтобы всем было одинаково хорошо.

Великие вожди нарисовали планы. Маленькие люди стали их выполнять. Днем и ночью возводились гигантские плотины, засеивали

пустыни, собирали чудовищные ракеты и корабли.

Долго трудились. Но рая все не было.

И тогда люди начали роптать. «Хотим говорить каждый на своем языке. Хотим строить свое отдельное маленькое счастье».

Из этого ропота родился великий спор. И все стали обвинять друг друга: «Мы строим, а они только едят! Не будем вместе с ними жить!»

И вспомнили все старые обиды. И заговорили на древних языках.

А потом разделились. И перестали строить мифическую башню под названием «коммунизм».

И в конце концов разошлись, рассеялись по земле, стелая и проклиная друг друга.

II

Вторая половина августа. Москва наполовину пуста.

Дубравин выходит из метро на станции «Белорусская». И через железнодорожный каменный мост движется по Ленинградскому проспекту к редакции.

Его глазам открывается уже привычная панорама – широченный, отстроенный как бы старинными кирпичными с лепниной и украшениями зданиями проспект. Его разделяет посередине зеленый, протянувшийся на сколько хватает взгляда сквер с травяным газоном и подстриженными, округлой формы деревцами.

Только что прошел дождь. И мокрый асфальт испускает пар под неярким в этих широтах августовским солнцем.

Почти два года он здесь. Жизнь в Москве похожа на постоянный марафонский забег.

Сам гигантский имперский город задает этот бешеный темп, которому вольно или невольно, в конце концов, подчиняются все его обитатели: вчера он до самой ночи дежурил в типографии, а сегодня с утра надо уже спешить на утреннюю планерку. И так «каждый день на ремень».

Для рядового обывателя издание газеты выражается простой формулой: «Писатель пописывает, читатель почитывает». И только профессионалы знают, как работает эта гигантская машина, эта индустрия новостей, в которой задействованы сотни тысяч людей.

Журналист словно из воздуха, из мира идей извлекает слово. А вот значимость, особую весомость, свое звучание это слово обретает здесь, в цехах. На допотопных линотипах сидят за клавиатурой наборщики и отливают это слово в металл. В самом прямом, буквальном смысле.

Свинцовые строчки кладут на стол верстальщика. И он собирает из них полосу...

Здесь же находится и автор. Следит за процессом, «обрубает хвосты». Если надо, правит текст. И переделывает. До совершенства... Идет производственный процесс...

Александр Дубравин поворачивает за угол. И в недоумении останавливается. Весь перекресток рядом с серо-стальным, исполненным в духе конструктивизма зданием издательства забит военной техникой. Столкнулись два крытых зеленых грузовика. Возле них крутятся солдатики. В воздухе стоит густой, отборный мат.

«Ну, дела! – думает он, глядя на эту нелепую картину. – С какого бодуна они сюда заехали?»

С этим неизбежным вопросом он и проходит в солидный подъезд, украшенный вывеской с орденами, символом заслуг газеты перед народом и партией.

Скрипучий лифт возносит его на этаж. Впереди длинный коридор, обитый вытертым желто-рыжим ковровым покрытием, а вдоль него ряды деревянных дверей – обычное расположение редакций в этом отстроенном еще в тридцатые годы здании. В самом конце коридор упирается в большое помещение, названное по цвету панелей и обивки стульев «Голубым залом».

Перед входом в него стоят стеклянные витрины с музейными экспонатами и подарками от именитых посетителей. Здесь же коридор сворачивает налево – в большую приемную главной редакции. В этом тупичке располагаются кабинеты главного и его заместителей.

Таково, в сущности, основное устройство легендарного шестого этажа. Место, куда на работу мечтают попасть все без исключения молодые журналисты великой страны.

Ступив на ворсяное покрытие коридора, Дубравин чувствует уже ставшее привычным легкое напряжение в позвоночном столбе и волнение в сердце.

Так действует на него «дух шестого этажа». Понятие абсолютно мистическое, для посторонних непонятное, но совершенно реальное для тех, кто живет и работает здесь. Столкнувшись с этим явлением, Дубравин нашел для себя некое удовлетворительное объяснение. Он понял, что воздух этажа аж звенит и вибрирует от разлитых в нем эманаций молодого эгоизма, самомнения, чувства исключительности. И эти эманации каким-то чудным образом питают творческую энергию журналистов, позволяя им изо дня в день, из года в год делать лучшую в мире газету.

Здесь со всей империи было собрано все самое живое, самое талантливое. И оно энергично пёрло, лезло, стремилось проявить себя, прозвучать на всю гигантскую страну.

Каждый считал себя интеллектуалом, гением, пупом вселенной и выдающимся деятелем всего и вся. Но так как это надо было доказывать делом, то пишущая братия жестко конкурировала за место под солнцем.

* * *

...Утро начинается с летучки. Здесь как в школе. Все по звонку. Не успевают Дубравин выскочить из лифта, как раздаётся треньканье колокольчика. Народ вылетает из кабинетов. И с гиканьем летит по взлётной полосе коридора в секретариат. На «топтушку». Здесь на большом столе ответственного секретаря раскладываются газетные полосы.

Номер собирается сильный. Идёт нешуточная борьба за каждый абзац, за каждую строчку. Все доказывают, что их материал – это святое. То есть вечное и неповторимое. Рыдая, отходит от стола юная девушка-стажер. Её «заметку» сняли. Маститый длинноволосый и носатый обозреватель, вытирая клетчатым платочком обильный пот со лба (следствие вчерашних совместных возлияний с ответсеком), ждёт окончания «топтушки». Он ещё вчера в застолье договорился о своём эссе. А сегодня просто сидит на стульчике в сторонке. Сторожит. Не покусятся ли кто-нибудь на его «нетленку».

Народ столпился у стола. Идёт мозговой штурм. Придумывается название для сообщения о создании государственного комитета по чрезвычайному положению. Все собравшиеся разновозрастные, разнохарактерные журналисты хохмят и посмеиваются.

Дубравин, который ещё ничего толком не знает, потихоньку спрашивает стоящего рядом редактора отдела пропаганды вспыльчивого, как порох, Виктора Пеплова:

– Что случилось? Я в деревне был у тещи. Не в курсе?

– Да, блин, какие-то суки объявили в Москве чрезвычайное положение в связи с болезнью Горбачёва!

– То-то я смотрю на перекрестке у издательства авария с армейскими произошла. Не мог понять, чего они тут делают? В центре города.

Судя по всему, народ не воспринял это самое ГКЧП всерьёз.

– Давай назовем ее «Переворот по просьбам трудящихся!», – выдает на гора очередной заголовок самый главный мастер по этой части Равиль Мухутдинов.

– Точно!

– Прямо в яблочко попал! – сыпятся с разных сторон одобрительные возгласы.

Дубравин тоже включается в процесс «топтания». Начинает интриговать, предлагая ведущей номер Дарье Нуферовой статью собкора из Киргизии о развенчании культа личности местного писателя Чингиза Айтматова, который недавно потряс всех своими манкуртами-аборигенами, потерявшими память.

Теперь это тоже его работа. Опекать собкоров, разбросанных по всей

необъятной стране.

Дело в том, что, будучи спецкором, он никак не мог всерьез, по-настоящему взяться за переезд своего семейства в Россию. Не было времени. И они до сих пор оставались в Казахстане. Жена работала в биологической лаборатории. Сын ходил в детский сад. Жили они все в той же корпунктовской квартире, которую он когда-то отвоевал у комсюков. Но, понятное дело, так не могло продолжаться вечно. Надо было их перевозить.

Раньше, до перестройки, молодым журналистам, приглашенным на работу в столицу, жилье давали сразу, как номенклатуре комсомола. Теперь этот порядок разрушился. И последний дом, построенный ЦК ВЛКСМ, был уже распределен.

Дубравину, как говорится, обломилось. Теперь он сам занимается обменом квартиры. Дело это муторное. Желающих уехать из Москвы мало. А цены они ломают крутые. Процесс требует времени и сил. Вот и вынужден он перейти с творческой должности на административную.

Но, как говорится, не было бы счастья, так несчастье помогло. У него появилось время не только для того, чтобы заниматься обменом, но и подняться на новую ступень в творческой работе. На другой уровень публицистики. От фактов перейти к обобщениям.

Появилась возможность осмыслить происходящее. И делать такие материалы, к которым он в суете и погоне за строчками раньше не мог и подступиться. Это были не эскизы и зарисовки, а полотнища, исследования, вспахивающие целые пласты жизни позднесоветского общества. Одни названия чего стоят: «Бедность», «Коррупция», «Жестокость», «Революция на экспорт». Он брал тему и неторопливо, шаг за шагом анализировал ее в историческом, этническом, политическом направлениях.

Это уже была журналистика не безымянная, а именная. Когда он принес свой очередной опус «Что будет, если не договоримся» в секретариат, ответственный секретарь Володя Купер взял последнюю страницу и молча к его подписи «А. Дубравин» поставил полное имя Александр.

Так разрешалось подписываться только мэтрам.

Сила молодежи была и в том, что газета постоянно обновлялась. На этаже сосуществовали люди с самыми разными интересами и взглядами на жизнь. Что-то происходило в обществе, возникала новая потребность и на страницах молодежи появлялись новые имена, рубрики, подходы.

В перестройку всю страну всколыхнули «прямые линии», придуманные молодым редактором газеты.

Вот и сегодня произошел новый поворот. Надо реагировать. Ведущий номера Дарья Нуфорова, очкастая интеллигентная дама, возвращается на «топтушку» от главного и сообщает:

– Всё! В связи с ГКЧП номер делаем заново!

Гул разочарования проходит по всей дежурной бригаде:

– У-у-у!

Но Дарья не дает расслабиться. Сразу решительно берет быка за рога:

– Что могут предложить отделы?

Народ пару минут «чешет репу». Первой подает голос маленькая, тихая Света Куклина из отдела науки:

– Мы через Чазова попытаемся выяснить, как здоровье Михал Сергеича!

– Отдел политики, – вступает в диалог Рафик Хусейнов, – соберет все возможные данные на руководителей ГКЧП. Их биографии. Где работали. Политические взгляды...

– Наши репортеры уже выехали во все самые важные точки Москвы, надо посмотреть, что происходит в городе. Где стоит военная техника. Куда идут войска, – рапортует Вадим Хролов.

И остановившийся было редакционный механизм быстро разворачивается в новом направлении и начинает набирать обороты.

Народ с «топтушки» бросается врассыпную. Этаж зашевелился, забегал, зазвонил.

Пошла писать губерния!

Так проходит полчаса. Откуда-то со стороны улицы начинает нарастать гул. Сначала занятой народ не обращает на него никакого внимания. Но гул приближается и переходит в рев. Все устремляются к окнам. Да так и застывают у них.

По улице, где стоит серое здание издательства, медленно, покачивая стволами вверх-вниз, катится колонна боевой техники. Зеленые бронированные коробки, беспощадно чадя выхлопными газами, скребут по асфальту, оставляя на нем вдавленные металлом гусениц белые полосы.

В этом есть нечто сюрреалистическое, невероятное, выходящее за рамки трезвого понимания.

– А вот и картина маслом, – пытается пошутить Равиль Мухутдинов. Но осекается, останавливается на этой фразе, увидев враз посеревшие, испуганные лица, на которых читается одна и та же мысль: «Что сейчас будет? Может, через минуту на этаж взлетят автоматчики. Начнут хватать всех, сгонять в Голубой зал. А там...»

По этажу мимо дверей кабинетов мчится быстроногий репортер Лёха

Косулин со словами:

– Телевизор! Телевизор! Включайте!

Все бросаются в кабинеты к телевизорам. Бежит по экранам рябь. Потом появляется заставка.

Дубравин со своими сотрудниками затихает у себя в отделе корсеты. Ждет. Вот, наконец, молодой симпатяга ведущий объявляет о пресс-конференции. Еще несколько минут ожидания. И в президиум выходит, выползает этот самый таинственный коллективный орган – ГКЧП.

Люди как люди! Только страшные своей неизвестностью и затеянным делом. Государственным переворотом.

Лучше бы они не выходили. Лица серые. Сами испуганные от содеянного. Руки трясутся.

И что это за пресс-конференция?! Что за голоса?! Что за рожи!

Монотонно бубнят свои заявления. И растворяются в небытии. По ту сторону экрана.

А они остаются тут, у телевизора. И в недоумении пялятся на неожиданно начавшийся балет. «Лебединое озеро».

Призадумались голубчики. Все подавлены увиденным.

– Ты видел, как у них глаза бегают? – наконец спрашивает Дубравина бывший бакинский собкор Лёха Дунелин.

– А руки, руки Янаева? – отвечает Дубравин вопросом на вопрос. – Какие-то они жалкие, эти гкчеписты, напуганные. Ненастоящие. Может, это все ненадолго? Лебединая оперетта какая-то, прости господи!..

Но их робкая надежда угасает, когда на этаж поднимается из цеха ответственный секретарь. И всех огорошивает негромким таким заявлением:

– Ребята! Верстальщики сидят, курят. Нашу газету не набирают.

Со всех сторон слышны возмущенные голоса:

– Как не набирают?

– Почему?

– Не имеют права. Охренели, что ли?

– А они говорят, что наша молодежка вообще не выйдет, – подкидывает в топку возмущения дровишки ответсек. – Есть распоряжение комитета по чрезвычайному положению – приостановить выпуск.

– Да, ну, брось ты! – вспылит Витька Пеплов. – Газета наша всегда выходила регулярно. Не останавливалась. Тут какая-то ошибка!

* * *

Голубой зал забит до отказа. Народ занял все стулья. Сидит на ковриках, в проходах. Кто не смог попасть внутрь, стоит у входа, томится дальше по коридору. У всех журналистов, технических работников, референтов, секретарей и разного прочего трудового народа в глазах один и тот же вопрос: «Что будет дальше? Что будет с нами?»

За столом сидит редколлегия в полном составе. Главный редактор, заместители в количестве четырех и редактора отделов. О состоянии дел докладывает раскрасневшаяся от волнения во всю щеку Дарья Нуферова:

– Я ходила на прием к директору издательства товарищу Леонтьеву! – начала она свое выступление.

Народ притух.

А надо сказать, что в то время, когда газеты ничего своего не имели, кроме славного имени и авторитета у читателей, издатели казались журналистам некими небожителями. А поэтому директор главной в стране, да еще принадлежащей партии конторы, можно сказать, числился ими в ранге архангела, полубога. И вот к нему-то журналистская гольтьба отправила ходоком женщину – первого заместителя главного редактора.

– И Леонтьев показал мне письменное распоряжение от ГКЧП – не печатать целый ряд газет. В том числе и нашу. И сказал, что он нарушить приказ не может.

При нашем разговоре в кабинете у директора сидел человек в штатском. Внимательно прислушивался. Тогда я Алексею Петровичу предложила: давайте сделаем так. Мы свою работу. А вы – свою. Мы сверстаем газету. Ну а раз вам запрещают – не печатайте. Пока. Мы пойдем наверх добиваться разрешения...

В зале раздались голоса:

– Как они могут!

– Наша газета всю войну выходила! Даже когда немцы были у Москвы! – замечает стенографистка баба Катя.

– Сволочи!

– Спокойнее, ребята! Спокойнее! Что-нибудь придумаем, – старается снять напряжение главный редактор, юный функционер Владик Хромцов.

Сквозь ряды пробивается в центр зала редактор отдела новостей Дмитрий Ушатов. Такой здоровенный, по-своему эффектно растрепанный парниша:

– Ельцин сейчас выступал! – сообщает он подавленному народу. – Прямо с танка номер сто десять Таманской дивизии. Вот текст выступления. Он не признает законность ГКЧП. Призывает сопротивляться узурпации власти...

Все молчат, не зная, как реагировать.

Наконец, кто-то из редколлегии робко-испуганно предлагает:

– А может, давайте напишем лояльное письмо в ГКЧП? Мы вас уважаем. Считаем, что вы в трудный момент нашей истории приняли на себя сложное решение...

Но примирительная речь прервана в самом начале. Поднимается редактор отдела рабочей молодежи и одновременно директор центра коммерческих инициатив Владимир Протасов. Человек он непростой, резкий. И это видно даже по его внешности. Весь он состоит из каких-то острых углов – костистое лицо, угловатые очки, жесткие плечи под модным блестящим пиджаком:

– Я думаю, уважаемое собрание, что никакого письма писать не надо. Не надо идти на поклон к этим упырям! Они захватили власть, совершили переворот. Это же подсудное дело! Они преступники! А мы к ним с письмецом. Разрешите нам жить и работать. То-то мы их порадуем. Вот и журналисты приползли. Смутьяны покорились. Я думаю, что в этой ситуации нам надо выступить с другой инициативой. К журналистам – давайте вместе сделаем другую газету, раз уж нашу молодежку запретили печатать. Начнем делать материалы для других газет, которые не запрещены...

– Точно!

– Не надо нам идти на поклон!

Вот уж точно пел Высоцкий: «Настоящих буйных мало. Вот и нету вожаков». В редакции такой буйный нашелся. И настроение сразу переменялось. Народ загудел, зашумел в том смысле, что не бывать им в холопах у ГКЧП.

Тут кто-то из зала сообщил:

– Журналисты из других изданий, которые тоже запретили печатать, решили издавать «Общую газету». Мне уже звонили. Предлагают примкнуть к ним.

– Я думаю! – снова взял инициативу в свои руки главный редактор Владик Хромцов. – Надо подготовить постановление общего собрания нашего трудового коллектива. О том, что мы не подчиняемся незаконному распоряжению ГКЧП. И оставляем за собою право на любые законные действия, направленные на восстановление наших попранных прав. Не будем расходиться из редакции. Начнем собирать информацию. И снабжать ею «Общую газету». А также готовить свои номера. И добиваться, чтобы газету начали печатать.

Дубравин, который чувствовал себя новичком в этом блестящем

собрании «золотых перьев» отечественной журналистики, все-таки осмелился подать голос:

– Я вот что предлагаю! – прокашлявшись, негромким голосом сказал он. – Я тут созванивался с собкорами на местах. Они толком там на периферии ничего не знают о том, что происходит здесь, в Москве. Информации, в общем, ноль. А местные газеты выходят. Так, может, нам следует собирать и готовить здесь материалы для периферийных изданий. Связь работает. Отправлять их в Пензу, Алма-Ату, Воронеж. Везде, где есть наши корпункты. И пусть они их там печатают. А? Ребята?

– Молоток, Санька!

– Додумался же!

– А что? Так и надо сделать! – заметила баба Катя из бюро и, обращаясь к своим девчонкам-стенографисткам, спросила: – Ну, что? Передадим, девочки?

Так и решили.

Собрание начало расходиться. Народ, переговариваясь, потянулся по длинному коридору. А Дубравин, быстро лавируя между расходящимися, устремился к себе в отдел. И уже через несколько минут там заработали, затрещали телефоны, начал прожевывать бумагу (последнее слово техники) единственный на всю редакцию факсимильный аппарат.

Редакция, эта огромная информационная машина постояла, постояла, а затем провернулась и... заработала. Каждый делал, что умел. И что мог. Лёха Косулин пролез в Белый дом. Танька Белёлая поехала в больницу Склифосовского, где якобы лежали раненые. Кто-то пошел к танкистам у здания издательства. Кто-то сел писать очередную заметку.

Началась движуха.

Сам Дубравин с девчонками-референтами из своего отдела «сел на телефоны». И уже через минуту в коридоре редакции можно было услышать его негромкий, но напористый голос в разговоре с Красноярском:

– Вася! Нелюбин! Ты меня слышишь? Слышишь?! Принимай материал! Записывай! Опубликуй его в своей газете! Да! Да! Даром отдаем! Пусть народ знает, что у нас тут происходит! А что происходит? Танки у нас стоят во дворе и на улице перед издательством. Танки! Пиши, Вася! Пиши по буквам!

Только закончил с Васей, девочка-референт Ольга, круглолицая, голубоглазая полненькая москвичка подает другую телефонную трубку:

– Тбилиси! Минеладзе!

– Эй, князь, проспишь! Слезай с дивана! Или ты не на диване? А на ком? На девушке? Все равно слезай! Кончай пить хванчкару! Принимай

информацию из России! Из Москвы!

III

Огромный «летающий сарай» – грузовой Ил-76, начал делать разворот и мягко накренился на крыло. Десантники, те, кто сидел на деревянных скамейках вдоль отсека, прилипли к круглым окошкам. Когда еще увидишь панораму великого города с высоты? Через секунду с разных сторон раздались удивленные и испуганные голоса:

- Ты смотри!
- А что это такое?
- Это что? Война?!

Капитан Казаков тоже повернулся и прилип носом к стеклу. С высоты выше птичьего полета, как на ладони, ему стали видны темно-зеленые острова подмосковных лесов, подходящие прямо к ним серые панельные многоэтажки спальных районов, длинные ряды маленьких домиков разноцветных дачных кооперативов. И прямые, прорезавшие все пространство дороги к столице. Вот на них-то и творилось невероятное.

Все дороги, насколько можно было увидеть отсюда, забиты военной техникой. С разных сторон, извиваясь и пыля, как гигантские стальные сочлененные змеи, ползут к Московской кольцевой танковые колонны, колонны бронетранспортеров, крытые брезентом армейские грузовики, радиостанции и санитарные фургоны.

– Ё-моё! – бормочет сидящий рядом с ним на скамейке ошеломленный молоденький розовощекий лейтенант.

В эту минуту включается внутрибортовая связь. И пилот, видимо, еще не разглядевший землю, шутит, подражая голосу бортпроводниц гражданских лайнеров. Он пискляво произносит:

– Увааемые пассажиры! Мы приближаемся и готовимся к посадке в столице нашей Родины городе-герое Москве. Москва основана князем Юрием Долгоруким в тысяча сто сорок седьмом году. Ее население составляет более девяти миллионов человек...

Но тут связь прерывается. Наступает гробовая тишина. Правда, через пару минут пилот снова включается. Видимо, решает закончить шуточный монолог. Но теперь в голосе его уже не слышно мажорных нот. Он звучит как-то глухо и торопливо:

– Прощу поднять спинки кресел. Пристегнуть привязные ремни. И приготовиться к посадке...

- Да тут, похоже, какая-то хрень происходит! – говорит сосед справа,

поправляя сбившуюся под ремнем камуфляжную куртку. – Не зря же нас так срочно сорвали с летнего лагеря в Краснодаре.

* * *

Приземляются они в подмосковном Жуковском. На пустом аэродроме испытателей.

Здесь, на огромном поле, одиноко стоят встык несколько автобусов. Возле них прогуливается командир группы спецназа генерал-майор Виктор Карнаухин.

Их «грузовик» тормозит прямо рядом с ним. Парни высаживаются на бетонку через десантную панель. И строятся в два ряда у автобусов.

Звучит короткая речь командира перед офицерским строем:

– Товарищи офицеры! Сегодня утром в Москве создан Государственный комитет по чрезвычайному положению. В его состав вошли видные руководители партии и государства. Этим комитетом принято решение о введении в столице чрезвычайного положения. Нам, работникам комитета государственной безопасности, поручено нашим председателем товарищем Крючковым...

– Председателем или предателем? – шепчет стоящий рядом с Анатолием молодой лейтенант.

Командир запнулся, словно услышал шепот лейтенанта. Но продолжил через секунду:

– ...обеспечить выполнение мероприятий по нейтрализации определенных элементов, пытающихся раскачать обстановку путем провокаций...

* * *

Анатолий по дороге на базу, уже сидя в автобусе со шторками, рядом со своими товарищами, все пытается осмыслить происходящее, составить какую-то внятную позицию по этому вопросу. Но недостаток информации сбивает его с толку и не дает построить более-менее приемлемую картину событий. Глядя на напряженные лица других офицеров, он понимает, что у них в головах идет такая же самая, сложная мыслительная, но безрезультатная работа. В конце концов, он понимает, что разобраться в

происходящем вот так с ходу у них не получится. И решает просто ждать, что будет дальше.

Тем более что капитан уже давно привык не задавать лишних вопросов. Годы работы в конторе глубокого бурения не прошли даром.

* * *

После ранения он долго валялся в госпиталях. Потом начались санаторно-курортные страдания. Восстановление шло медленно. И когда он вернулся к себе в управление в Алма-Ату, многое уже изменилось в Казахстане. Участники событий восемьдесят шестого года начали возвращаться из тюрем домой. Казахский народ им сочувствовал. Доблестные защитники правопорядка стали «сатрапами и палачами». В местном комитете разброд и шатание.

Никто не хотел быть крайним. Тем, на кого скоро скинут все ошибки и преступления. И повесят, образно говоря, «всех собак». А дело уже шло к этому. Политическая обстановка накалялась с каждым месяцем.

Весной этого года он взял отпуск. И махнул сюда, в Москву, где снова встретился со своим старым другом Алексеем Пономаревым. Тот, после полученного в Каскаде боевого крещения, перебрался поближе к отцу. И перешел на работу в девятое управление. То самое, которое занимается охраной высших должностных лиц государства. После стажировки его перевели в «личку» генерального секретаря. Работа шепутная. Михаил Сергеевич совсем не похож на прежних хозяев страны. Любит общаться с народом. Чем весьма напрягает охрану.

Но они справляются.

Тем более что комплекс охранных мероприятий включает в себя не только собственно охрану тела, но и сбор информации и даже разведку и контрразведку. То есть «девятка» – этакая отдельная спецслужба в миниатюре. И там можно найти применение любым твоим талантам.

Они хорошо посидели с Алексеем вдвоем у него на квартире. Поговорили обо всем происходящем как на личном фронте, так и в обществе. Конечно, как и все непосредственные участники великих событий, они не могли до конца оценить масштаб происходящего у них на глазах. Но даже то, что они знали, пугало.

– Старик! Ты не представляешь, что творилось в Баку! – подливая Анатолию в маленькую, но тяжелую хрустальную рюмку очередную

порцию беленькой, бормотал уже нагруженный рыжий Алексей. – Людей обливали бензином. И поджигали. Тащили на верхние этажи зданий. И выбрасывали из окон на асфальт. Вот как себя показал наш великий советский многонациональный народ. Так что, старичок, то, что было в восемьдесят шестом в Алма-Ате, – это цветочки. Ягодки впереди. И что бы у вас было сейчас, если бы в восемьдесят шестом не дали разгону, я не знаю. Может, хуже, чем в Баку, было бы? А ты себя коришь. Гуманистом стал! Демократом! Э-э-э-эх! Давай лучше выпьем. За, – он задумался, – за что мы еще не пили?

– За Родину, за Россию! – подсказал Анатолий.

– Во-во! Давай за нее!

Выпили хорошо. Закусили салом и еще чем бог послал.

– Ну а шеф-то твой как? Как себя показывает? – не удержался, спросил Казаков, подразумевая, конечно, не непосредственного начальника, а самого генерального секретаря.

– Охраняемое лицо? – ответил вопросом на вопрос Алексей. – Он прямо родился генсеком, как говорит его личный телохранитель. Трудоголик. Пашет, как проклятый. Мы-то, охрана, знаем, что у него работа начинается рано утром. А заканчивается часто за полночь.

– Ну, да по телевизору показывают!

– Брешет все твой телевизор! – неожиданно резко прорывает Алексея. Видно, что в нем что-то забушевало и рвется наружу. – Он как страус! Страна валится! А он голову в песок, чтобы не видеть!

– Ну, ты чё, как-то не в восторге вроде от него?

– А кто в восторге? Вроде начал хорошо. Гласность. Перестройка! Борьба с пьянством. Уря! Уря! А потом?! Эх. Понимаешь, Толян. Царь силен мнением народным. Так вот, мнение народное сегодня переменялось. И шеф наш очень даже... – Алексей не закончил фразу, по-видимому, пытаясь подыскать соответствующее слово, обозначающее поведение Михаила Сергеевича. Остановился. Подумал. И закончил: – У него синдром то ли словоблудия, то ли слабоволия. И поэтому налицо все симптомы слабовласти.

Так поговорили. Анатолий побродил по весенней Москве. Встретился еще с парой друзей-однокурсников. И уехал обратно в Алма-Ату. Он, в сущности, ни о чем даже не просил Пономарева. Но в том-то, наверное, и сила настоящей мужской дружбы, что друзья понимают тебя с полуслова.

Алексей поговорил с отцом. Пономарев-старший как раз только вошел в полную силу. Система еще работала. Через месяц из центрального аппарата пришел приказ «откомандировать в столицу старшего

оперуполномоченного республиканского комитета государственной безопасности Анатолия Николаевича Казакова в распоряжение управления кадров».

Теплого места не дали. Предложили перейти в антитеррористическую группу. Подразделение страшно засекреченное, даже для такого ведомства, как комитет.

Уже полгода он в спецназе. Живет в офицерском общежитии. Постоянно тренируется. И ждет боевых заданий.

Он уже много знает и о Вильнюсе, и о Тбилиси. Но делать нечего. Это все равно лучше, чем ждать у моря погоды в Казахстане. Как-никак, кругом свои. Тем более что в группе подобрались мужики серьезные, положительные. А главное – профессионалы, как и он сам.

И у них действительно спаянный, дружный коллектив. Не подразделение, которое, как часто бывает в армии, держится только на командах и дисциплине, а коллектив людей, спаянных общей тяжелой и очень опасной работой.

Они только что пережили смерть товарища, которого сзади в спину застрелил в Вильнюсе литовский снайпер. Но не озлобились, не впали в испепеляющую ненависть ко всем «дерьмократам». И в любой ситуации вели себя сдержанно и разумно.

Сейчас их группу срочно собрали по тревоге. Погрузили в самолет. И перебросили с учебной базы в Краснодарском крае сюда на подмогу какому-то странному ГКЧП.

Их зашторенные автобусы спустились с Лыткаринского моста на автотрассу и неторопливо, вместе с колонной бронетехники поплыли в сторону центра столицы.

Москва, словно большое горячее сердце страны, бьется в лихорадке путча.

Грохочут гусеницами рядом с их автобусом танки. Натужно режут моторами боевые машины пехоты. Из грузовиков показываются молоденькие лица солдатиков. Станным диссонансом выглядит лавирующий между этими серо-зелеными мастодонтами невесть откуда взявшийся красный «Запорожец» с привязанной на крыше дачной лесенкой.

А по обочинам стоят, нарушая мирный ландшафт, десятки вышедших из строя боевых машин. По двое-трое сгруппировались в кюветах танки и БМД. А по ним лазят растерянные и чумазые мальчишки – солдаты советской армии.

Невеселые мысли одолевают Анатолия и его товарищей и тогда, когда

они, наконец, уходят с основной магистрали и, преодолев Кольцевую, начинают окружными путями пробираться к своей городской базе. Что их ждет впереди? Какая задача? Какая судьба?

* * *

Засаду они организовали по всем правилам. Автобус отогнали в лесок. Поставили, как говорится, «под березовый кусток». Сами расположились за деревьями и замаскировались.

Анатолий Казаков, прежде чем занять свое расчетное место, отошел по нужде на десяток метров в сторонку. И уже оттуда удовлетворенно осмотрел позицию их группы. Сработано профессионально. Четко. Даже отсюда ничего не заметно. А уж с дороги, из машин – точно никто ничего не разглядит. И все бы хорошо. Задача поставлена. Выполнение ее начато удачно. А вот грызет его, зудит в голове тревожная неприятная мысль: правильно ли они делают? И как все это может обернуться?

Дело, собственно, в том, что по прибытии на базу усталый и слегка расстроенный, как показалось всем, командир сказал:

– Выдвигайтесь по Калужскому шоссе. Вот сюда! – генерал-майор показал на большой карте, куда надо выдвинуться. – Это Архангельское. Здесь по данным разведки сейчас находится Ельцин со своими соратниками. Из госдачи идет асфальтированная дорога в сторону Москвы. Километра три лесом. За деревьями укроетесь. Сделаете засаду. Если Ельцин со своими людьми захочет выехать из Архангельского, вы арестуете его. Остановите машину. И арестуете.

– Ну а если они не остановятся? Начнут сопротивляться? – спросил тогда командира Сергей Горчаков, которому было поручено руководить операцией.

– Тогда действуйте по обстоятельствам...

– По обстоятельствам – это как? – захотел уточнить Сергей. И на лице его появилось недоуменное выражение.

– Так! – неопределенно ответил генерал. И это «так!» прозвучало одновременно угрожающе и как-то беспомощно.

Казаков, тоже приглашенный на совещание, подумал: «Что-то здесь туманно. Собрались люди военные, привыкшие к вещам однозначным, простым и ясным. А тут “по обстоятельствам”. Командир не хочет брать на себя ответственность. Наверное, и те, кто дал ему этот приказ, – тоже.

Очень похоже на Тбилиси. Сначала приказывают, а потом от своих слов отказываются».

Видимо, сообразив, что нельзя отпускать людей с такими установками, Карнаухин добавил от себя:

– На месте определитесь. Если что не так, сообщите мне по рации. Тогда и примем решение. – И так резко: – Все свободны! Выполняйте!

– Есть!

Они, конечно, щелкнули каблуками в кабинете начальника, но по дороге из Москвы долго недоумевали над странными формулировками приказа. И выглядывая из-за занавесок автобуса, переговаривались между собой.

Всю жизнь им вдалбливали, что дисциплина прежде всего. И их задача – любой ценой выполнить приказ. Приказ, который не обсуждается. А тут вот приходится думать. И от этого в головах полный раскардаш. И опасение, что на них в очередной раз скинут преступление или ошибку политиков.

Опять улицы. Пыхтя и чадя, с грохотом, теперь уже навстречу им все еще тащится в город боевая техника. Правда, заглохшие, сломанные танки и БМП уже не стоят в кюветах и на обочинах. Видно, по чьему-то распоряжению их стаскивают в отдельное место. На стоянку возле Хованского кладбища.

На месте установили связь по рации. И стали ждать.

Анатолий удобно устроился на плащ-палатке в передовом дозоре. Рядом с ним лежит в кустиках старший лейтенант Мишка Петров.

Их задача, заметив на шоссе машины, сообщить группе захвата, что объект выехал. А затем, в случае необходимости, бежать к месту остановки. И действовать по обстоятельствам.

Казаков прикладывает к глазам окуляры мощного двадцатикратного морского бинокля. И сразу все приближается на расстояние вытянутой руки. Пустынная дорога, по которой в сторону госдач медленно-медленно ползет одинокий велосипедист-грибник. Кусты брусники с соблазнительно выглянувшими из-под листочков ягодами. Серая птичка-невеличка, присевшая на придорожную сосну.

Лесная тишина неожиданно прерывается кукушкой:

– Ку-ку, ку-ку!

По детской привычке капитан Казаков начинает считать. И в это время где-то со стороны Москвы слышится далекий звук мотора. Оживает рация. В наушнике слышен голос Горчакова:

– От Москвы следует персональная «Чайка» президента РСФСР.

Пропускаем!

Через минуту мимо них, шурша по серому асфальту шинами, проплывает нарядная черная с никелированными стальными бамперами и молдингами «Чайка». В бинокль он совсем рядом видит напряженное лицо пожилого водителя.

И снова тишина. Ожидание. Но теперь уже не спокойное, расслабленное. А тревожное, напряженное, готовое взорваться криками, выстрелами, стонами раненых.

Анатолий смотрит на свои командирские часы с большой красной звездой на циферблате. Девятнадцатое августа. Почти полдень. Хочется есть.

И раз! Лес гудит. От Архангельского этот гул летит прямо на них. Через секунду в окуляры бинокля он видит несущуюся на огромной скорости автоколонну. Впереди кортежа две черные «Волги». За ними та самая «Чайка». И сзади нее еще несколько разномастных легковых машин.

На всех укреплены и гордо развеваются трехцветные российские флаги.

Колонна приближается. Казаков, от волнения что ли, коротко шепчет в микрофон рации:

– Едут!

И встает, замирает в тревожном ожидании. Что сейчас будет?

Мишка Петров тоже встает с палатки. Отряхивает налипшие на камуфляж веточки-листочки и неожиданно говорит:

– КГБ.

– Что КГБ? – механически переспрашивает его Анатолий, а сам ожидает каждую секунду хлопков выстрелов оттуда, куда умчался мимо них кортеж.

– Ну, так можно легко запомнить цвета российского флага, – отвечает напарник, поднимая автомат с земли. – Красный, голубой, белый, – и добавляет: – Пойдем, что ли? Похоже, наши их пропустили.

По дороге к основной группе он со вздохом говорит шагающему впереди по бурелому Казакову:

– Этим-то все понятно. В отличие от нас!

У собравшейся возле автобуса группы стоит военного покроя УАЗик. Приехал на подмогу подполковник Грачухин. Огромный, как медведь, он тоже в камуфляже. Но под комбинезоном у него почему-то десантный тельник. А на голове голубой берет. Он дает команду садиться в автобус. Народ собирает вещички. И пока они усаживаются, подполковник разъясняет прямо в салоне новую задачу:

– Мы перехватили разговор Ельцина с Грачевым. Генерал Грачев обещал господину Ельцину охрану. Вот под видом этой самой охраны мы сейчас и нагрянем на его дачу в Архангельском.

«Казачьи-разбойники, – раздраженно думает про себя Анатолий. – Развели тут игры. А мы отдувайся. Что-то все крутят. Ведь Ельцин-то уехал. Птичка-то улетела. Ладно, наше дело телячье».

Двигаются по лесу недолго. А вот и контрольно-пропускной пункт. Полосатая металлическая труба шлагбаума, домик охраны, высоченный глухой зеленый дощатый забор.

Грачухин молодцевато выскакивает из автобуса. Навстречу ему выходит плотный, но подтянутый офицер в мундирчике с иголки и в белой парадной рубашке. Отдает честь. Анатолию только слышно из всего разговора:

– Прибыли по распоряжению генерала Грачева, – и подполковник протягивает дежурному новенькое, только выписанное удостоверение десантника.

«Какие, к черту, из нас десантники! Там молодые пацаны. А здесь у нас в автобусе здоровые, зрелые мужики. Маскарад, да и только!»

Но офицер охраны, как ни в чем не бывало, разворачивается и идет «звонить начальству».

Проходит несколько минут. Часовой в сторожевой будке отставляет автомат в сторону и выходит к шлагбауму. Из-за угла дома показывается давешний офицер. Он машет им рукою. Мол, заезжайте. А потом подходит к подкатившему во двор автобусу. Поднимается в салон. И как-то фальшиво радостно объявляет:

– А мы вас ждали! Даже обед для вас заготовили. Милости прошу в столовую. Перекусите!

Ни у кого из спецназовцев с самого утра не было и маковой росинки во рту. Так что все радостно зашевелились, загудели. «Во правильно! Здорово!»

Немного замялись на выходе. Брать ли с собой личное оружие? Но, в конце концов, оставили стволы в салоне.

Столовая – длинное, барачного типа здание, встретила их запахом украинского борща и улыбками симпатичных милovidных раздатчиц.

Голодный народ еще только рассаживается за накрытыми цветными скатерками столами, а девчонки уже везут на тележках салаты оливье, борщи с пампушками.

Тут все накидываются на еду. Оживляются. Ну а когда на второе появляется баранья грудинка с гречкой, народ просит пригласить в зал

шеф-повара.

Вышли и шеф – полная, домашняя, красивая русская женщина в колпаке, и заведующая залом – маленькая, худенькая армянка в белом фартуке.

Благодарили их оголодавшие мужики действительно от души. Что ни говори – война войной, а обед по расписанию.

Перед выходом все ребята прихватили по несколько краснобоких яблок. Они стояли в больших вазах на столах.

В общем, угостили их прямо царским обедом.

Все снова погрузились в автобус. И так пару часов сидели подремывая, покуривая и переваривая.

Потом «десантный» подполковник побежал звонить начальству. Начальство подало команду: «Отбой!»

И автобус с их печальными и сонными физиономиями тронулся обратно в Москву. На базу.

Архангельское проводило их радостными улыбками. Искренними, в отличие от тех, которыми встречало.

«Вот уж точно игра в казаки-разбойники!» – думает он, задремывая у окна.

* * *

Белый дом отсюда похож на такой огромный-преогромный белый праздничный торт. Стоит он на набережной, как на зеленой скатерти. Нижние этажи усеяны сотами-окнами. А наверху башня – вафельный стаканчик, над которым развевается российский триколор.



А вокруг этого торта жужжит, шевелится, гудит, похожая на осиный рой, человеческая толпа. Подъезжают и отъезжают жуки-машины. Рабочие пчелы тащат, строят, складывают что-то на мосту.

«Баррикады строят», – думает капитан Казаков, разглядывая в свой бинокль это хаотичное броуновское движение на улицах перед штабом сопротивления.

«И как нам туда пробраться? Ведь они там все друг друга подозревают. И кидаются на каждого с арматурой и палками. Не шпион ли ГКЧП?»

Он отходит от окна гостиничного номера. Аккуратно закрывает шторы.

Здесь на двадцатом этаже гостиницы «Украина» теперь один из их штабов.

Начальство поставило задачу – проникнуть в Белый дом. И его группа изучает подходы и возможности такого рейда.

– А что, если попробовать пройти туда через канализацию? – делает новое предложение Петров. – Вот же есть схема. Если добраться отсюда до проспекта, потом взять проводника из числа специалистов. И по системе подземных туннелей мы окажемся вот здесь! – он показывает пальцем на нарисованную от руки схему коммуникаций Белого дома.

Собравшиеся – пятеро бойцов группы, одетые в легкие спортивные костюмы и кожаные куртки встречают предложение без энтузиазма.

Ну, если получится, вылезут они где-то внутри этого торта. А что скажут? Как объяснят свое присутствие? Мол, пришли посмотреть, чем вы тут занимаетесь? Да их там на куски разорвут.

Задача. Над ней они бьются уже три часа.

В номер входит начальник их отделения красавец мужчина подполковник Горчаков. Он тоже одет в гражданское «платье». Видно, что оно ему не в пору и неудобно. Серый пиджак тесноват, а рукава коротковаты. Но настроен он бодро.

– Ну, вот что, ребята! – без церемоний заявляет он с порога. – Повезло нам! Наши перехватили телефонные переговоры из Дома Правительства. Из них следует, что нынешние обитатели хотят наладить радиотрансляцию новостей из этого «осинового гнезда». Им нужна бригада связистов, которая должна вывести динамики на улицу. Кто из вас может участвовать в этом деле?

– Я могу! – особо не задумываясь отвечает на вопрос командира Казаков. И добавляет, объясняя свою инициативу: – Я же учился в Московском инженерно-физическом. В юности увлекался радиомоделированием. Прошел курс радиомонтажника перед работой на американской выставке в Алма-Ате. Опыт вроде есть. Работал там в составе бригады электриков и радиомонтеров.

– Во! То, что нам надо! Вы, ребята, сидите, наблюдайте. А ты, капитан, давай за мной!

* * *

Бригада сидит на чемоданчиках в огромном холле гостиницы. Анатолий профессиональным взглядом оглядывает всю четверку. Обычные

работяги. Старший, с которым его только что познакомили, похож на Никиту Хрущева. Маленький, лысый, но жутко энергичный, подвижный, как ртуть.

– Иван Фёдоров! – коротко пожимая ему руку, представляется Анатолий вымышленным именем.

– Никита Петрович! – взаимобразно отзывается старший. – А это Миша, Алёха и Фёдорыч. Ребята надежные, все профессионалы, – с гордостью добавляет он.

Анатолий еще раз пристально оглядывает одетых в одинаковые синие с надписями робы радиомонтажников. Понимает, что он на их фоне выглядит несколько странновато. Спортивный костюм еще туда-сюда, а вот кожанка не вяжется с его новым амплуа.

– А у вас для меня такой же курточки не найдется? – спрашивает он Никиту Петровича.

– Как не найдется, – с готовностью отзывается тот. – Сейчас подберем.

У черного входа в гостиницу уже стоит полноприводная синяя «буханка». Они молча устраиваются на жестких деревянных скамьях. И машина, скрежеща металлическими внутренностями, трогается вперед.

Мелькают дома, вода. Несколько разворотов. Проезд по набережной. И они уже на мосту через Москва-реку.

Их останавливают у баррикады.

– Недолго музыка играла. Недолго Петя танцевал! – говорит старшой и отодвигает дверь. Выходит из машины. На переговоры.

Анатолий и остальные ребята молча разглядывают открывшуюся панораму. Судя по всему, на баррикады тащат все, что попадает под руку на улицах, и все, что можно вытащить из близлежащих домов. Анатолий успевает отметить, что в основании баррикады свалено несколько бревен, которые перегородили проезжую часть. А на них лежат – старый холодильник, куски металлического забора, полосатая торговая палатка, сваленный набор газетный киоск с разбитыми стеклами. И еще много чего.

Анатолий, разглядывая это хозяйство, внутренне усмехается: «Когда пойдут танки, разве это их сдержит? Эх! Лапотники!» Но через секунду-другую сердце его тягостно сжимается от нехорошего предчувствия. На баррикаде стоят простые рядовые москвичи. Такие же, как и он сам, молодые ребята в спортивных куртках. Одни кучкуются, курят свои сигареты, что-то обсуждают. Другие продолжают упорно укреплять завал. Третьи, собравшись небольшой толпой, внимательно слушают стоящего в центре пожилого мужчину-агитатора.

«Может, и Шурка Дубравин здесь! – неожиданно думает Казаков. –

Наверняка здесь! А где же ему еще быть? Журналисту-перестройщику! Может, и другие знакомые тут есть. Ишь, как жужжат. Того и гляди ужалят. Они за кого? Выходит, за Ельцина! За демократов. А мы? Ну, предположим, что мы ни за кого. У нас присяга. Приказ, в конце концов!»

Анатолий тяжело вздыхает. Глокает набежавшую слюну. «А есть ли у нас выбор?»

Наконец, вернулся, матерясь во всю глотку, старшой. Плюхнулся на скамейку напротив:

– Засранцы, молокососы! Я им объясняю, что нас ждут в Белом доме. Что Филатов нас вызвал, чтобы, значит, вывести радио наружу. Для них же. Чтобы информацию могли получать. О происходящем. Нет. Ни хрена. Не пропускают. У них тут какая-то сплошная шпиономания! – Помолчал. – Старший у них какой-то сопляк. Важный, слов нет. Я не могу нарушить инструкцию! Мне не поступало никаких распоряжений! Тьфу! Блин! – И водителю через стекло: – Петя! Разворачивай! Давай в объезд! Через Калининский.

Снова за окном панорама пустого города. Мелькают дома, люди, витрины, патрули, танки, прижавшиеся к обочинам. Пару раз их останавливают. Старшой бегаёт куда-то звонить. Их пропускают.

И, наконец, «буханка» паркуется во дворе большого красивого дома номер тридцать один на Калининском проспекте. Ребята быстро разбирают свои чемоданчики. Анатолий прихватывает еще моток кабеля. И они через подземный переход проходят к зданию Совета экономической взаимопомощи.

Анатолий на секунду отстает от ребят. Оглядывается вокруг. Высоченное стекляннно-алюминиевое здание СЭВ похоже на гигантскую, поставленную торчком, раскрытую книгу. И вообще, отсюда, с площадки, весь район как на ладони. Он даже представляет, как сейчас с двадцатого этажа сталинской высотки-гостиницы за ним наблюдают в бинокль подполковник и ребята из группы. И даже легонько машет им рукой.

Здесь на пандусе-площадке у СЭВа их встречает провожатый, который и должен отвести в «белый муравейник».

– Ну, что, все на месте? – спрашивает старшого бородатый, курносый мужичонка в коротком плаще и с черной папочкой под мышкой.

– Все! – за старшого отвечает длинный, носатый Фёдорыч. И, смачно выплюнув на асфальт недокуренный бычок, яростно затаптывает его.

– Тогда пошли! – командует встречающий. И быстро устремляется через дорогу.

Пока идет, Анатолий профессиональным взглядом еще раз окидывает

баррикады, тоненькие цепочки вооруженных чем попало людей у главного входа. Прикидывает. Баррикады разнесут с ходу. Танками. Минутное дело. Они прорываются ко входам. Двери можно легко пробить взрывчаткой. Или садануть их гранатометом. А дальше внутрь. И вверх по лестницам. Подполковник Горчаков рассказывал им, как брали дворец Хафизуллы Амина в Кабуле. Влетаешь в комнату – и сразу очередь по шкафам. Не скрылся ли кто? Так же, очередью, срезали и самого Амина, когда он выскочил из реанимации весь в трубках и иглах. Ему как раз делали переливание...

Здесь все намного проще. Если бы не одно «но». Люди! Люди! Защитники! Их тут тысячи. Смешные. Со своими дубинками, арматурой, кострами из баррикад, полевыми кухнями. И настроены они очень даже решительно.

Не уйдут!

Он представил себе, как они, спецназовцы, бегут вверх по белым лестницам, залитым красной кровью. Как скользят их ботинки в этих лужах.

А это не дворец Амина! Это Москва! И это не туземцы – это москвичи и примкнувшие к ним ростовчане, владимирцы, рязанцы, тверичи. Советские. Будет баня. Кровавая баня. И бойня!

И может, ему самому, Анатолию Казакову, придется убить и вот этого студента в спортивной синей шапочке. И белобрысую девчонку, прилипшую к нему. И живописного ряженого казачка в мундире с шевронами и фуражке.

От таких мыслей кружится голова. И становится по-настоящему страшно.

«Народ нам никогда не простит! А как потом с этим жить? Да на улицу не выйдешь!»

У входа в Белый дом постовые попытались получить с них документы. Но провожатый небрежно кинул:

– Костя! Это со мной! Радио будут проводить!

И их пропустили в широченные дубовые двери.

Коридоры внутри Белого дома везде перегорожены мебелью. Опрокинутыми шкафами, столами, креслами.

«Наши хотят атаковать ночью. Народу, мол, меньше будет. Свет вырубим. Но если бежать по такому коридору в темноте, то можно переломать ноги об эту полосу препятствий.

Так, кажется, пятый этаж. Здесь, по нашей информации, где-то заседает и сам Ельцин. Но нам не сюда! А в радиорубку».

У дверей радиорубки на одиннадцатом этаже их встретил какой-то седовласый, интеллигентного вида мужчина. В сереньком костюме. Видно, из демократов. Или депутатов.

В то время мало кого из людей Ельцина знали в лицо. Но Анатолий профессионал. И сразу определил: «Кажется, Филатов».

– Здесь в рубке находится наш информационный центр. Нам бы хотелось, чтобы голос диктора звучал не только внутри здания, но и люди, собравшиеся снаружи, могли получать информацию, – обратился к бригаде будущий глава администрации Президента России. – Следовательно, надо установить динамики и на здании.

* * *

Установить, так установить. Анатолий с напарником – длинным, носатым Фёдорычем, тянут по этажу кабель. Сам бригадир крепит с ребятами динамики.

Работа самая простецкая. В чем-то даже примитивная. Сделали они ее быстро.

Что ж, как говорится, дело мастера боится. Не прошло и часа, как выставленная в окно Белого дома «радиотарелка» забормотала, захрюкала и начала выбрасывать туда, вниз, в темноту последние новости.

– Надо бы проверить, как там внизу слышно, – говорит старшой, складывая в свой монтажный чемоданчик плоскогубцы и отвертки. – Иван, сходи! Если что, покричишь нам.

Перед тем как спуститься вниз, Казаков заходит в туалет. Там открывает окошко и выглядывает с высоты восьмого этажа вниз на улицу. Тут уже поздний осенний вечер. Тянет ветерком, который слегка попахивает дымом от костров. Их жгут защитники. С улицы все также глухо раздаются голоса людей. Он прислушивается к своему радио. Сначала передавали очередной указ Ельцина. Потом его прервали. И какой-то депутат, назвавшийся Славой Волковым, стал рассказывать по телефону из Крыма об обстановке вокруг дачи Горбачёва в Форосе:

– Вокруг дачи стоят наряды пограничников с собаками. В море патрульные корабли...

Капитан Казаков не стал дослушивать путаный рассказ депутата-не депутата, а поспешил вниз к выходу.

Ему надо срочно возвращаться к своим, чтобы доложить обстановку.

Обратный путь затруднений не вызвал. Было не до него. По рядам защитников прошла в очередной, наверное, сотый раз тревожная весть: «Идут на штурм!» И они всю свою бдительность обратили в сторону городских улиц, ожидая оттуда гула моторов и лязга гусениц.

А он, как тень, проскользнул мимо их баррикад и цепей и вышел на мост.

Сейчас для него самым важным было правильно рассказать об увиденном отцам-командирам. Не просто бесстрастно доложить обстановку, а донести до них его видение и тревогу. Настрой осажденных. И то, что, по его мнению, может произойти в результате штурма.

Не правда, что спецназ ничего не боится. Ты можешь в бою проявить невиданные чудеса храбрости. А в обыденной жизни спасовать. Скрыть от начальства свое мнение. Тем более что им никто и не интересуется. А в некоторых случаях тебе лучше «не смей это мнение иметь».

Но здесь особый случай. И уже подходя к гостинице, он после долгих колебаний все-таки решил рискнуть.

В штабе никого уже нет. Встретил его только хмурый подполковник Горчаков. Он как-то неохотно, морща красивое лицо, выслушал рассказ лазутчика. Всем своим видом он словно хотел сказать: «Я-то тебя понимаю! Твое волнение, твой страх. Но там, наверху, уже приняли решение. И его не отменить».

Когда Анатолий закончил, он, вздохнув, произнес:

– Поступил приказ – выходить в район сосредоточения! Все разъехались. Начался отсчет времени! – и вдруг просто по-человечески добавил: – Не нравится мне все это!

«Видно, ему тоже приходится несладко, – подумал Казаков. – Но и промолчать нельзя. Перед ним тоже выбор».

– Позвоню я все-таки начальству. Доложусь, – словно решив что-то для себя, добавил подполковник.

Он вышел в соседнюю комнату. К аппарату. И через минуту Анатолий услышал, как он твердо-басовито говорит кому-то в трубку:

– Да, наш разведчик только что оттуда. Кругом люди. Тысячи людей! Настроены очень решительно. Крови не избежать. Большой крови.

Потом наступила пауза. Видимо, на том конце провода давали указания.

– Слушаюсь! Есть выполнять! Будем выполнять! Продолжим разведку. Да, люди готовы! Нужно провести новую рекогносцировку. Может быть, стоит изменить план? И попытаться подняться туда из подвалов? Там очень серьезные подвалы. Группа наших разведчиков пытается сейчас найти

проход к Белому дому от линии метрополитена. Между станциями «Краснопресненская» и «Киевская»...

Снова молчание.

– На пятом этаже! Там находится кабинет Ельцина. Но на подходах везде нагромождены баррикады из мебели. Но, по нашим данным, он там не ночует. Где? В подвале. И постоянно меняет места ночевки. Слушаюсь! Будет сделано!

Дослушав разговор, Казаков облегченно вздыхает. Правильно он сделал, что сказал все. Снял тяжесть с души. Теперь это уже не его ответственность. И он даже усмехается, вспоминая старый еврейский анекдот: «Пусть теперь Сруль повошкается!»

* * *

Вторая ночь ожидания.

В полной экипировке сидят они рядком на скамеечке. Бронежилеты застегнуты. Автоматы заряжены. Ножи в ножнах. Запасные рожки в разгрузках на груди. Разве что только каски-сферы еще не одеты на забубенные головы.

Сейчас они похожи на каких-то военных роботов, которые не задумываясь и не рассуждая выполняют любой приказ вышестоящего командования. Но это совсем не так. Они такие же, как и все. Обычные советские люди. Живут той же жизнью. И каждый тысячами нитей связан со страной, народом и Москвой.

И они так же, как и все, думают о предстоящем.

И все понимают. От этого на душе у них тоскливо и пусто. И разговор от этих невеселых дум не клеится.

– Слушай, – неожиданно говорит Анатолию сидящий рядом с ним на скамье Степан Михайлович, – там же тоже есть наши ребята. Ну, то есть в Белом доме. У Ельцина. У меня знакомый из пятого управления к ним ушел. Я ему позвоню схожу. Ты, если что, меня прикрой. Ну, и позови.

– Угу! – коротко отвечает капитан. – И молча смотрит вслед уходящему тяжелой походкой товарищу. А потом оглядывает хмурые ряды славянских лиц. Оглядывает и неожиданно для самого себя этот потомок уральских казаков, никогда даже не задумывавшийся о Боге и вере, начинает потихонечку нашептывать про себя неизвестно откуда появившиеся слова: «Господи! Пронеси мимо нас чашу сию! Не дай нам

пролить невинной крови! Не оставь нас, Господи! Помоги!»

Через пять минут возвращается сосед.

– Ну, что? Как там? – раздаются со всех сторон вопросы.

– Ждут! Они там тоже ждут штурма. Готовятся...

IV

Дубравин заправляет в факсимильный аппарат последнее сообщение о вылете некоторых членов ГКЧП в Крым. К Горбачеву.

Долго смотрит, как, жужжа и моргая зелено-красными огоньками, факс пропускает через себя бумажную ленту.

Еще день прошел в тревожном ожидании.

Редакционный народ уже разбрелся по домам. А он решил остаться на ночевку здесь. На этаже. Поэтому идет по длинному коридору в отдел местной корреспондентской сети. Ложится на продавленный черный диван. Сон не идет. Тревожные мысли, как молнии, пронзают его внутренний горизонт: «Что будет дальше? Как поведет себя армия? Удержится ли Ельцин в Белом доме?»

Он ворочается, ворочается, а потом решает сходить к ребятам в отдел политики. Может, есть еще какие новости. Ведь Леха Косулин, кажется, все-таки сумел пробраться в самолет «чекистов».

Встает, идет по длинному, полутемному коридору. Возле туалета натывается на Алексея Дунелина из отдела пропаганды. Леха – маленький, черный, въедливый бакинец сильно смахивает на азербайджанских гостей столицы. Хотя по паспорту числится русским.

– Ну что, Леха? Что слышно там? – спрашивает его Дубравин, не уточняя, где находится это «там». Ведь обоим и так понятно. Там – это у Белого дома.

– Да пока ничего не слышно. Танки, бронетехника бродят по городу. Куда идут? Никто ничего понять не может, – недовольно отвечает Алексей, нервно теребя в руках какой-то белый листок.

– А может, махнем туда? – неожиданно даже для самого себя предлагает Дубравин. – Чё тут сидеть? Все равно не спится, которая ночь в ожидании. А?

– Да, давай съездим, – также неожиданно отвечает Дунелин.

– Поехали!

Они выскальзывают из родного теплого редакционного подъезда на темную серую улицу. Шагают к Ленинградскому проспекту, на ходу отмечая про себя, что, несмотря на комендантский час, народ ходит по улицам свободно. Да и что такое комендантский час в девятимиллионном городе? Мыслимое ли дело – остановить жизнь такого мегаполиса одним распоряжением.

На площади у Белорусского вокзала стоит несколько машин. Юркий паренек в кожанке согласился за не слишком большие деньги добросить их на своем желтом «Москвиче-412» до самого места. Хлопнули по рукам. Потом уселись в темный салон. И рванули по улицам полуспящего, пустого города.

Людям, когда они читают книги или смотрят фильмы об исторических событиях, кажется, что в такие переломные моменты весь народ, вся страна только и заняты в массовках. Но это совсем не так. Абсолютное большинство людей ни в каких там революциях участия не принимает. Живут, как и жили. Едят, спят, пьют, рожают, любят, ненавидят. Так и в данном случае. На защиту Белого дома вышли тысячи, может быть даже десятки тысяч. А остальные миллионы миллионов тихо дремали. Или смотрели «Лебединое озеро». Но они тоже принимали участие в борьбе. Своим сочувствием, переживаниями, мыслями, эмоциями они подпитывали борцов. Давали им силы, веру и надежду. А это как раз то, в чем в эти тревожные дни и ночи нуждались тысячи, вышедшие к Белому дому.

Казалось бы, что такое Белый дом? Не более чем большое здание! Но в эти августовские дни оно стало символом. Свободы. Надежды людей на другую, какую-то новую жизнь. И символом сопротивления старому, отжившему и прогнившему. Так было!

– Стой! Куда прешь? Мать твою! – орет на них, когда «Москвич» подъезжает к баррикаде, стоящий рядом бородатый мужик в шапке-ушанке и с милицейским «демократизатором» в руках.

– Дай им по горбу! – подскакивает от костра взлохмаченный студент. – Наверняка, это подосланные.

Из темноты выдвигаются еще несколько вооруженных чем попало фигур.

– Да вы что, ребята! – примирительно говорит, открывая дверцу машины, Леха Дунелин. – Какие из нас подосланные? Какие-такие диверсанты? Мы свои! У нас с собою ничего нет. Вот поглядите! – он поднимает руки, хлопает себя по карманам.

– Мы журналисты! Из молодежной газеты, – примирительно добавляет Дубравин, сразу оценив нервную обстановку, в которую они попали.

– Вот мое удостоверение, – достает Леха красную книжечку, на лицевой стороне которой золотыми буквами оттиснуто название газеты.

Бородатый в шапке осторожно берет огромными руками ценную вещь и при свете фонарика долго вглядывается в фотографию, печать и подпись редактора.

– Ну ладно! – наконец примирительно бормочет он, возвращая ксиву. Народ успокаивается.

Начинает капать дождик. Такой нудный, серый московский августовский дождь. От которого не спрятаться, не скрыться. Народ срочно натягивает какие-то плащики, капюшоны. В ход идут и куски прозрачной полиэтиленовой пленки. Из них делают колпаки и накидки.

От этой маскировки все становятся похожими на белых призраков, выбравшихся из своих укрытий, чтобы бродить в ночи.

Александр отмечает, что на ночь людей осталось намного меньше, чем было днем.

Среди народа начинается легкое шевеление. Из темноты выплывает сухонькая московская бабулька с эмалированным зеленым ведром, накрытым крышкой.

– Федосеевна пришла! – как старую знакомую радостно приветствует ее лохматый длинноволосый студент. – Молочка принесла?

– Пирожки, милья! С яйцами и капусткой! – открывая крышку, напевно произносит бабуся.

До Дубравина доносится запах свежеспеченных пирожков. И он, глотая слюну, вспоминает, что за весь день только и успел два раза попить чайку в буфете редколлегии. Но пока он раздумывает, баррикадный разношерстный народ уже налетает на ведро. Спасибо Лехе. Тот сразу ориентируется в обстановке. И успевает ухватить пару горячих, ароматных пирожков.

Они, обжигаясь, жуют их на ходу, продвигаясь к ближайшему костру, у которого жмутся, кучкуются защитники.

Огонь костра, сложенного из деревянных ящичков из-под овощей, неяркий. Доски уже почти сгорели. Но угли еще не остыли и под ветром фосфоресцируют, пульсируют, отдавая тепло стоящим и сидящим вокруг. Ближе всех к огоньку сидит на поваленной урне пожилой мужчина в военном зеленом бушлате и лыжной шапочке. По виду прямо профессор. Он помешивает угли костра металлической лыжной палкой и неторопливо гладко говорит.

В первом круге от костра: сопливый красноносый юноша, лихой казачок с нечесаной бороденкой и дамочка-институтка. Тут же крутится давно небритый мужичонка еврейского вида. Весь какой-то перекосяченный. Он то и дело, хромая и переваливаясь с боку на бок, отходит к баррикаде, чтобы притащить очередной овощной ящик.

Дубравин с Дунелиным подходят поближе к огоньку, чтобы согреться да заодно послушать уличного философа.

– Религия, друзья мои, основана на вере, а наука, она оперирует фактами, – важно говорит «профессор». – Коммунисты же хотели, чтобы мы верили в коммунизм, как в рай. Но так не бывает...

Не успевает оратор закончить свою мысль, как, ни с того ни с сего, перебив его непонятно зачем, вступает казачок:

– Нам ваша коммуня ни к чему. Нам надо вернуть веру православную! – запальчиво говорит он и грозно сверкает пуговками глаз из-под мохнатых бровей на окружающих.

Его останавливает дамочка.

– Степан! – манерно вступает она. – Ну дайте же человеку сказать! И все-то вы идете вразрез...

Мальчишка в голубом берете и с обрезом ружья, стоящий чуть поодаль, хмыкает и приобнимает соседку – уличную девчонку в узеньких джинсиках и нелепой полиэтиленовой накидке.

«А у этих свое! – думает Дубравин, разглядывая сцену у костра. – Господи, люди-то все разные. А настроены решительно. Но не злобно. Главное, не злобно».

– В Советском Союзе марксизм превратили в религию, – слышен спокойный голос профессора от огня. – Поклонение новым святым. Мощи вождя на главной площади страны. А ведь это наука. А религию выкинули. Но это разные вещи. И они не могут подменять друг друга. Демократия, конечно, не самая лучшая форма правления, но...

«Что привело их сюда? – продолжает думать о своем Александр. – Ведь люди совершенно разные. Из разных слоев общества, разного образования, воспитания. Наверное, это все-таки общее стремление к свободе. Эх, свобода! Свобода! Что это значит для нас? Многие даже и не понимают. Но стремятся. Инстинктивно! Ведь что это такое? Это возможность не только митинговать и говорить то, что думаешь. Но и жить, как хочешь. Делать, что хочешь.

Хочешь – хлеб пеки, как вот эти кооператоры. Хочешь – вообще ничего не делай! Просто живи, как нравится. А не так, как приказывают тебе».

Дубравин придвигается поближе к огоньку. Разговор у костра потихоньку угасает. Леха куда-то исчезает.

И так, сидя на перевернутой мусорной урне, Сашка кемарит, дремлет. Сквозь сон он чувствует, как приходят и уходят люди, слышит какие-то невнятные голоса:

– Вы смотрите, следите. Какие они будут эти альфовцы? Это, скорее всего, молодые спортивные ребята с большими спортивными сумками...

Он проваливается в дремоту. И почему-то снится ему родное Жемчужное. Все в цвету. Вскипели белым-белым сады. И вишни, и яблони, и сирень. Боже, как пахнет у них сирень...

Где-то в темноте вспыхивает разговор. Дубравин резко спросонья вскидывается на месте.

– А? Что? Где?

Красноносый студент быстро убегает в темноту. Возвращается через пару минут. И, явно гордясь своей осведомленностью, сообщает народу, без толку вглядывавшемуся в темноту:

– Это человек из команды Ельцина подходил.

– Кто-кто? – спрашивает его засланный казачок.

– Вроде как его телохранитель!

– А! О! – как-то по-простому мычит дамочка в платочке. – Значит, и сам где-то здесь.

И опять тишина. Все разбредаются по своим местам. Где-то у соседнего костра звенит стеклотара. Похоже, там, по старинному русскому обычаю, отмечают. Неважно что. Главное – отмечать.

Где-то на краю у правого угла начинается какой-то шум и сумятица. Этот шум быстро идет по цепи. Народ, только что мирно сидевший у костров, выпивавший, закусывавший и напевавший песни под гитару, вскакивает, озираясь:

– Что?

– Где?

– Левее смотри!

– Кажется, идут!

Бородач в фуфайке, который хотел при встрече огреть журналистов дубинкой, вскакивает с места и начинает показывать, что он здесь старший.

– В цепь! В цепь! За баррикаду! – испуганно кричит он. – Началось!

Народ недружно, но серьезно выстраивается, держа «орудия» наизготовку.

Из темноты выскакивает взлохмаченный казачок на пару с кривобоким хромым еврейчиком. Они куда-то ходили. А теперь вернулись:

– Ложная тревога! Ложная тревога! – вопит он и, успокаивая народ: – Кому-то что-то со сна почудилось, как будто начался штурм! Все спокойно. Я с Моисеичем ходил к зольдатам. К танкистам. Они точно не собираются штурмовать. Точно! – как бы убеждая себя и других, повторяет казак несколько раз.

Через минуту рядом с Дубравиным рисуется давно ушедший Леха Дунелин. Подходит к огоньку. Спрашивает Александра:

– Ну, чего тут?

– Да все нормально. Только тревожно очень. А ты где был?

– Да я, Санек, внутрь ходил.

– И тебя пустили?

– А что? Показал удостоверение нашей газеты. Провели. Знаешь, к кому? К Бурбулису. Он там встречается с журналистами, артистами, писателями. Ну, одно слово, ученый человек. Видно, что преподаватель. Так и чешет. Как лекцию читает. Не зря у него фамилия такая. Бурбулис. Говорит так монотонно – бу-бу-бу-бу! Без всякого пафоса.

«Нам бы только ночь простоять. Да день продержаться, – думает в это время Дубравин. – А завтра... А что завтра? А вдруг они очнутся. И пойдут на штурм. А потом завинтят гайки так, что мало не покажется. – Он даже поежился. Но не от холода. А от ужаса. Представив себе, как можно завинтить гайки. – И что потом делать? Особенно таким, как я. Тем, кто раскачивал лодку. Долбил, поносил советскую власть. Куда нам деваться? Отсидеться-то не получится. Разве что бежать из Москвы. Но куда? В деревню? К теще? Найдут. Все равно найдут. Можно драпануть дальше. В Казахстан.

И что тогда? Сидеть тихо, как мышь? Да, мы уже так не умеем. Тот, кто хлебнул хмельной воздух свободы, вряд ли сможет заткнуться. И молчать в тряпочку. Сами заварили эту кашу. И народ подстрекали. А теперь бежать?»

И он, как когда-то в юности, думает, сидя здесь под белыми стенами на широких ступеньках: «Пусть уж лучше тут убьют. Чем сидеть, как крыса в подполе и вечно дрожать. Раз уж дошло до такого, раз уж доигрались в гласность и перестройку...

Коль пошла такая пьянка – режь последний огурец!»

* * *

Сумраки и призраки августовской ночи начали мягко, мягко размываться невесть откуда взявшимся светом. Лучи восходящего солнышка сначала отразились на стеклянной книжке здания СЭВ, потом выхватили из небытия белый, вафельный стаканчик, на крыше которого гордо развевалось трехцветное знамя России.

Люди правду говорят! Нет ничего на свете труднее, чем ждать и догонять. Поэтому все участники посиделок с облегчением вздохнули, когда закончилась игра на нервах. Чёт! Нечет! Будет штурм? Не будет!

Рассвет настал. И с соседних улиц потянулся к Белому дому народ. Разный. И сочувствующий. И просто любопытствующий.

Толпы обывателей загрохотали улицы и переулки. Штурмовать через них? Безумие! Так что они с Лехой могут валить к себе. На работу. Поспать. И продолжить свою агитационную деятельность. Что Дунелин и делает.

Но Дубравин – он же журналист. До мозга костей. Ему все интересно. Он в каждую дырку затычка. Поэтому, прежде чем уйти совсем, он поперся вдоль по улице. Пока не наткнулся на стоящую в тени домов колонну боевых машин десанта. Запыленные гусеничные стальные коробочки замерли у обочины. Во дворе дымит полевая кухня. Там пара солдатиков, раздевшись до пояса, с хэканьем рубит дрова.

Только чурки летят.

Рядом стоит повар в белом колпаке и нервно курит папиросу.

И этот походный, даже мирный бивуак ну никак не вписывается в жизнь и облик многомиллионного города.

Дубравин подходит к стоящим у второй БМД ребятам в полевой форме. И, не зная как начать разговор, просто здоровается. И спрашивает первое, что приходит в голову:

– Здравствуйте! А вы из Тулы?

Молоденькие солдатики в голубых беретках со звездами подозрительно зыркают на него. Но все-таки снисходят до разговора со штатским.

– Из Тулы! – говорит длинный, худой, но жилистый ефрейтор с едва пробивающимися рыжими усиками.

Чубатый, плотный сержант в берцах, едва поворачивая бульдожьей челюстью, спрашивает:

– А у тебя закурить не найдется?

– Найдется! – значительно отвечает Дубравин. Он, как человек опытный, прихватил из редакции целую пачку «Родоп» – болгарских сигарет с фильтром – то, что надо для поддержания контакта.

Все дружно тянутся к пачке. И после налета в ней остается всего сиротливая парочка «патронов». Но он не жалеет. В утреннем воздухе ветерок разносит дым сигарет с ментолом. А народ отмякает и начинает делиться своими невзгодами.

– Стоим тут вторые сутки!

– А вы не знаете, какого хрена мы тут торчим? – спрашивает совсем юный мальчонка, старающийся выглядеть солидно на фоне своих боевых товарищей. Видимо, для этого он спустил ремень до мотни. И подвернул

голеньца сапог.

– Ну, наверное, для того, чтобы поддержать комитет по чрезвычайному положению, – дипломатично отвечает Дубравин, пытливо глядя в лица.

– В брюхе пусто! – замечает сержант. – На одном сухпае долго не протянешь!

Только-только вроде налаживается контакт, как откуда-то из-за угла дома выскакивает усатый, плотный, как гриб-боровик, белобрысый прапорщик. И начинает наезжать:

– Что здесь такое? Что за разговоры? Общение запрещено! Со штатскими нам обсуждать нечего! Попрошу вас покинуть расположение части!

Дубравин глядится, глядится в усатого прапора, в его петлички с парашютиком, беретку под голубым погоном. Округлое лицо с пшеничными бровями и вдруг ахает, узнавая и не узнавая товарища своей бедовой пэтэушной юности:

– Витька! Ты, что ли? Палахов Витёк! Сколько лет, сколько зим?!

Прапор скидывает на него нахальные голубые глаза.

– Ё-моё! – наконец вспоминается ему детство босоное. – Ё-моё! Санька, ты, что ли?

– Он! Он самый!

И лезет широко по-медвежьи обниматься:

– Сколько же лет прошло? Десять? Одиннадцать? Двенадцать!

– И Господь послал тупых учиться. А армия их разлучила.

– Как ты? Где был? Куда после армии? – засыпал Витек Дубравина вопросами.

– Отслужил. Работал на стройке. Закончил универ. Потом журнал. Молодежная газета. Сейчас в Москве! – с некоей долей гордости в голосе отвечает Александр.

– Я отслужил срочную, – Витька подправляет молодецким жестом усы, – и остался в армии. Потом в Афгане год. Счас в Тульской дивизии. Работаю с молодежью. Как говорится, не стареют душой ветераны. Хотя есть такое пожелание – выйти на пенсию. И пойти учиться.

– Витек! Какая пенсия? Какие наши годы? Жизнь только начинается!

– Пенсия за выслугу лет! Старичок!

– Ну ладно тебе прибедняться! Вон ты, какой удалец-молодец! Кстати говоря, а что вы здесь делаете?

– Да вот пригнали сюда. Стоим! Пока стоим!

– Вы что ж, Витек, штурмовать будете? Или как? – замечает Дубравин

с подковыркой. – Видел, что там творится! – Он кивает крупной головой в сторону. Там и женщины, и молодняк совсем. Что, будете их гусеницами давить? А, Витек? Народ вам этого не забудет никогда! И не простит. Народ, он в отчаянности находится.

– Ты не наезжай! – обижается Палахов. – Не наезжай! Мы люди военные, подневольные!

– Вот так вы всегда! Нам приказали! Кто приказал-то? Какие-то недоделанные! А вы и рады их слушать! А законная власть вернется? Она вас не помилует, – намекая на то, что Горбачев может прилететь из Крыма, давит на больной мозоль Александр. – Эти кто? Самозванцы! А он – верховный главнокомандующий! И пенсии тогда не получишь. И из армии всех выметут сраным веником! – с ожесточением произносит Дубравин. Его охватывает сильнейшее огорчение: «Старого товарища встретил. И надо же – вместо радости такое понес!»

Однако видно, что и сам Палахов, да и все участники действия думают о том же. И что не первый он, Дубравин, говорит им об этом.

– Эт-то правда! Если что? Кто же помилует? Да генералы, мать их... – ругается прапорщик, почесывая стриженный затылок.

– То-то и оно. Паны дерутся, а у холопов чубы будут трещать, – замечает сержант с бульдожьей челюстью, докуривая и бросая на асфальт сигарету.

– Да, нет! Мы не пойдем! – как-то неуверенно заговорил извиняющимся тоном отчаянный Витек. – Эт-та правда твоя. Никто из наших не хочет. Стоять стоим. А чтоб штурмовать... Или как... Да нас тут скорее для устрашения поставили...

Пока они так разговаривают, к группе подтягивается еще человек десять десантников. И гражданских.

Один из гражданских – крепкий такой старичок в зеленом плаще с впалыми щеками и явно бывший офицер – напористо говорит:

– Товарищи солдаты! Разгоняйте эту сволочь, что засела в Белом доме. Спасайте страну! Законную власть!

– Это какую власть, деда?

– Где сейчас власть?!

– А какая она законная? – галдят десантники.

– Нашу советскую!

– Тут все мы советские! – подводит черту Палахов. – Шел бы ты своей дорогой, дедушка! – Ему явно не нравится, что вокруг них собралась такая вот большая военно-гражданская толпа. Тем более что краем глаза он уже замечает – из подъезда вышел и идет к ним заместитель командира полка

по политической работе. И уже на подходе начинает шуметь:

– Прекратить агитацию! Гражданских прошу покинуть территорию полковой колонны. Разойдись! Не толпись!

– Ишь, какой держиморда! – замечает Дубравин. Но, не желая никого подставлять, протягивает руку Палахову: – Давай пять, дружище. Когда еще увидимся? Если что – я в молодежке работаю.

Толпа быстро рассасывается, чтобы через некоторое время возникнуть вновь. Уже в другом месте.

V

Митинг получился грандиозным. Ни до, ни после этого Казаков не видел ничего подобного. Сотни тысяч людей, словно охваченные какою-то лихорадкой, бесконечною чередой шли и шли по улицам города к белому дому. Несли плакаты и транспаранты. Портреты Горбачева и Ельцина. Вздымали вверх руки и что-то кричали радостно и возбужденно.

Несколько странным на этом фоне показался Анатолию небольшой, написанный от руки, транспарант, как бы по-новому расставлявший политические акценты: «Горбачеву – грош цена, берегите Ельцина!» Но это так, пустячок. Внимание же многочисленных народных масс, запрудивших окрестности, занимал гигантский российский триколор, растянутый на фасаде белоснежного здания.

Это митинг победителей! Народа, который победил самое главное. Свой страх.

Ельцин и его команда стояли там. Наверху. Как небожители. Самого Бориса Николаевича охрана прикрывала бронещитом. И оттуда, с высоты, он, как камни, бросал в восторженную толпу правильные и громкие слова. О том, что они завоевали свободу. Право на достойную, человеческую жизнь. Право самим выбирать власть. И жить в демократическом государстве.

Казаков стоял в этой человеческой массе, в этой наэлектризованной толпе, но не ощущал себя частью единого целого.

Он ни на кого не напирал, не горит внутренним огнем, не ждет, как они, чуда. Стоит. Слушает и думает о своем: «Ну, арестовали бы мы его тогда в Архангельском или потом в Белом доме. И что бы было? Да ровным счетом ничего бы не изменилось. Народ или толпа, бог его знает, вознесли бы на пьедестал кого-то другого. И так же восторженно глядели бы снизу вверх на Хасбулатова или кого-то еще. Также аплодировали бы. И также внимали бы их словам, ожидая чуда. Чуда преобразования жизни. Если уж яблоко созрело, то оно должно упасть. Как бы это не хотелось садовнику, но он не в силах отменить этот закон жизни. И молодец тот, кто вовремя его сорвет. Или поймает падающее на землю».

«Все стареет и ветшает. Даже идеи. Все проживает свой период. Свой цикл! – он проталкивался сквозь толпу и продолжал думать в том же ключе. – Казалось, еще вчера коммунистическая идея владела массами. Люди худо-бедно, посмеиваясь, но верили в нее. Шли с нею в бой. А

сегодня в ходу другое. Демократия. Безграничная свобода. Равенство. И хитрые политики отбрасывают старую идею, как ненужный костыль. Подхватывают новые лозунги. И бодро идут вперед. Так и эти. Еще вчера все они были верными ленинцами. Секретарями обкомов, министрами, преподавателями марксизма. А сегодня они за рынок, за демократию, за Россию. За ее будущее. Светлое.

И вчера была правда. И сегодня будут клясться, что все это правда...»

С этими мыслями он потихонечку выбирается из толпы и идет к станции метро.

– Эй, Толян, ты? Казаков! – кто-то настойчиво окликает его прямо у входа, обозначенного светящейся буквой «м».

Он оборачивается. Чуть сбоку, у кооперативного ларька, торгующего видео и аудиокассетами, стоит рыжий, конопатый парень в длинном плаще. И аккуратно, стараясь не раздвигать полы плаща, машет ему рукою. Это Алексей Пономарев, его старый друг и товарищ.

– Леха! Ты!

– Я.

– Живой?!

– Живой! Здоровый! Но страшно голодный! – пытается как всегда шутить Пономарев.

Они кидаются обниматься. И Казаков через плащевую ткань чувствует, что у друга под мышкою висит, судя по всему, короткоствольный автомат.

– Ты откуда? – отходя в сторонку от народного потока, спрашивает он Алексея.

– А ты где был в эти дни? – вопросом на вопрос отвечает тот, словно пытаясь понять, кто сегодня на чьей стороне. Но потом, не дождавшись ответа, машет рукой и добавляет: – И чего я, дурак, спрашиваю. Ясное же дело. Был там же, где и все твои. Служба, будь она неладна... А сейчас откуда идешь?

– С митинга!

– Чего ходил?

– Хочу сам разобраться, где какая правда. За кем? Или за чем.

Леха присвистывает:

– Брось! И не пытайся! Сегодня правда такая вот. А завтра может быть совсем другая, – туманно намекает он на что-то. – Давай лучше мы с тобою пойдем ко мне, посидим. Поговорим! Поокаем. Выпьем уодки, – пытается шутить он. Но есть в этих словах что-то вымученное. Да и сам Алексей не выглядит лощеным бодрячком. Видно, что он измотан и угнетен.

Народ начинает разъезжаться с митинга. И толпа напирает так плотно,

что сесть с ходу не получается. Вдавиться в голубой вагон им удастся только с третьего раза. Поезд набирает ход с грохотом и ревом. В открытую форточку врывается теплый вонючий воздух. За окном проносятся закопченные стены тоннелей с навешенными на них толстыми кабелями. Пять минут бешеной гонки под землей. И с визгом стальных колодок начинается торможение. Остановку они едут «на цыпочках». И только на третьей им удастся перебраться к стеночке.

Все это время Анатолия беспокоит только одно: «А ну кто прочухает, что у Лехи автомат?»

Всю дорогу они помалкивают. Слушают возбужденных людей:

– А кто стоял рядом с Борисом Николаевичем, когда он читал резолюцию? Ну, рядом совсем? – игриво спрашивает шустрая девчушка в смешной вязаной шапочке своего кавалера. – Такой здоровенный дядечка. Я его не знаю. Он все в народ глядел.

– По-моему, это был его охранник! – отвечает длинноногий парень, поплотнее прижимая ее. – То ли Кержаков, то ли Корсаков.

– А! – тянет она, обнимая парня. – Значит, у него тоже охрана есть. А я думала, это какие-то его товарищи, демократы...

Рядом стоит пожилая парочка. И тоже:

– А как скандировали: Пре-зи-дент! Пре-зи-дент! – бормочет бабуля.

– Да! Здорово было! – отвечает еще бодрый дед.

Алексей шепчет на ухо Анатолию:

– Скандировали... А Горбачев им уже и не нужен...

– Да ты что? – удивляется Анатолий. – А я думал, что теперь-то Горбачев на коне...

– Он теперь будет в бороне, а вот второй точно на коне... На белом... Ну, да ладно! Дома поговорим!

Алексей живет в Черемушках. В районе, который когда-то был визитной карточкой новой Москвы. Строили его с любовью. Надеялись, что такими же удобными и симпатичными, пусть и типовыми, домами будет застроена вся спальная столица. Потом посчитали – прослезились. И начали лепить панельки. Сначала пятиэтажные, прозванные народом «хрущевками», а затем гигантские, многоэтажные «ковчеги», в которых может сразу уместиться целая деревня, а то и две-три. Временные «хрущевки» стали расползаться по всей Москве, а потом и по стране. А Черемушки так и остались единственными и неповторимыми.

Алексея отец-генерал выделил на самостоятельное житье еще курсантом. Надеялся, что тот так быстрее обретет вторую половину и обзаведется потомством. Но отец ошибся. Леха гуляет и перебирает девок,

как горох. Его однокомнатная квартира обставлена и оборудована по последнему слову техники. Вместо люстры – большой зеркальный шар. В углах – мощнейшие колонки. У проигрывателя стопа западных хитов в цветных конвертах. В серванте полный джентельменский набор напитков для создания коктейлей. В углу – проектор. И набор цветных слайдов. А также чудо отечественной техники – видик марки «Электроника» с коллекцией фильмов типа «Греческой смоковницы». В большой комнате есть и традиционная ГДРовская «стенка» и набор чешского хрусталя. Но доминируют все-таки не они. А раскладной диван-кровать, готовый по первому требованию хозяина раскрыть свои объятия для любви и дружбы.

Девушки приходили в гости. Желали стать хозяйками этого гнезда. Но Алексей как-то ухитрялся выскользывать из их объятий. И это было немаловажное обстоятельство для их мужской дружбы. Так как они могли всегда от души «посидеть на кухне». А потом Анатолий мог и заночевать здесь же.

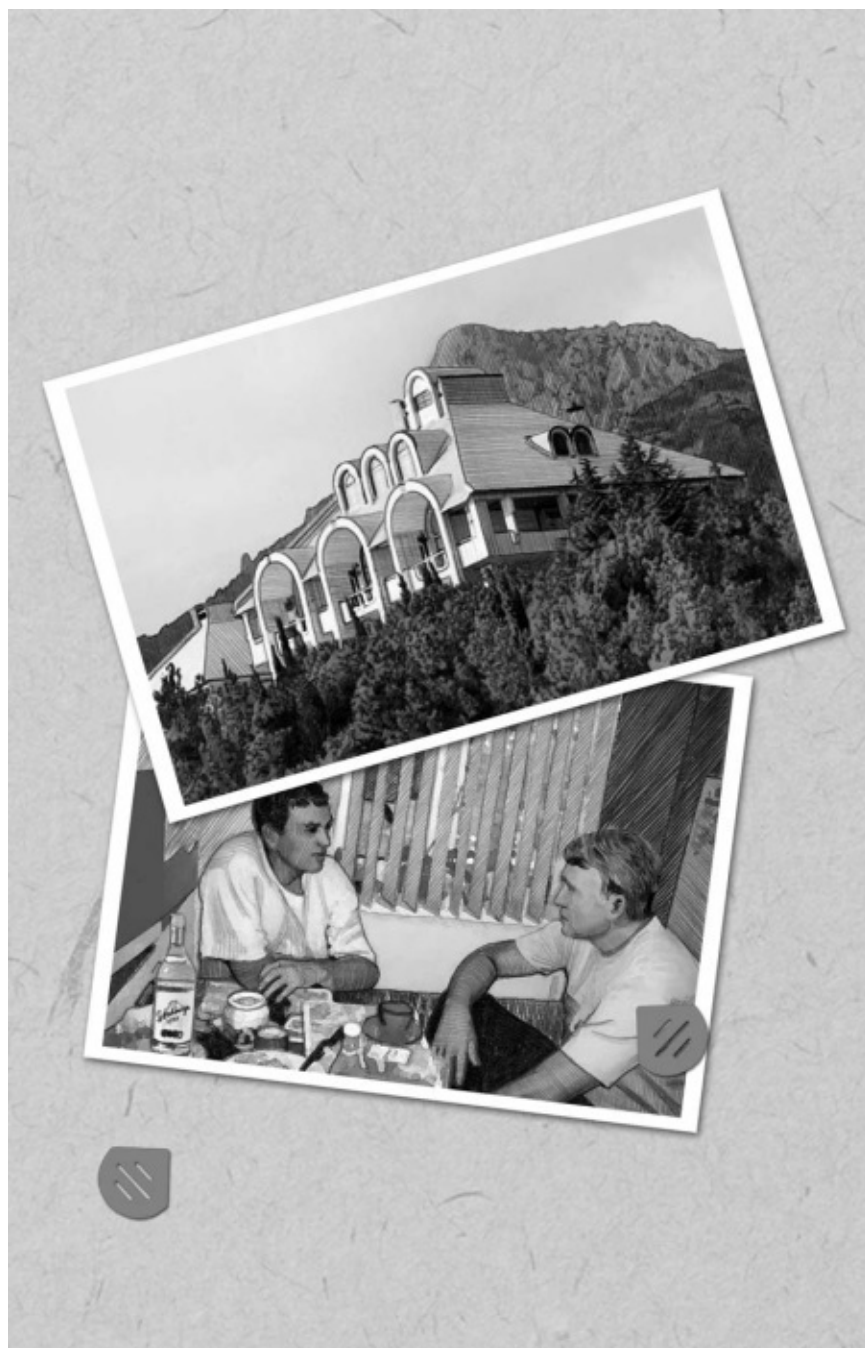
В большом холодильнике «ЗИЛ» сегодня нашлась и бутылка водки – неременный атрибут хороших мужских посиделок. Из закусок были: колбаса, хлеб, яйца, сосиски. И опять колбаса.

Пока Леха «накрывал» стол на кухне, Анатолий зашел в комнату и включил телевизор «Горизонт». Шли новости. Сюжет о возвращении Михаила Сергеевича Горбачева из Крыма. Мелькали первичные кадры. Правительственный аэропорт «Внуково». Приземляющийся борт с синей надписью «Аэрофлот». Трап с красной ковровой дорожкой на ступеньках. Спускающийся по этому трапу первым загорелый, седовласо-лысый мужчина с родимым, словно разбрызганным пятном на высоком лбу. Анатолий отмечает, что Михаил Сергеевич одет в светлую курточку с подвернутыми рукавами (наверное, не свою) и свитер с треугольным вырезом.

На лице у самого первого Президента СССР какое-то, с одной стороны, радостное, а с другой – озабоченно-обреченное выражение.

Следом за ним показывается женщина, одетая во что-то, похожее на белый халат. Она поддерживает закутанную в шотландский клетчатый плед девочку.

Казаков с трудом узнает в этой изможденной, потерянной женщине Раису Максимовну.



Но не они потрясают Анатолия. В свите президента, в расстегнутом пиджаке, с опущенным вниз стволом автомата Калашникова, он замечает своего закадычного друга. Белая рубашка и длиннющий модный галстук ну никак не вяжутся со скорбным выражением его лица.

«Значит, он был там. С ними. В золотой форосской клетке».

Они уселись на кухне. Алексей снял «козырек у бескозырки» с белянкой. Налил сразу граммов по сто. Чтобы забрало. Тоста не сказал. Заметил просто:

– Ну, вздрогнем!

И чокнувшись простыми гранеными стаканами, они взялись наперегонки зачищать чугунную сковороду от яичницы с колбасой.

Едят молча. Потом, отложив вилку, первым, словно прощупывая друга на предмет «кто же ты такой теперь, после всего?», задает вопрос Пономарев:

– Ну и где вы были в августе девяносто первого?

– А где вы были? Небось прятались? – подначивает его Казаков. – Я-то был в Белом доме, – говорит он со значением, специально не объясняя, с какой миссией туда ходил.

И оба они хохочут, прекрасно понимая скрытый смысл своих ритуальных вопросов. То есть, они признают, что по делам службы они оказались по разные стороны баррикад, но это не мешает им оставаться друзьями.

– А я вас где-то видел! – намекает Анатолий на телевизионный сюжет.

– А я вас, Анатолий Николаевич, почему-то не видел нигде! – парирует Алексей.

Наливают по второй. Принимают по грамульке. И Пономарев произносит:

– Ну, что вам рассказать про Сахалин! То есть, конечно, не про Сахалин, а про полуостров Крым. Там всегда хорошая погода. И нынче она была очень даже неплохой. И там я познакомился с Люсей. Она работает продавщицей в сельмаге. Такая хохлушечка-хохотушечка. Одно слово – душечка. У-у-у-ух! В свободное от службы время я вышел за КПП. Познакомился с ней. Она пригласила меня попить чайку. А я взялся учить ее, как готовить рапаны. Ну, такие моллюски у них. Но они их не едят. Не умеют готовить. Их надо отваривать. Потом жарить...

– Леха, чего ты буровишь?

– Короче, вот в тот самый день сижу я у нее «примусы чиню», никого не трогаю. Прибегает посыльный. Срочно на дачу. А знаешь, как местное население называет резиденцию? «Райкин рай!» Ох, и остер на язык наш народ! Ну а чем не рай? Впереди море. Позади горы. Посередине Форос. Значит, маяк. По преданию, там была в старину Генуэзская крепость. А в ней таможня. Сейчас – гигантский парк, в котором растут реликтовые деревья. Бамбуковые рощицы, гиацинты, пальмы, глицинии. Тут же дубы, липы, оливки, сосенки. Кругом цветы. Розы, розы... И дух стоит такой цветочный. И вот в этом цветнике, посередине, такой пряничный домик – государственная дача «Заря». Оранжевая крыша. Бассейн. Вертолетная площадка. Кругом дорожки для гуляний вымощены плиткой. Обсажены

кипарисами. Красотища невиданная. Вот тут уж точно постигаешь в буквальном смысле слова, что такое величие природы. Просто дух захватывает!

– А ты представляешь себе такое, – перебивает друга Анатолий, – длинный проспект Мира. А на нем в три ряда стоят, сколько глаз охватывает, стоят боевые машины десанта. Молоденькие солдатики бродят по броне, а с боков с зонтиками гигантская толпа горожан. И все смотрят, дискутируют, ругаются. Незабываемое зрелище. Народ только начал возвращаться из отпусков. А тут вот такая картина. Хоть стой, хоть падай. Ну, и нас сюда нелегкая принесла. Мы тоже на югах были. В летних лагерях. Здесь и поставили боевые задачи...

– Невыполнимые, что ли? Что вздыхаешь, а, Толян?

– Может, и выполнимые. Вполне выполнимые. Только... Только ты Вильнюс помнишь? Там тоже ставили задачи. А потом на нас же все и свалили. Сами литовцы стреляли с крыш по своим. А на нас повесили всех... А твой шеф нас сдал. На съедение. Они сами, мол, полезли. Ну, вот приблизительно такая задача и нам ставилась. Да, чего уж мне лукавить перед тобою. Белый дом нам предстояло штурмовать. А там народищу! Тьма-тьмущая...

– И вы бы пошли?

– А бог его знает! Присягу никто не отменял. Хотя, кому присягали? Сам не знаю, как нас пронесло, – Анатолий устало склоняет свою черноволосую головушку над столом и слегка отодвигает стакан. И вдруг хлопает по столу с такой силой, что вся посуда скачет со звоном. – Не было приказа! Пронесло! А с другой стороны... Только что теперь будет? Куда все пойдет?

– В жопу все пойдет, Толя! – ласково-насмешливо отвечает, расставляя посуду по местам Алексей. – С этим в задницу... Больше некуда.

– Да ладно ты, не паникуй! – почти трезвеет от таких предсказаний дружбана Казаков.

– Чего уж тут паниковать! Поздно уже. Все и так сыпется. И вот в такой момент он в отпуск подался. Четвертого августа. Распорядок дня простой. Сон. Плавание в море. Прогулки по горам. Больше всего, конечно, спали... Ну, и проспали все... Все на свете. Вокруг госдачи охрана. Тройное кольцо. Заборы. КПП. Муха не пролетит. Восемнадцатого заявляется к охраняемому лицу депутация, делегация. Большие шишки. Пять человек. Заместитель самого Шенин, помощник Болдин, генерал Варенников, наш начальник охраны Плеханов и, не помню, как его должность называется, ну, в общем, он человек известный – Бакланов. Тут-

то и выяснилось, что все телефоны отключены. И шефа предали. Свои. Ближние. Стали его уламывать – подпиши, мол, указ о чрезвычайке по всей стране. Он уперся. Мы, честно говоря, боялись, что кто-нибудь его застрелит. А что нам делать? Молодым офицерам! Скажи, Толян, куды крестьянам податься? К белым али к красным?..

– Ладно, Леха, ты не ерничай!

– Эх, давай выпьем! Знаешь такой анекдот: «Когда женщина в слове из трех букв делает четыре ошибки?»

– Ну?!

– Когда кричит: «Исчо!» Выпьем же исчо! Ну, так вот, нам тоже надо было выбирать. Вот мы и выбирали. Наверное, в те самые минуты, когда он на эту делегацию орал. Я никогда не думал, что наш президент, вроде такой мягкотелый, компромиссный, может так взорваться. «И вы, и те, кто вас послал, – авантюристы! Вы погубите себя – это ваше дело! Но вы погубите страну, все, что мы уже сделали. Передайте это комитету, который вас послал...» Ну а дальше он их сам послал непечатными словами. По тексту выходит что-то вроде: «Вы хоть спрогнозируйте на один день, на четыре шага – что дальше-то? Страна вас пошлет... Не поддержит ваши меры». Ох, и обложил он их. От души. Ну, покрутились они. И свалили. А с ними и наш начальник Плеханов. И даже личный телохранитель Медведев. Собрал вещички и вместе с Плехановым улетел в Москву. Так-то, брат.

– Ну и суки!

– Ушли они. Солнцем палимые. Понурые. Как собаки побитые. Че-то между собой толкуя по пути. Мол, будем действовать по заранее намеченному плану. И тому подобное. Короче, улетели они, забрав с собою и ребят с ядерной кнопкой. За себя наш шеф оставил Володю Генералова. Они ушли. Явились пограничники с автоматами. Я остановил одного старлея, спрашиваю: «Что случилось? Куда делась старая охрана?» А мы с ними уже познакомились, сжились. Он отвечает: «Их сняли с объекта. Прислали нас. Будем опечатывать гаражи, аппараты связи». В общем, вокруг дачи новые люди. Шлагбаумы закрыли. На море появились сторожевые корабли. Нам они тоже предложили уйти. Видим мы с ребятами, что дело становится серьезным. Собрались у себя. Ну, сколько нас? Десятка два! И того меньше. Что можем противопоставить? У каждого личное оружие. Немного патронов. Надо что-то решать. Тут один из наших нашел где-то в гараже или на кухне радиоприемник транзисторный, который ловил русскую службу «Радио Свобода». Пошла информация о московских делах. Послушали. Покумекали. И решили. Останемся с ним до конца.

Что-то дрогнуло в лице обычно циничного и смешливого Толькиного

дружка. Поджались губы, увлажнились глаза.

«Видно, досталось им это решение, – подумал Анатолий. – А как бы я поступил в этом случае? Смог бы вот так? Это же фактически они себя обрекли».

Пономарев помолчал. Выдохнул. И продолжил разговор:

– Почему остались? Понимаешь, все его предали... А мы не смогли. Совесть бы заела. Что бы делали, если бы его попытались арестовать, вывезти или просто ликвидировать? Заняли бы круговую оборону. Дрались бы. – Он снова усмехнулся. – Как в таких случаях пишут в газетах, «до последнего патрона». Для нас он уже не был президентом. Мы видели просто человека. Семья его еще. Дети... Внуки... Женщины. Так-то, брат. Может, он не очень хороший президент. Не знаю. История рассудит. Но я, да и все ребята сегодня можем сказать – у нас совесть чистая. Мы в отличие от других никого не предавали. И можем спокойно смотреть людям в глаза. Понял, Толян! Это нынче дорогого стоит. Вот за это давай и выпьем. За то, чтобы при любой ситуации ты и я могли спокойно смотреть людям в глаза.

Выпили. Помолчали. Пауза затянулась, потому что каждый вспоминал о своем.

– Потом приехали эти суки. Крючков, Язов, Бакланов. Привел их наш начальник «девятки». Иуды! Петушок наш Генералов попытался их провести в дом. Орал паскуда: «Всех, как охранников Чаушеску, расстреляют! Я вам приказываю! Мать вашу! Опустите оружие, щенки! Не позорьте меня!» Только нам уже все было по фигу! И он сам. И его указы. Знаешь, Толя, держу я на мушке всех этих людишек. И вдруг мне их так жалко стало. Как будто это не государственные мужи, не люди, которые управляли гигантской империей, а просто какие-то нашкодившие пацаны. Язова было особенно жалко. Человек, прошедший войну, маршал Советского Союза, а выглядел словно прапорщик, укравший на складе ящик тушенки. Короче, струхнули они. Поплыли. Ну а дальше все известно. Отнесли приемник Михаилу Сергеевичу, чтобы он мог хоть как-то представлять себе, что происходит в стране. Расставили посты. Приготовились. Теперь Горбачев часто выходил на балкон и к морю, чтобы люди видели, что он жив, здоров. Но заперт в «золотой клетке». Потом прилетела российская делегация – вызволять президента. В ее самолет мы и погрузились. Внушек положили спать на пол. Рядом, под нашим присмотром, посадили нашего бывшего шефа Крючкова. В качестве заложника. И с Севастопольского аэродрома, с Бельбека, взлетели на Москву. Все боялись, что могут сбить нас. Но обошлось. Вот такая арифметика, Толя!

– Страшноватая арифметика. А я, знаешь, чего боялся больше всего? Запятнаться кровью своих. Но операция «Гром» не состоялась. Говорят, наш идейный вдохновитель, шеф Крючков, сдрейфил.

– Короче, не путч, а так, оперетка получилась, – замечает Алексей, наливая еще по граммულке. – Повезло нам, Толян. И сами живы остались. И в крови не запачкались.

– Да уж. Повезло, – с сомнением качает головою Казаков. – А кровь-то все равно пролилась! Пацаны, мальчишки, решив, что начался штурм, кинулись защищать Белый дом. Трое погибли под гусеницами бронетранспортера. У моста. Это как?

– Случайность. Нелепая случайность!

– Ты знаешь, из этой истории с путчем я один вывод для себя сейчас сделал. Что бы ни произошло, а я думаю, еще много чего будет на свете происходить, нам при любой погоде надо держаться вместе. Тут, наверняка, скоро такое пойдет! Брат на брата. Сын на отца. Как в Гражданскую было.

– Не дай бог!

– До бога высоко, а до царя далеко.

– Не дай бог! – еще раз повторяет Казаков.

– А знаешь, прямо над дачей Горбачева, высоко в горах, стоит разрушенная церковь. Построена она в честь чудесного спасения царской семьи. Ничего тебе это не говорит?

Но Казаков так и не понимает, при чем здесь церковь, и упрямо гнет свое:

– Да, у тебя история будет покруче, чем у меня. Ты, можно сказать, историческая личность. На пенсии будешь ходить по школам. Этаким ветеран демократии. Будешь, шамкая, рассказывать, как боролся с путчистами и спасал жизнь президента, – смеется он.

– Это, старик, вряд ли. Я вообще-то хочу подать в отставку.

– Почему? Вы ж теперь на коне...

– Я так понимаю, история на этом не закончилась. Впереди много еще чего. И быть игрушкой в руках таких, как эти... не хочу.

– Ну, смотри, Леха! А я не знаю. Я ведь ничего другого не умею делать. Только свою работу...

– Ну, давай спать укладываться... Утро вечера мудренее, как говорит моя матушка. Надо заспать беду...

– Почему беду?

– Наивный ты человек, Толя. Ведь это наше ведомство теперь все в дерьме извалялось. А Ельцин такого не простит. Грядут большие перемены. Может, и батю моего попрут...

VI

«История древняя как мир. Удавшийся переворот историки называют революцией. Иногда даже великой революцией. Неудавшийся – путчем. Комитет по чрезвычайному положению потерпел фиаско. Потому что власть – это такая чрезвычайно хрупкая вещь. Невидимая и неслышимая. И держится она на чем-то вроде общественного договора. Собрались люди. И решили, что будут слушаться того-то и того-то. А почему? Да потому, что он умный, сильный, смелый! И будет горой стоять за наши интересы. Но проходит время. И люди перестают слушать и слышать власть. И вот она была. И нетути ее. И уже не вернуть. Никогда. Люди не принимают. Так, в сущности, произошло и сейчас. Не сумели ребята из ГКЧП власть свою утвердить. Не признали ее люди. Не захотели признавать. И что в итоге? Не помогли ни танки, ни солдаты. Ничего не помогло».

Так думает Александр Дубравин, шагая вместе с Алексеем Дунелиным вечером после августовского путча к станции метро. И еще он вспоминает, как раннею весною к ним на встречу в редакцию приходил новый премьер-министр в российском Правительстве Ельцина – некто Иван Силаев. Этаким белым, пушистым дедушка, перешедший на сторону демократов из союзных «партократов». А они, журналюги, все пытали его: «Чем же вы на самом деле управляете?» И получалось из его ответов – ничем. А он, Дубравин, задал старому управленцу сакраментальный вопрос, с подковыркой:

– А золотой запас у вашего правительства есть?

На что Силаев растерянно заметил:

– Нет у нас золота!

Когда он ушел, они выскочили в коридор и долго ржали с Алексеем Дунелиным над всей этой опереточной ситуацией:

– Батяка, что ж ты за атаман, коли нету у тебя золотого запаса?!

Дураки были. Поэтому и не понимали, как без золотого запаса, без нефти, газа, министерств, ведомств могут эти люди взять власть в свои руки. Ан видишь, как все повернулось. Они смеялись. А ГКЧП испугалось. И власть сама упала в руки Ельцина. Потому что он сумел овладеть мнением народным, понял его чаяния и надежды.

Что будет завтра? Они не знают. Но сегодня радуются, как дети. Радуются тому, что вечер теплый, что не остановит их патруль за нарушение комендантского часа. Радуются, что победили. И свой страх и

ненавистный режим.

И эта радость, как когда-то в юности, распирает грудь, хочет выплеснуться наружу, выйти на поверхность. Залить все вокруг.

Они победили! Они устояли! Они не безликая серая масса! А граждане!

И поэтому неожиданно даже для самого себя Дубравин слезно-счастливо смеется и кричит на всю улицу:

– Леха! Мы не быдло! Слышишь?! Мы люди! Леха!

И уже в фойе метро, толкая болтающуюся туда-сюда дверь, он повторяет эти слова еще и еще.

VII

Чудесный рождественский вечер. Маленький, тихий немецкий городок Меминген по случаю праздника украсился цветными гирляндами, мигающими огоньками и зелеными искусственными елками. Витрины богатых магазинов призывают народ на новогодние распродажи. Огромными буквами и цифрами обозначены праздничные скидки на обувь, одежду, парфюмерию, телевизоры, бытовую технику и все такое прочее, что можно подарить бюргеру на Рождество.

А еще, удивительное дело, в витринах появились так называемые вертепы, изображающие с помощью кукол сценки из священного писания.

Андрей Франк и его семейство вдоволь набродились по чистым уютным улочкам, насмотрелись на искусно раскрашенных Марию, Иосифа, Святого младенца, волхвов. И наконец, вернулись к себе. В общежитие Красного Креста.

Третью неделю они живут здесь. В тех самых комнатах, в которых в семидесятые жили бывшие советские диссиденты. И можно сказать, они неплохо устроились. Апартаменты из двух комнат плюс кладовая объемом десять квадратных метров.

Жить можно. И жить нужно.

Он все сделал правильно. Как мужчина, привыкший сам решать свои проблемы, все просчитал. И выбрал эту судьбу. Но неделю тому назад случилось непоправимое. Человек, с которым он договорился обо всем, умер. Скончался скоропостижно директор Казахского телевидения, на которое он, Андрей, должен был работать в Германии. Само собой, зависли все договоренности о передаче, о финансировании корпункта, о статусе Франка.

И теперь он сидит у телевизора в единственной свободной комнате (во второй свалены вещи) и мучительно размышляет о будущем.

Нерадостные это мысли. Позавчера он был в миграционной службе. Получил пособие. Шестьсот марок в месяц. На все. Не удержался, спросил невзрачного, но очень важного молодого лысого чиновника:

– А можно ли жить хоть как-то на эти деньги?

И тот ему доступно объяснил:

– В Фатерленд за год въезжает несколько сотен тысяч переселенцев. И всех надо адаптировать. Не дать им умереть с голоду...

Ну, и далее по тексту, из которого вытекало, что Германия не

резиновая. И на всех конфеток не напасешься.

Короче говоря, зависли они в этом лагере для переселенцев. А самое главное, он не знает, куда идти. К кому? Что делать? Ведь как на самом деле функционирует здешняя система, ему неизвестно.

А незнающий, что мертвый. Он не может воспользоваться даже теми правами, которые ему предоставлены.

Но «орднунг ист орднунг», а праздник есть праздник. Немцы, настоящие немцы, на которых хотят быть похожими все переселенцы, отложили все дела в сторону и тихо сидят по домам. Дружно смотрят телевизор.

Так что, чай дымится на столе. Варенье и торт тоже наличествуют. Печенье тает во рту, оставляя малиновое послевкусие.

По цветному телевизору идут новости. Сын Валерий сидит сбоку. Отставил в сторону чашку и говорит:

– Опять, смотрите, Горбачев выступает. Грустный такой. Что это он нам говорит, наш дорогой Михаил Сергеевич? – И через секунду: – Папа, слушай, он говорит, Советский Союз прекратил свое существование! Это как?

Андрей вдруг чувствует, что у него кружится голова. И все плывет перед глазами. Он слушает комментатора и не может поверить тому, что слышит.

Это шок. Самый большой шок в его жизни. В эту секунду он понимает, что он здесь, в Германии, – никто. И там, в Казахстане, он теперь тоже никто. Человек без имени, без страны.

Так в некоем оцепенении он сидит несколько минут. Пытается осмыслить происходящее. Нащупать хоть какую-то почву под ногами. Но мысли беспорядочно скачут в голове, никак не выстраиваясь хоть в какую-то логическую конструкцию.

Может, это все сон?

Но позади него раздаются какие-то короткие всхлипы и завывания. Он оборачивается, чтобы посмотреть. Жена стоит напротив него. И слезы у нее, как у ребенка, текут по щекам. Она их смахивает. А они текут и текут. Всклипывая, она вытирает эти слезы и приговаривает, как в каком-то летаргическом сне:

– Андрюша! Поехали домой! Назад поехали. Домой, а?

И она, и сын одинаково смотрят на него с надеждой.

Честно говоря, он страшно растерялся. Сначала захотел закричать на жену: «Замолчи! Куда домой? Нету у нас дома! Ничего там больше нет! А квартиру? А работу где искать?»

Но сдержался. В чем она виновата? Разве могли они такое себе представить, что великая держава развалится на куски! И как «Титаник» уйдет в небытие.

Целая империя уплывает из-под ног...

* * *

Утром он побежал в переселенческий офис. Звонить в министерство иностранных дел.

Долго никто не отвечает. Видимо, еще слишком рано. Наконец далекий голос ответил. Алма-Ата или Алма-Аты, теперь уж и не поймешь, как называть, отвечает:

– Теперь все будет по-другому. Слышали? СССР больше нет. Мы самостоятельное государство. Независимое государство. Ждите...

И гудки, гудки, гудки...

Он лихорадочно набирает теперь уже московский номер. Тамошних бюрократов. Говорит. Мол, так и так. Я вот приехал в Германию. А у вас такое происходит. Как быть дальше?

А оттуда так заносчиво:

– Не беспокойтесь, товарищ! Все будет нормально! Переждите пару месяцев. Все вернется на круги своя.

Красота, да и только!

После звонков в Алма-Ату и Москву он позвонил еще и в немецкое министерство иностранных дел:

– Что нам делать?

Из Бонна ответили просто:

– Теперь вы наши. Счастливого вам Рождества и Нового года!

* * *

Через два дня, прозвонив всех, кого только он мог достать в эти дни, Андрей понял на собственной шкуре простую истину: «спасение утопающих дело рук самих утопающих».

Знакомый, «настоящий» местный немец, некто по фамилии Вебер, дал бесплатный дельный совет. А потом и соответствующую рекомендацию, где надо: «Ты хоть и русский немец, а язык знаешь по-настоящему. Так что

иди, мил человек, поработай в вечерней школе. Тут полно эмигрантов, которые по-немецки “ни бе, ни ме, ни кукареку”. Сможешь преподавать у этих албанцев, поляков, румын, русских, ниггеров, то есть, прошу прощения, у выходцев из Африки, заработаешь марки. А с ними и станешь настоящим немцем».

Короче, мир не без добрых людей. Так в системе дополнительного образования Андрей Франк начал свою новую жизнь на родине предков.



Часть III

Старатели третьей волны



I



Пустынен Синай. Золотой диск солнца едва наполовину поднялся над угрюмыми, серыми скалами. Моисей стоит на самой высокой из них.

И Бог заповедует ему: «Не убивайте, не прелюбодействуйте, не возжелайте ни жены ближнего, ни осла его...»

Солнце уже высоко. Окрыленный Моисей спускается в долину,

отягощенный каменными скрижалями с драгоценным духовным грузом.

И что же он видит у себя в лагере? Маловерный народ Израилев собрал золото. Отлил из серег, колец, цепей и других украшений тельца. Установил его на постаменте. Поклоняется ему. Приносит жертвы и подношения.

Золотой телец стал его богом.

В гневе Моисей бросает наземь драгоценные каменные скрижали. И достает меч...

II

Теперь он настоящий москвич. Ничего, что район, где он поселился с семьей, находится далеко за Кольцевой автодорогой. Прописка-то все равно столичная.

Новокосино. Действительно, новенький, с иголки спальный микрорайон, составленный из огромных многоэтажных панельных белоголубых кубиков-домов.

Из таких же кубиков сложены: детский сад, школа, поликлиника, райотдел милиции. Все это вынесено в поля. Так что из окошек двенадцатого этажа Дубравину видны заснеженные подмосковные луга, перелески и даже еще почему-то не снесенные маленькие деревеньки. Одно слово – идиллия. Сельская пастораль в духе девятнадцатого века. Во всяком случае, есть, где погулять с детьми.

Одно плохо. На работу ему приходится ездить на перекладных. Сначала автобусом с пересадкой до метро. А от Савеловской чесать пешочком. Времени уходит уйма. Но и тут наметился прогресс. Владимир Протасов – коммерческий директор – взялся подвозить Александра. По пути.

Сегодня Дубравин, как обычно, спустился на лифте в подъезд. И очень удачно попал на конечную остановку автобуса. Там как раз подошел шестьсот шестьдесят шестой «Икарус». И ему удалось сесть. Теперь надо проехать с десятков остановок.

Но, несмотря на такое удачное начало утренней дороги, настроение у заведующего отделом кислое. Дело в том, что за завтраком жена долго смотрела, как он, оголодавший в Москве на столовских харчах, мажет масло на хлеб. А потом возьми и брякни:

– Саш! Ты бы так толсто масло не мазал! Мы теперь бедные!

Эк его тогда заело. Смутился он весь. Покраснел. Что-то буркнул в ответ. Одно слово. Попала она. Женщины, они ведь без иллюзий оценивают ситуацию. Не то что мужики.

Какая-то правда в этом есть. Семью он перевозил так, словно запрыгивал в последний вагон уходящего поезда. Свою роскошную по советским понятиям собкоровскую квартиру возле новой площади, где цветут летом алые розы, бьют фонтаны, журчат арыки, обменял на трешку в сером панельном доме за Кольцевой автодорогой. Да еще и доплатил за нее всеми имевшимися сбережениями.

«Но ноги-то унесли, – утешает он себя, – кости-то целы. А мясо нарастет!»

Вот как раз про мясо-то она и говорила. Особо не на что им было разгуляться. Его зарплата в молодежной газете невелика. Гонорары мизерные. Их уже трое. Намечается четвертый.

При таком раскладе Татьяна вряд ли найдет себе работу по специальности. Конечно, помогают натуральным продуктом с огорода подмосковные родственники. Но ничто не вечно под луною.

С такими невеселыми мыслями господин Дубравин (как-никак новые веяния, все господами становятся) ждет на остановке своего благодетеля. И не зря. Утренний февральский мороз еще не успевает добраться через подштанники до костей, а он уже сидит в салоне выдавшего виды маленького БМВ.

Протасов все такой же едкий, угловатый, колючий мужик сегодня настроен на редкость благодушно. Его костистое, в квадратных очках лицо не ходит желваками, а в скрипучем голосе в общем-то слышны человеческие сочувствующие нотки.

Ехать до центра далеко. Поэтому приходится разговаривать. О том о сем. Дубравин рассказывает про свои дела. Про собкоров. Что за люди. Какие у них есть таланты. Проблемы. Кто пьет. Кто пашет.

– Вот она! – вспоминая Людмилу Прокофьеву, говорит Дубравин. – Натуральная Лиса Патрикеевна. Ну так исхитрится, вотрется в доверие, что любая ее заметка идет на ура!

– Да, Людка, она такая. Умеет себя продать. Она нам в прошлом году помогала. Ну, когда привозили иностранцев. Ее в городе все знают. Билеты в оперу достала. Гостиницу самую лучшую выбила.

Дубравин тоже помнит прошлую эпопею. Дело в том, что свобода приходит нагая. И чтобы как-то улучшить финансовое состояние трудящихся-журналистов, в молодежной газете организовали некий кооператив, назвав его мудрено и одновременно современно – центр социально-экономических инициатив. И центр этот чем только не занимался. Когда Дубравин был еще собственным корреспондентом, то тоже помогал этому самому кооперативу в его работе.

Первая их идея заключалась вот в чем. Как только упал «железный занавес», в страну ринулись иностранные корреспонденты. Ну а так как для них Союз был «терра инкогнита» – неведомая земля, то они абсолютно не знали языка, наших порядков, нашего быта, наших людей. Кто-то должен был устраивать их в гостиницы, знакомить с нужными человечками, покупать билеты, короче, сопровождать и обеспечивать их

выживание в суровых реалиях позднего дефицитного советского времени.

Японцы ехали с Дальнего Востока до Москвы. И Дубравину тоже довелось поучаствовать в их «анабасисе».

Прибывшие в столицу Казахстана самураи впечатлили его своими огромными объективами фотоаппаратов и не менее огромными чемоданами, полными разного скарба, необходимого для выживания во враждебной среде.

С его помощью их «Симбуны» и «Асахи» получили нужные репортажи, а собкору Дубравину за такую выдающуюся деятельность центр инициатив отстегнул аж двести полноценных американских рублей, именуемых в просторечии «баксами», «капустой» или «зеленью». Деньги по тем нищим временам вполне серьезные и очень даже востребованные в разного рода закрытых магазинах типа «Березка».

Этот самый кооперативный поход «за зипунами» возглавлял как раз Володя Протасов. Судьба его была, с одной стороны, типична, а с другой – поучительна.

Был он родом из бедной офицерской семьи, которая кочевала вслед за отцом-воякой по просторам нашей великой страны. Может быть, это и подвигло молодого Володю поступить на учебу во Владивостоке. А потом уехать описывать трудовые подвиги строителей Байкало-Амурской магистрали. Во всяком случае, он любил эти края. И даже теперь, осев в столице, продолжал грезить сплавами по северным и дальневосточным рекам.

Приземлившись на шестом этаже, он тут же стал подтягивать к себе друзей-приятелей из отдаленных провинций империи. Так что сейчас эта группа, называющая себя «забайкальской корневой системой», была очень даже внушительной и дееспособной. Протасов не ладил со столичными снобами, набранными в редакцию по протекции. А вот с такими провинциалами, как Дубравин, сходилась, несмотря на свой вспыльчивый и неуравновешенный нрав, достаточно просто. Но так же просто он и расставался с людьми. И никто не мог точно знать, что он выкинет завтра.

Человек сложный и противоречивый, Протасов был идеальным лидером для зарождающегося слоя коммерсантов от журналистики, так как остро чувствовал потребности времени.

Сейчас, во время утренних поездок на работу, он привычно прикидывал, чем может быть полезен ему заведующий корреспондентской сетью газеты.

– А как там Васька Пилюгин? – спрашивает он Дубравина о судьбе «сибирского медведя». – Охотиться-то ходит или уже только «сосет из

бутылочки»?

– Да нет. Еще работает. Не залег в берлогу, как другие, – отвечает польщенный интересом начальства Дубравин. И начинает пространно рассказывать Протасову о делах своего большого хозяйства.

Так и едут: ля-ля, ля-ля – тополя!

Но сегодня разговор повернулся серьезно.

Протасову жизнь подкинула интересную идею: как денег заработать! Некто Мурдаков прислал коммерческое предложение из Челябинска. Суть его проста. Дело в том, что по всей империи, в разных городах выходит одна и та же московская телепрограмма. А ведь она, например в Сибири, не нужна. И время там другое. И телевидение. Получается, что драгоценное газетное место расходуется впустую. И Мурдаков предлагает московскую телепрограмму снимать с полосы. А местную ставить. Ну а так как местная вдвое меньше московской, свободную полосу забивать рекламой. Которая и будет окупать всю эту простую операцию.

– Вот бы твоих собкоргов подключить к этому, – паркуя автомобиль на пустынной улице возле издательства, говорит директор. – И им бы польза была. И газете! До завтра!

– Счастливо! – отвечает Дубравин.

И каждый из них устремляется к своему подъезду.

* * *

Работы полно. Скоро собкоровский семинар. Всех надо разместить. Чем-то порадовать. С кем-то свести на этаже, чтобы помогли проталкивать «заметки» на полосу.

Так что Дубравин, едва поздоровался с девчонками-референтами, сразу погрузился в текучку по уши. Незаметная конторская работа. И тут у него две незаменимые помощницы из числа интеллигентных московских девушек неопределенного возраста. Валя и Тамара. Они-то в основном и возятся с великовозрастными детками – собственными корреспондентами. Каждая на своем месте не один десяток лет. Всех знают. У кого что болит. Кто бездарен. Кто талантлив. Кто труженик. Кто лентяй. Опекают по-матерински творческий народ.

А Дубравин в это время творит «нетленку». Ему уже надоело разоблачать. Не интересуют его больше и истории о том, как вождь мирового пролетариата Владимир Ленин в ссылке убивал прикладом

продрогших и промокших во время наводнения зайчишек. Мыслит он сегодня, понимаешь, о высоком. Большими словами описывает будущую райскую свободную жизнь.

Вот на прошлой неделе он, как местный нострадамус, наваял статью об автомобилизации России.

А подтолкнуло его к написанию простое событие. Покупка служебных авто для редакции.

Дело в том, что в те времена автомобили не продавались, а распределялись между трудовыми коллективами. Прежде чем идти в магазин, нужно было получить талон. Эти самые заветные талоны на очередь выдавались особо отличившимся трудящимся. Но некоторые из них не устремлялись в автоцентры, а просто продавали свое право на четырехколесный товар. Такой случай подвернулся и редакционному кооперативу. Соседний НИИ продал журналистам два своих талона, отоварить которые не мог из-за отсутствия наличности.

Редакция отрядила на базу тех, кто имел водительские права. Дубравин их заработал, еще когда служил в автожурнале. И пришлось ему вместе с Васей Чуйко ехать в подмосковный город Воскресенск. Перегонять «Жигули».

Чуйко – интересный парень, буквально помешанный на автомобилях. В редакцию он пришел с московского автозавода, где работал водителем-испытателем. Так что всю дорогу их разговор крутился вокруг колеса. Начался он, правда, с другой темы.

– Ну, ты своих-то перевез? – спросил Вася Дубравина, когда они стали устраивать свои сидища на жестких скамейках подмосковной электрички. Они как-то сблизились, притерлись еще в те времена, когда Дубравин жил в Казахстане. Чуйко приезжал к нему по делам автопробежным. И много рассказывал о своей жизни. А надо сказать, опыт у бывшего гонщика, особенно по женской части, был немалый. Александр с женщинами чрезвычайно робкий и очень даже застенчивый с большим интересом, например, выслушал Васькину историю женитьбы. А женат тот был на знаменитой актрисе:

– Я работал на одном отечественном фильме. Жили мы тогда на съемках в Крыму. В гостинице. Она – совсем девчонка, молоденькая, начинающая актриса. А я каскадер. Случилось так, что в гостинице других мест не было, и ее поселили в один номер со мною. Как благородный рыцарь, я каждый вечер уходил «в гости» на всю ночь. Но перед этим, одевшись, всегда подходил к ней и галантно чмокал ее перед сном в лобик. И в тот день я поступил точно так же. Подошел, наклонился и тут... она

подставила свои губы. Н-да! После этого я, как честный человек... Вот и живем уже десять лет.

Большая любовь не мешала Ваське ухаживать за молоденькими секретаршами, коих невиданное количество толклось на шестом этаже. И он, в отличие от Дубравина, пользовался бешеной популярностью.

– Перевез! – ответил Дубравин на его вопрос. – Вот уж правду говорят, два переезда равны одному пожару. Мебель в контейнерах вся переломанная. Многого ценного не хватает...

– Контейнеры грабят сейчас на железной дороге. Машины – те вообще курочат по-черному. Все снимают – зеркала, колеса, – с ходу переключился Чуйко на любимую тему.

– Слушай, давно хотел обсудить тему для публикации, – ответил на его призыв Александр. И с горячностью продолжил: – Я вот думаю, что экономика России начнет развиваться с автомобилестроения. Ведь мы в рынок пошли! А здесь главное – товар. Какой товар у нас самый вожделенный сегодня? Машина! А почему? Да потому, что она является товаром, который удовлетворяет сразу несколько потребностей нашего человека.

– Ну, в первую очередь для нас машина – символ! – значительно говорит Васька, разглядывая подмосковный пейзаж. – Символ успеха!

– Вот-вот. И я о том же. И кроме того, автомобиль еще увеличивает на порядок степень свободы человека. Вот живешь ты в маленькой деревеньке. И твой мир ограничен ее пределами. А с машиной совсем другая песня...

– Но ты учти, что автомобиль – это еще и товар с точки зрения производства, – замечает Василий. – Он как бы является символом индустриальных возможностей страны. Чтобы производить даже «Жигули», надо наладить и химию, и электронику, и металлургию. Машина за собою много тянет. Да, что говорить-то. Пиши! Я тут знаю ребят, которые уже сейчас ходят с идеей создания народного автомобиля. Организуют такой альянс. АВВА называется. У них там серьезные люди. Главный – доктор наук, фамилия, кажется, Березовский.

– Ну, вот я и говорю, что это просто закономерность такая. Все страны прошли этот путь. Вспомни Германию, Японию, Корею. И у нас так будет, – обрадовался Дубравин.

Написал он эту заметку. Очертил, так сказать, вектор развития страны на будущие десятилетия. И чрезвычайно гордый собою стал ждать откликов. Ждет-пождет. А ни писем, ни звонков нету. И вот сегодня, несколько недель спустя, он все еще сидит в отделе. И размышляет. Но из

отдела «писек», как про себя раздраженно называет Дубравин отдел писем, ему ничего не несут. Так... Пару дежурных откликов.

Вчера заходил к нему и Васька. Спрашивал:

– Ну как?

– А никак! Нету откликов.

А ведь раньше был шквал. Мешки. Вот он и размышляет, сидя на работе: «Да, видно, что-то изменилось в обществе. И, похоже, не до предсказаний светлого автомобильного будущего ему теперь. Люди в феврале девяносто второго озадачены самыми простыми и очевидными вещами. Их задача просто выжить. Хоть как-то протянуть время.

Вчера в редакцию прискакал наш любимый Гайдар (всадник, скачущий впереди). Сообщил, что муки на хлебозаводах осталось на три дня. Народу бы себя прокормить. Да детей. А тут я. Да и у нас в газете дела неважнецкие. Инфляция съела подписные деньги. Печатать молодежку не на что. Так что кому она нужна сегодня серьезная аналитическая журналистика?..»

Он выходит в редакционный коридор. «Ох, и тошненько мне!»

В соседней комнате, где сидят новоиспеченные коммерсанты в малиновых пиджаках и зеленых брюках – новомодных слаксах, слышен голос бывшего собкора Коли Сурнина:

– Диктую по буквам: «Те-пло-ход “Михаил Светлов”. Да, да! Арендуем!»

III

Тихий зеленый район города. Привилегированный. За речкой Весновкой. Недалеко от гор. Дома в пару-тройку этажей. Металлическая ограда вокруг. У въезда милицейский пост.

У каждого входа подъезд сделан такой, чтобы служебная «Волга» могла подойти вплотную к двери. И государственный человек, не подвергая себя опасности, мог сесть в затонированный салон. И незаметно для окружающих покинуть свое жилище. Или вернуться в него.

Коммунисты знали толк в комфортной жизни. Его пятикомнатная квартира осталась в наследство от второго секретаря ЦК компартии Казахстана.

Нет теперь этой партии. Уехал в Россию и второй секретарь. А они остались. Им надо строить свою новую жизнь.

Амантай потихоньку встает с широченной кровати. Отодвигает тяжелые шторы. И выходит на балкон. Покурить. Дома Айгерим не разрешает. Вредная она становится с годами. Полнеет и вреднеет.

Он вглядывается в окна противоположного дома. Но там нет никакого движения. Все, наверное, уехали по делам. Это он сегодня подзадержался. Поздно ночью прилетел. Из Англии, куда ездил с особым поручением от президента. Бывший министр по молодежным делам, теперь он помощник самого. Лицо, приближенное к телу.

Амантай возвращается в спальню. Одевает длинный, толстый пестрый халат. (Тоже завела жена. Не любит, когда он ходит в трусах по квартире.) И отправляется на кухню. Вернее, не на кухню, а в столовую-кухню. Они здесь совмещены. И из кухни сделано раздаточное окно. Чтобы повар мог передать блюдо официанту. А тот уже поставил его на стол. Но старая обслуга, к сожалению, уволилась. А новой нет. И приходится ему самому идти за завтраком.

Жена на кухне. Высокая, рослая, белокожая, с иссиня-черными волосами. После рождения близнецов Айгерим стремительно набирает вес. И поэтому кажется, что ее полная, упакованная в белый халат фигура занимает все пространство у электрической плиты. Она недовольно зыркает на него красивыми уйгурскими глазами. (Кто-то в ее роду роднился с этим древним народом.) И, наконец, подавая на стол сваренный в турке крепкий кофе, спрашивает:

– Ну и что ты вчера так поздно приехал? Я звонила в аэропорт.

Самолет из Лондона прилетел в десять часов вечера. А ты явился, когда я уже спала...

«Сказать или не говорить? – думает Амантай. – Хотя все равно сегодня уже будет объявлено».

Он молча поднимается из-за стола. Проходит в спальню. Достает из конверта несколько купюр. И вернувшись на кухню, где, надувшись, сидит жена, кладет их на стол:

– Вот! Это теньге! Наши казахстанские деньги.

Жена в изумлении аж всплеснула, как ребенок, руками, глядя на разноцветные, словно фантики, купюры. И принялась разглядывать.

– Ой, а это кто? – ткнула она крашеным пальцем в сотенную, где крупно изображен самый важный предок казахов – Абылай-хан в национальном халате и островерхой шапке.

– Ты знаешь, я не рассказывал тебе о своих делах, потому что это государственный секрет. Секрет, который знают только семь человек в стране!



Амантаю страшно хочется похвастаться и, наконец, показать жене, что теперь он и сам по себе фигура республиканского масштаба, доверенное лицо президента, а не просто племянник дяди Марата и удачливый зять ее отца.

– Я с самого начала нахожусь в процессе, – важно и со значением начинает он свой рассказ. – Еще когда только все задумывалось. Помнишь, когда Сергей Александрович Терещенко, первый премьер-министр выступал?

– Ой, это когда было, так давно! – морщит губы Айгерим и разглядывает самую маленькую однотеньговую купюру на свет. – А это кто? В чалме такой изображен?

– Это Аль-Фараби. Наш великий средневековый ученый!

– Так он что, тоже казах? – удивилась жена. – А я думала, он узбек...

– Ты не перебивай! – даже злится Амантай, чувствуя, что жена испортит своими глупыми вопросами его торжество. – Так вот, тогда Сергей Александрович сломал ногу. И очень сильно хромал. Так что нам пришлось телестудию сделать в третьей госрезиденции, что находится в горах, в Алма-Атинском ущелье...

– А почему?

– Ну, он там жил. Чтобы не было видно, что он в гипсе, пришлось посадить его за стол. Вот тогда он и заявил во всеуслышанье, что Казахстан выйдет из рублевой зоны. То-то шуму было. И началось! Представители от каждого жуза и рода рванули на прием к высшему начальству. Кого рисовать-изображать на новых деньгах? Все сошлись на том, что на единичке должен быть прародитель всех казахов, великий ученый и философ Аль-Фараби. А вот когда дело дошло до более крупных купюр, тут единого мнения не было. Каждый за своих. Абаю Кунанбаеву удалось разместиться только на двадцатке. А он великий поэт и просветитель казахского народа. Много споров было вокруг Чокана Валиханова. Как изображать? Он ведь служил в колониальной армии! Ну все-таки решили, что в военном мундире привычнее. С остальными было попроще. Вот они какие теперь!

Амантай берет в руки несколько пестрых разноцветных купюр, складывает их веером, как карты при игре в дурака, и несколько секунд любуется ими.

– Не беда, что никаких прижизненных портретов великих ханов и батыров не было никогда. Художники-графики, сидевшие на секретной даче в Англии, хорошо понимали свою задачу. И сумели соблюсти баланс. Чтобы все жузы и роды казахского народа были достойно представлены на первых в его истории деньгах.

Сам Нурсултан Абишевич правил! Я, Амантай, видел его руку на гравюрах. Видишь, жена, за основу взяты европейские деньги. Чтобы уж было, как говорится, не отличить, – хвастается в конце рассказа он. – Хороши!

– А что так называли – теньга? Это похоже на деньги.

– Тоже много споров было. Свои деньги! Как назвать? Хотели «сом» или «сум». Но у узбеков уже есть сомы. У киргизов сумы. Пробовали

делать дизайн с названием «алтын». А потом махнули рукой. Назовем деньги деньгами. Только по-нашему – «теньге». Теперь это наша уже история. И в ней уже есть свои герои. Например, Тимурку Сулейменова помнишь?

– Ну да, а как же!

– Теперь председатель национального банка.

За дверью раздался топот босых детских ножек. По ковру вихрем проносится сын. Большеголовый, черноглазый мальчишка – любимец отца, с разбегу залетает в столовую, но не рассчитывает скорости и шлепается, споткнувшись о складку ковра. Не хнычет, а сразу вскакивает и, потирая ушибленное колено, подходит к отцу. Амантай берет на руки сына. Обнимает, прижимая к себе жесткие черные волосы. Но тому не сидится на месте. И через секунду он уже тянется к столу, на котором в рядок лежат похожие на игрушечные фантики купюры.

– Ата! А что ты мне привез? Это? – ребенок сгребает со стола жестко-гибкие, как будто сделанные из синтетики, новенькие теньге. Оборачивается и задает вопрос: – А что это?

– Деньги, сынок!

– Игрушечные?

– Настоящие!

– А можно ими поиграть? В магазин. С Айгуль!

Жена хочет было отобрать теньге. Но Амантай, улыбаясь, машет рукой. Пусть, мол, пошлют. Но строго говорит:

– Только не мять и не рвать!

– Я сейчас покажу Айгульке? – и карапуз рванул из столовой в комнату к сестре.

– Они уже будут жить в другой стране. В другом мире! – задумчиво качает головой Амантай. И присев за стол, тянется к фарфоровой китайской сахарнице.

* * *

После утреннего чая он выскальзывает из дома. И «Волга» несет его снова в сторону Алма-Аты-1. К аэропорту. Встречать самолет. Пока машина преодолевает этот путь по земле, Амантай вспоминает другой путь – во времени, который преодолела республика, чтобы, наконец, поставить точку в обретении собственной государственности.

Московский путч только убыстрил и усилил процесс распада страны. Но здесь, в Казахстане, никто не ждал, никто не предвидел и, самое главное, никто этого не хотел.

Он прекрасно помнит это время – безвременье, когда власть еще пыталась собирать осколки разбитого фарфорового сервиза. Но в этой истории обмана и растерянности уже были мудрые люди, чувствовавшие, к чему все идет. Понимавшие неизбежность и закономерность происходившего.

– Эх, Сауком Темирбаевич! – шепчет Амантай про себя, вспоминая бывшего председателя Госплана Казахской ССР Такежанова. – Мудрый старик! Он не только говорил слова. Еще в девяносто первом он пробил очень важное для будущей независимой страны решение. «Вырвал из глотки Москвы право делать аффинаж золота здесь в Казахстане. До этого золотое сырье отправлялось в Россию. А тут они сами стали «делать слитки». Да какой пробы! 99,99 % Тогда же был и создан свой Гохран. И первое народное золото легло в хранилище.

На юбилее у дяди Марата он сидел рядом с этим аксакалом. И тот объяснял ему, молодому сопляку, что суверенитет любого государства появляется только тогда, когда соблюдаются три важнейших условия. Первое – государственная граница. Второе – армия для ее защиты. И третье – самое важное. Амантай вспомнил раскрасневшееся, со слегка хитрым выражением лицо старика, когда он многозначительно замолк и, подняв тощий палец вверх, наконец, просто сказал:

– Собственные деньги!

Казахстан долго еще держался сначала за советский, а потом за российский рубль. Страшно было. Но российские умники-либералы все-таки вытолкнули их в свободное плавание.

Когда премьер-министр республики поехал в Москву на переговоры об увеличении наличности для новой страны, Егор Гайдар ему прямо сказал:

– Кредит дадим в рублях, но возвращать его будете в долларах.

Такая вот у них была национальная политика. И вот теперь у нас есть все. Есть гимн, штандарт, граница, таможня. И он едет встречать свои деньги.

Сегодня они просто бумага, упакованная в плотные брикеты. Но завтра, завтра эти разноцветные фантики, эти бумажки вольются в сберкассы, магазины, попадут в руки людей. И как новая, свежая кровь дадут толчок экономике, самой жизни, которая замирает сегодня на всем гигантском пространстве нового государства.

Вчера он летел над степью, над землей своего народа. И ему было

страшно. Он вглядывался в это гигантское застывшее внизу пространство. И понимал, что там огромная территория, на которой каждый день выживает теряющее блага цивилизации, а вместе с ними и человеческий облик, население. Вся земля покрыта сегодня незасеянными полями с ржавеющими остовами тракторов и комбайнов, с чудовищными мертвыми заводами, угольными разрезами, урановыми рудниками, шахтами. И степная выюга зимою будет заносить это пространство, эти линии электропередач, нитки газопроводов.

И Казахстан, его любимый Казахстан станет местом глобальной катастрофы, ужасного сна человечества.

Но он верит, что этого не случится. А народ сможет удержать жизнь на этих пространствах. Иначе все, что они делают сегодня, бессмысленно.

* * *

Аэропорт встречает его оцеплением из автоматчиков. Молодой усатый казах-лейтенант, командующий группой, останавливает взмахом руки его черную «Волгу». И словно извиняясь, что причиняет такое неудобство большому человеку, наклонившись к открывшемуся окошку произносит:

– Лейтенант Казакпаев. Извините, абеке, но туда нельзя! Спецрейс пришел из Лондона. Что-то грузят.

– Мне можно! – Амантай небрежно показывает свое удостоверение. А водитель достает откуда-то из бардачка красивый пропуск с новым флагом-гербом республики. Желтым солнцем на иссиня-голубом небе.

Растерявшийся лейтенант машет рукой ребятам в камуфляже. И те расступаются перед ними.

«Вот и все, – думает Турекулов, глядя на то, как по грузовой панели ИЛ-76 сползают на рога автокаров громадные, обвитые синтетической пленкой контейнеры. – Вряд ли люди, которые стоят и снуют вокруг, знают, что находится здесь, на бетонке взлетно-посадочной полосы».

И только несколько человек, в том числе и он, Амантай Турекулов, понимают, что здесь спрессованное в брикеты, плотные «кирпичи», едет по конвейеру, будущее его страны, его народа.

IV

Он пришел к Протасову – наниматься в коммерсанты.

Как ни странно, такой важный человек, как Владимир Протасов, сидит на этаже не в самом лучшем, мягко говоря, месте. Кабинет его не располагается, как должно быть по капиталистической идее, в главной редакции, а находится в общем ряду с кабинетами других рядовых редакторов. Более того, дверь его – напротив дверей общественного туалета. Что даже по меркам социалистического чиновничества ну никак не вписывается в общий формат.

Проблема проста, как Колумбово яйцо, – коммерсантов в редакции не любят. Ввиду разверзающейся на глазах финансовой пропасти их снисходительно терпят, но не более того. Пусть они носят «золотые яйца», но не смеют вторгаться не только в саму газету, но и даже на территорию, где обитают «творцы».

Зато внутренность кабинета бывшего редактора отдела рабочей молодежи, а ныне по совместительству главного коммерсанта, выгодно отличается от обставленных в древне-советском стиле обиталищ газетных богов. Новенькая, как с иголки, полированная мебель. Невиданная роскошь – личный факс. Телефонные аппараты самых современных моделей. Кожаные черные кресла на колесиках. Расписные китайские чайные сервизы. Холодильник. А самое главное – красивая, тихая секретарша, как неременный атрибут успеха, довершает интерьер, в котором обитает наш «меркурий».

Сюда-то, в это маленькое вместилище кооперативной роскоши и комфорта, направляет свои стопы Александр Дубравин.

Он уселся напротив Протасова на кожаном диванчике для гостей. И повел такую смущенную, драматическую речь:

– Вот, Володь! Пришел к тебе. Работать хочу!

Дубравин долго маялся, размышлял перед тем, как идти «наниматься в коммерсанты». Но, с одной стороны, его подталкивает стучащаяся в двери их квартиры нужда. С другой – понимание того, что журналистика высшего класса на сегодня умерла. И он, как человек живой, думающий и азартный, хочет попробовать себя в новом, неизвестном деле: «А чем я хуже тех ребят, что снуют сегодня туда-сюда по этажу?! Ничем! Взять того же Колю Сурнина – он уже приобрел свои четыре “д” – диплом, дом, дача и даже “Джигули”. Но он тоже начинал собкором».

Протасов не успевает ответить на предложение Дубравина, как его отрывает от беседы телефонный звонок:

– Что? Нашел подводную лодку? На Северном флоте? Подходящую? Вот давай ее и продавай голландцам! Или кому там, аргентинцам. Под ресторан. Они хотят сделать такой прикольный ресторан. Из советской лодки. В каком смысле прикольный? В самом прямом. Поставить ее на прикол. У причала. И официантки в морских тельняшках и с голыми задницами будут подавать там посетителям знаменитые аргентинские бифштексы из мраморной говядины. Ну давай, давай! Я тут занят. Так вот, Саня, нам нужен человек совершенно определенного склада характера. Человек, который бы...

Но не успевает Протасов ввести Дубравина в курс дела, как в дверях рисуется стройная фигура бывшего моремана и собкора Николая Сурнина, того самого, который уже в четыре «Д»:

– Все пропало, все пропало, шеф! – кричит он, заламывая руки с перстнями. – «Миски» забастовали! Не хотят грузиться на пароход. Наш конкурс красавиц «Мисс – молодежная газета» под угрозой срыва. А мы пригласили таких спонсоров, таких пацанов!.. Они отвалили такие бабки!.. Что делать?

– Кончай панику наводить! – побагровев от гнева, так серьезно отвечает ему Протасов, что Дубравин аж зябко ежится. – Я уже давно разобрался в этом деле. Тех «мисок» заменили на других... Более красивых. А вот вас я за этот прокол еще вздрючу! Чтоб знали свой контингент, изучали, как следует изнутри!

Через минуту, выставив Сурнина за дверь, он, нажав на кнопку, вызывает секретаря.

Пока происходят эти события, Дубравин сидит ни жив ни мертв. Он просто фигеет от такого потока информации: «Е-мое! Люди-то, оказывается, вон какие дела проворачивают. Не то что мы. Сидим тут, строчки соборовские считаем. А они считают миллионы!»

Стройная, как газель, секретарша Инна – сто восемьдесят сантиметров, ноги растут от ушей – в обязательной мини-юбке и белоснежной шифоновой блузке нарисовалась из сумрака шестого этажа с чашками чудного индийского чая на подносе. Еще там в вазочке были какие-то абсолютно западные, залитые шоколадом печенюшки.

Протасов велит ей поставить угощение на стеклянный столик. И занять оборону у дверей.

– Чтоб меня не беспокоили! У меня важный разговор!

Дубравин надувается и расправляет широкие плечи от собственной

значительности. Он уже в мечтах продает раритетный крейсер «Аврора» каким-то заезжим арабским шейхам, выдавая его за крейсерскую прогулочную яхту класса «Люкс».

Но разговор идет о другом. Он как раз и идет о том, о чем они говорили в феврале.

– Мы все это время занимались хрен знает чем, – продолжает объяснение ситуации Протасов. – А главным даже не интересовались. И сегодня газета стоит на грани гибели. Денег нет. Живем на дотации от правительства. Нам надо создавать собственный, независимый издательский бизнес. Рекламные службы, региональные отделения. Производственные отделы. Нельзя такую гигантскую махину, можно сказать авианосец, делать из одного места. Из Москвы. Страна огромная, условия везде разные. В каждом пункте печатания свои цены, свои порядки. Надо проводить децентрализацию. Искать людей на периферии. Учить. И вот тут, мне кажется, та идея с телепрограммой может нам сильно помочь. Двинуть дело вперед. Это сегодня самое важное место. У нас тут есть один парень, Александр Олегович Крест. Он сейчас бултыхается в этой каше. Пойдешь к нему. На подмогу.

В общем-то, не так уж и долго они обсуждали условия сделки.

Голому собраться – только подпоясаться!

Зарплата в эквиваленте двухсот долларов в месяц и маленький кабинетик на другом конце этажа, рядом с дамским туалетом – вот и весь его контракт на новой должности. Зато какие радужные перспективы! Какие возможности и горизонты!

* * *

«Вот это стул – на нем сидят. Вот это стол – за ним едят? Или его едят?» – иронизирует сам над собою Александр Дубравин, когда, наконец, устраивается на своем новом рабочем месте. Спартанская обстановка. Голые стены. Ничего лишнего. Стол, стул, ручка, телефон. Пара блокнотов.

Жаль, что нет роскошных мебели. Зато есть абсолютно чудная идея, которую можно и нужно реализовать!

Уже потом, через несколько лет, Дубравин, обобщая собственный предпринимательский опыт, создаст некий свод правил ведения дел в новой России. Так вот, пунктом первым в этом личном катехизисе бизнеса он обозначит идею.

Как говорится, «вначале было Слово».

Вторым условием он назовет людей: «Во всяком деле нужны люди с горящими глазами...» – часто говорит он на разного рода деловых встречах и обучающих семинарах.

И только на третье место он поставит материальный ресурс. Или деньги.

Сейчас у него нет ничего, кроме предложения работать с периферийными телепрограммами. Нужно собрать людей. Но как? И тут он вспоминает, чему их когда-то учили на журфаке.

«Газета – она не только коллективный пропагандист и агитатор, она еще и коллективный организатор». Или что-то вроде этого.

«Ну, так пусть же она и организует трудящихся в свою поддержку! – решает он. – Надо просто дать объявление у себя! Со своим номером телефона. Кто, мол, хочет поучаствовать в большом деле. И помочь любимой молодежи? Требуется энергичные люди для нестандартной работы».

Сказано – но не сделано. Быстро ведь только... сказка сказывается. Газета-то никогда объявлений и рекламы за десятки лет своего существования – не печатала. Не принято это было в стране советов.

Пришлось прошвырнуться из своего маленького по большим кабинетам. Но уладили. Дали такое объявление. И пошло-поехало.

– Хеллоу! Хеллоу! Это вас беспокоит старая комсомолка, член бюро всего на свете...

– Здравствуйте! Я безработный, беспаспортный, бездомный...

– А не хотите ли разводить вместе со мною кур вновь выведенной мною лично породы «Жанашель»?

– Мы работники фабрики по пошиву чехлов для наших автомобилей страшно возмущены вашей публикацией о хищениях на «Автовазе»! Требуем опровержения!

Короче, понеслось дерьмо по трубам. Но среди этого потока нет-нет да и попадаются интересные кадры. Бывший секретарь городского комитета комсомола Ставрополя. Кооператор из Ростова. Уволенный инженер оборонного завода из Тулы. Историк из Иркутска. Бывший гэбист из Владивостока. Так, поштучно начал он отбирать людей для программы. Некоторые приезжали сами. Из Новосибирска прикатил молодой парень – директор десятка учрежденных им же самим фирм. Приехал, весь модненький, как с картинки, зашел в маленький кабинетик Дубравина. Долго смотрел на хозяина почему-то пустыми, плоскими голубыми глазами не мигая. А потом – давай «гнуть пальцы»:

– Да, я! Да, мы! У себя! Все схвачено! У нас рекламное агентство «Венера Милосская!»

Этакий новорусский, чуть облегченный типаж. Но и он сгодился на первом этапе.

Встрепенулась и собкоровская братия. Огненно-рыжий, бородатый коротышка, изгнанный из Киргизии на незалежную Украину Степан Гоманюк. Казахстанский сменщик Дубравина величаво-ленивый Вова Помаров. Угнетенная женщина Востока из Уфы Гузель Бежгиева.

Со всеми он говорит. Всем рисует радужные перспективы.

Сегодня прибыл очередной ходок. Из славного города Братска. Этакий вихрастый парнишка с широченной улыбкой на сахарных устах и романтическими представлениями о бизнесе, как о некоей дойной корове, к которой только надо правильно подойти. И молоко польется рекою. Надежды юношей питают. Он с восторгом слушает Дубравина, который разливается соловьем, пытаясь завербовать очередного рекрута в свою маленькую армию.

Сейчас на каждом предприятии – большом и маленьком или совсем маленьком – происходит одно и то же. Начинается первоначальное накопление капитала и «стихийный процесс прихватизации нажитого за семьдесят лет общего народного добра».

Редакция молодежи не является исключением из общего процесса. Но имеет одно существенное отличие. Инициативной группе нечего приватизировать.

Молодежная газета ничего не имеет. Ровным счетом – ничего! Ни помещений, ни машин, ни станков, ни типографий. Не имеет даже юридического лица. И счета в банке. Даже столы и стулья, на которых сидят журналисты, и те принадлежат не им. А издательству.

У молодых и энергичных есть только головы и ручки, которыми они строчат заметки. Так что Дубравину предложить особо нечего.

Есть только один ресурс – любовь читателей.

Так вот эту самую любовь и надо им вместе превратить в материальные ценности. Бумагу, печатные машины, рекламу, здания, сооружения и все такое прочее, что в рыночной экономике называется изящно и просто – «активы».

В общем, разворовывать нечего. Надо создавать. Ну, а так как объединить людей можно только на личном корыстном интересе, то Дубравин старается:

– Представляешь себя через несколько лет. Шикарный офис! Окна во всю стену. Ты подъезжаешь на «мерседесе». На белом. Тебе подает чай

красавица секретарша... – распинается он и рисует перспективы вихрастому юноше.

Чаще всего они, после такой беседы, подписывают договор. И расходятся взаимно довольные друг другом.

Дубравин, конечно, понимает, что многие из этих людей никогда не станут предпринимателями. Но это может показать только время и само дело. А шанс сегодня есть у каждого. И он его предоставляет.

Оказавшись в совершенно новой для себя ипостаси, среди новых условий и новых людей, он все так же, по-журналистски, приглядывается к типажам. Оценивает и классифицирует.

Постепенно у него появляется собственное представление о тех, с кем ему предстоит трудиться. Условно он делит их на три волны. Первая. Туда, где запахло деньгами, ринулись авантюристы и искатели приключений всех мастей. В этом нет ничего необычного. Точно так же несколько сотен лет назад двигались на завоевание новых земель пираты, конкистадоры, бродяги, воры – те, кто не имел каких-то прочных корней на земле.

Вторая волна – торгаши. Эти готовы не только грабить и растаскивать, но продавать и покупать, наваривая гигантские барыши. Они просто хотят хапнуть. Сразу и много.

Он также понимает, что уже схлынула первая волна в виде безумных кооператоров, бандитов и приватизаторов. Что пена второй волны тоже постепенно тает, сходит в небытие вместе с малиновыми пиджаками, спортивными костюмами «Адидас», золотыми цепями на бычьих шеях и распальцовками на стрелках.

Приходит время пахарей. Людей, которые состоялись, умеют работать. И готовы работать. К этой третьей волне он причисляет и самого себя. Так вот, его задача на данном этапе – выявить этих людей. Вдохновить их. И двинуть вперед.

Непростая задача, если учесть, что буквально только вчера все мы были советские. В общем-то, тихие, мирные, благообразные. Но под этой личиной копилось в народе много чего разного. Только не проявлялись эти страсти. А тихо дремали в условиях советской действительности. Подавлялись воспитанием, образованием, всем строем жизни.

Но вот рухнула система. И все, что лежало в душах под спудом, копилось, приберегалось, вдруг вырвалось наружу, вышло на поверхность жизни. Зашипело, забурило. Выплеснулось из рамок и берегов. А ему надо на ходу разобраться со всем этим сумбуром в душах. И уловить самое важное. Уловить те души, гонимые вихрем перемен, которые готовы бороться вместе с ним за выживание газеты и за свое будущее.

* * *

Он долго-долго смотрит на эту квитанцию. И никак не может понять, что бы это значило? Как и все творческие люди, он, конечно, довольно абстрактно соображает, что бизнес должен давать прибыль. Но как это будет выглядеть на практике – ему абсолютно невдомек.

И вот изо всех этих разговоров, переговоров, подписания стандартных договоров, всего этого процесса, больше напоминавшего игру, чем серьезное занятие, вдруг появился конкретный результат. Деньги. Первые деньги.

Перевод, перечисление на семнадцать тысяч рублей. Из Ставрополя. От некоего абсолютно незнакомого Олега Черкесова.

Это был, наверное, самый важный перелом в его сознании. Как и все советские люди, Александр привык получать зарплату. И воспринимал этот процесс, как нечто само собою разумеющееся. Сумма этого вознаграждения за труд всегда определялась другими людьми. А тут ему открылось, что в принципе они могут зарабатывать столько, сколько смогут. Сами.

И еще он реально ощутил, что недаром ест свой хлеб. Экономический интерес дал свои первые плоды.

Свершилось великое дело. Появились новые самостоятельные люди. Они сами набирают на местах рекламу. Сами размещают ее на месте ненужной телепрограммы.

Механизм новой экономики для газеты запущен.

V

– Снайперская винтовка Драгунова – в просторечии СВД – должна обеспечивать поражение живой цели на дальности до девятисот метров, при вероятности попадания первым выстрелом до восьмидесяти процентов. Имеются также винтовки, близкие к спортивному оружию, например СВ-98. Такая винтовка годится для исполнения (со специальным патроном) специальных задач.

В условиях города, когда стрельба ведется на коротких расстояниях, полезно использовать бесшумные снайперские винтовки типа ВСС и ВСК-94. Снайперские «бесшумки» особенно хороши тем, что позволяют «охотнику» уйти с позиции незамеченным после уничтожения вражеской цели... Однако небольшая дальность ограничивает их применение...

Есть еще малокалиберные винтовки с оптическим прицелом! – Инструктор по снайперскому делу – длиннорукий, сухопарый капитан с орлиным носом и густой шевелюрой – отложил в сторону наставление по боевому применению и разложил на специальном техническом столе новенькие образцы снайперского вооружения: винтовки, прицелы, треногу и еще что-то непонятное.

Они только вчера вернулись с очередного учения по предотвращению терактов. И от этого в сознании Анатолия то и дело прокручивается картинка происшедшего на атомной станции.

Ему вспоминается «опрокинутое» лицо пожилого охранника с недоеденным бутербродом во рту. И он тихо усмехается: «Прозевали они нас. Прозевали!»

Это высокое начальство придумало такую форму боевой учебы личного состава. Ставится задача – проникнуть на объект и установить там «условное взрывное устройство». Способ проникновения надо придумать самим.

Так они с напарником на неделю оказались в большом и многолюдном российском городе в центре страны. Задачу выполнили блестяще.

«Не зря наши нынешние заклятые друзья и союзники обеспокоены. Способна ли Россия охранять свое ядерное оружие и атомные станции? Может, ей надо помочь? Направить своих военных на эти объекты! Куда мы катимся? Это же оккупация и полная капитуляция! Фактически превращение в колонию! Японский бог! Мыслимо ли было такое еще вчера?»

Инструктор берет внушительную длинноствольную винтовку и, баюкая ее на длинных руках, продолжает занятие:

– Эффективность применения крупнокалиберной винтовки ОСВ-девяносто шесть – вопрос спорный. А почему? – хитро прищурившись, спрашивает он. – Да потому, что специальные снайперские двенадцать и семи-миллиметровые патроны к ней производятся малыми партиями, а стрельба обычными пулеметными патронами неэффективна. Слишком уж они рассеиваются... – при этом он так нежно улыбается и мурлыкает, что видно, как этот «горец» любит оружие.

«По прозвищу “Белое перо”, – вспоминает Казаков, рассказанную им на прошлом занятии историю американского снайпера, который во Вьетнаме один уничтожил целую роту вьетконговцев. – А этот где отметился? Сейчас такие специалисты нарасхват. Времена пошли лихие. Будь они неладны!»

Он молча оглядывает всю свою группу – серьезные молодые люди, аккуратно конспектирующие лекцию. Что будет с ними завтра? Где они окажутся со своими орудиями смертельного ремесла? Никто не знает.

После того «опереточного путча» последствия оказались очень даже серьезными. Их родная «контора» была сильно подставлена Крючковым. И победивший Ельцин поставил во главе ее господина Бакатина. С простой и понятной задачей. Такого монстра, как КГБ, больше существовать не должно! И пошло. Отделили пограничников. Потом правительственную связь. Начались слияния и разделения других служб. А вместе с ними и сокращения. И, конечно, в первую очередь народ посыпался из пятого управления. Идеологи больше были не востребованы.

А главный телохранитель Ельцина, сам выходец из «девятки», начал создание новой охраны Президента России. Так что люди Горбачева, в общем-то предавшие его, оказались в новой структуре не нужны. А уж тем более, не вписывались в нее те, кто сохранил преданность первому и последнему Президенту СССР в пору его заключения в Крыму. И среди них его дружан Алексей Пономарев.

Он не стал дожидаться, когда его вежливо попросят на выход. Ушел сам. Перебрался к «новому русскому». Какому-то медиамагнату Гуцинскому. Там осели многие ребята. В том числе и генерал – бывший начальник «пятерки».

Оставшиеся бедствуют. Особенно тяжело семейным. Вчера они были элитой. Сегодня их мизерной зарплаты не хватает даже на еду. Выживают, как могут. Одно слово – шоковая терапия.

«Все, как в детских стихах у Джанни Родари, – печально думает

капитан Казаков. – Тысячи лир превращаются в сотни, денежки тают, как снег прошлогодний. Едва подержал я монеты в руках – и снова, о чудо, сижу весь в долгах!» – Веселый итальянец. С юмором сформулировал весь ужас инфляции. Только вчера пачка кефира стоила сто рублей. А сегодня уже сто десять!»

Заработать – это слово сегодня главное. Хотя что-то заработать. Товары появились, но исчезли деньги. Заводы останавливаются. Где добыть хлеб насущный? Кое-кто из боевых офицеров в свободное от службы время «охраняет торговые палатки». Кто-то инкассирует деньги. Некоторые, как в молодости, пошли разгружать вагоны.

Анатолий – стойкий оловянный солдатик, еще держится. Но он не женат. А что будет дальше? Лучше и не задумываться!

– Перед выходом на операцию следует всегда насухо протирать стволы и патронник, – неторопливо продолжает лекцию инструктор. – Так, записали! – Он ловко открывает лязгающий металлом затвор, показывает, где надо протирать, и диктует дальше, придерживая спусковой механизм натруженными со ссадинами и царапинами пальцами. – Если в стволе, не дай бог, окажется масло или влага, то пули пойдут выше, а при выстреле будет виден дым и яркая вспышка, что демаскирует вашу позицию. Оптимальный режим стрельбы снайпера по наиболее важным мишеням – один выстрел в две минуты. Ствол не должен нагреваться. При нагреве ствола свыше сорока пяти градусов пули пойдут ниже...

«Мишени, мишени – как обтекаемо говорится. А ведь это будут люди. Как от этого абстрагироваться?» – думает о своем Казаков, старательно записывая в красный блокнот поступающую информацию.

Собственно, надоумил его идти учиться все тот же Алексей Пономарев. Зачем? А бог его знает. Значит, зачем-то понадобился ему «свой специалист».

Вчера он позвонил ему в офицерское общежитие, где обитает Казаков:

– Старик, у меня к тебе есть одно небольшое дело. Можно немного на этом заработать.

Вовремя он позвонил, этот рыжий, с конопушками, слегка циничный, но надежный бес-искуситель. Сейчас у Анатолия как раз такое время, когда до полочки еще далеко, а все надбавки за сложность, секретность, дежурства давно съедены. И как говорится, «хоть клади зубы на полку».

На встречу он шел напрягшись. Все думал: «А что, если друг предложит что-нибудь такое, на что не позволит пойти честь офицера? Не зря же он направил его на эти курсы. Будь они не ладны...»

Встретились, как и договорились, у метро.

Алексей в модном осеннем прикиде. Невиданная роскошь – кашемировое пальто. Классные, высокие черные итальянские сапоги. Яркое кашне. Приехал на машине. Новенькой вишневой «шестерке». Сразу видно – человек вписался в рыночную экономику.

Анатолий попроще – китайский синий пуховик (якобы качественный), ботинки на толстой подошве – армейские берцы. Вязаная черная шапочка.

В общем, одет слегка не по осеннему сезону. Надо бы кожаную куртку, что Дубравин привез ему из Китая. Но с курткой случился конфуз. Хоть куплена она была в центре Пекина, однако же после первого дождя с нее потоками стекла черная краска. А через неделю прорвались карманы. Они были сшиты изнутри из марли. Надо ли вспоминать, что на третий день оторвались и ушки у всех замков?

В те годы московская мода менялась очень даже быстро. И зависела, конечно, не от усилий дизайнеров, а от размера кошелька. Бедные одевались на китайском рынке: кожаные куртки, брюки-саксы, кроссовки, фальшивый «адидаас».

Чуть выбился в люди – турецкая дубленка, кожаный портфель, фирменные джинсы.

У кого мощна туга – переходит на Европу – Италия, Испания. Модные бренды. Фирменные пиджаки.

– Привет, дружище! – радостно улыбается во все тридцать два зуба Алексей. – Чего такой смурной?

– Да так! Думаю много! – отвечает, стараясь скрыть свою тревогу, Анатолий. – Зачем звал?

– Дело есть. Завтра у нашего шефа встреча. В такой конторе, называется «Логоваз». Может, слышал?

– Нет! Не знаю! – отвечает с замиранием сердца Анатолий.

– Там штаб-квартира одного господина. Мы сейчас готовимся к визиту. Собираем оперативную информацию. Так вот, у него охрана из чеченцев. Любит он понты разводить. И пальцы гнуть.

– Ну а я-то тут при чем?

– Наш тоже не хочет, как говорится, «ударить лицом в грязь». Вот и собираем побольше бойцов. Да повнушительнее. Я подумал, что ты тоже можешь пригодиться. Мало ли какие финты они там могут начать выкидывать. А действующий сотрудник органов с настоящими документами – это вам не «хухря-мухря». Будь наготове. Оружие я тебе завтра выдам.

«Ты бы хоть рассказал, у кого работаешь?» – думает про себя

обиженно Казаков. – Я же тебе не шестерка!»

– Ну, мой шеф раньше был то ли актером, то ли торговцем. Но сейчас он создал свое телевидение. Видел, наверное.

– А на какие шиши? – все еще топорщась, спрашивает Анатолий.

– Взял большой кредит в банке. Он корешится с Лужковым, да и Виктор Степанович его жалует.

– Ясно! Безвозвратные кредиты! А едем-то к кому?

– Ну, это колоритная фигура! Хочет создать народный автомобиль. Сам торгует машинами. Вазовскими «Жигулями». Схема простая, как все гениальное. Автоваз все еще торгует машинами за границей. По заниженным ценам по сравнению с Россией. Вот он и придумал такой трюк. Его «Логоваз» берет «Жигули» по низкой заграничной цене, а продает их здесь по рыночной. Разница оседает у него в кармане. Говорят, он подарил дочурке «самого папы» новенькую полноприводную «Ниву», отделанную и оттюнингованную так, что пальчики оближешь. А в придачу к ней «золотую кредитную карточку». Пронырливый парень. Хитроумный.



- А зачем столько охраны? Он же просто мелкий жулик!
 - Ну, знаешь, трения у них. А мы вроде тоже следом.
 - Вечная история. Гвардейцы кардинала – мушкетеры короля!
 - Во-во! Ну, ты будешь? На тебя рассчитывать?
 - А куда я денусь?
 - Давай!
 - Давай!
- Прощаясь, Анатолий заметил, что на «шестерке» у Алексея стоят

«блатные номера» той серии, которую выдают только машинам спецслужб. Значит, не теряет он свои связи не только с ним.

* * *

У входа в роскошный офис «Мой-банка» стоит целая вереница машин. Впереди длинный тюнингованный шестисотый «мерин» с удлиненной задней дверью и затемненными стеклами.

Второй – черный, полноприводный, квадратный «Гелендваген». Для охраны. Следом – восьмерка «ауди». И какой-то большой американский «Додж» с диваном вместо задних сидений.

Все чин-чинарем. Челядь в черных костюмах с оттопыренными полами толпится у машины.

Анатолий жалеет о том, что пришел в кожаной куртке: «Эк, я промахнулся с нею! Видно, мода уже переменялась!»

Он спрашивает старшего охранника, где Алексей. Тот показывает ему на вход. Но, едва только Казаков подходит к стеклянной двери, как она автоматически открывается и оттуда выскакивает его друг. Следом за ним еще двое. Все в костюмах.

Разглядев, что Казаков одет не по форме, Пономарев только крикает от досады, но, видно, поняв, что сам виноват, машет рукой и говорит:

– Садись в «Гелендваген». Рядом с водителем.

Машина ошеломляет Анатолия. Черное кожаное спортивное сиденье, в котором плотно утопаешь. Ноги упираются в ворсистый ковер. Чувствуется роскошь простой отделки. Пахнет новой кожей и каким-то чудным цветочным дезодорантом.словно в парикмахерском салоне.

Водитель тугой, плечистый, круглолицый парень – явно тоже из бывшего гаража ЦК, дружелюбно протягивает руку первый:

– Петр!

– Анатолий!

– Куда сегодня едем? Не знаешь? А то объявили большой сбор. Вон, какой кортеж собрали!

– Да, к какому-то Березовскому! В дом приемов! Там у них что-то вроде клуба, – щеголяет своей осведомленностью Анатолий.

– А-а!

– Едем демонстрировать силу. Этакая полудружеская «демонстрация флага»!

- А-а!
- Потому и собралась такая вот бригада!
- А-а!
- Вон, гляди, уже твой шеф выходит!

И они через боковое тонированное стекло видят, как из офиса, из распахнувшихся зеркальных дверей высыпает кучка народу. Посреди нее сверкает золотом оправы очков на горбатом носу сам Гущинский.

«Кто они, эти люди? – глядя на то, как услужливо открывают двери, бережно подсаживают «великого человека» мордороты и шкафы в черном, думает капитан. – Как? Каким чудесным образом они вдруг ни с того ни с сего оказались владельцами всех этих прекрасных офисов, банков, “мерседесов”, на которых разъезжают по столице со своими “мисками”?»

Кто эти финансовые гении? Бывшие актеры, завлабы, мелкие служащие. Мгновенно и сказочно разбогатевшие в одночасье, словно по мановению волшебной палочки. Бизнес? Какой бизнес? Вон, Дубравин упирается, но что-то ему до этих, как до небес!»

Кортеж так резко срывается с места, что визжат по асфальту и прокручиваются черные мишленовские шины. Гонка продолжается и на улицах столицы разоренной мировой империи. Они несутся, взвизгивая тормозами, пугая пешеходов. Мимо одуревших постовых милиционеров, стихийных рынков, ларьков и крикливых пестрых реклам.

Заканчивается езда так же неожиданно, как и началась. Выезд новорусского боярина застывает у крылечка длинного приземисто-фигуристого особняка. Дома приема «Логоваза».

Анатолий надевает черные очки и выскакивает из машины. Первым. Его работа сегодня очень проста. Он должен внимательно наблюдать за тем, что происходит вокруг. Особенно внимательно за балконами, крышами, окнами. Нет ли там чего-то подозрительного.

Следом из машин, как сухие горошины из стручков, высыпается охрана.

Двери особняка открываются – показываются люди очень большой комплекции, объемов и габаритов. Все они, как сейчас говорят, «неславянской внешности» и «кавказской национальности».

Это легендарные чеченцы, которые в последнее время заполонили город.

Телохранители господина Гущинского сбиваются в кучку у «мерседеса» шефа. Задняя дверца бронированной черной машины как бы сама собою открывается. Оттуда сначала показывается нога в

лакированном ботинке. Нога крутится, отыскивая опору на асфальте. И, наконец, твердо встает.

Место священнодействия окружает своими телами охрана.

И черная кучка катится к покрытому козырьком навеса крылечку особняка.

Визит начался.

Анатолий минут десять еще наблюдает за горизонтом. А затем тоже идет в дом. Торчат на улице, привлекая внимание, в его планы не входит. Судя по тому, сколько народа привез медиамагнат для «демонстрации флага», переговоры будут не слишком легкими и не очень быстрыми. Ну что ж, он тоже не торопится.

Поднимается по ступенькам и заходит в холл. Роскошно отделанный холл. Поразивший его обилием мрамора, золота, кожи, меди. Все это великолепие освещают хрустальные люстры.

Тут наш «антиснайпер» натывается на «неславянский шкаф». И тот гортанно, как-то в нос, произносит по-русски:

– Ваши там!

Казаков открывает дверь. И входит в большую комнату с функцией «предбанника». То есть комнату перед залом, в котором идут переговоры. Там за черными, из дорогого дерева дверями, судя по всему, и идут основные «тары-бары-растбары». Здесь много чернопиджачного народа. Люди кучкуются. Сидят на диванчиках, креслах. Пьют что-то из длинных стаканов. В дальнем углу, за столиком, заставленным бутылочками с яркими, пепсикольными этикетками, сидит Алексей Пономарев. Напротив него какой-то рыжий, здоровенный чеченец.

«Надо же, двое таких рыжих в одном месте сошлись!» – внутренне усмехается Анатолий и направляется прямо к ним. Уже на подходе он понимает, что между ними идет какой-то спор.

– Что вы здесь делаете?! – резко спрашивает сидящего напротив чеченского визави Пономарев. – Что вы делаете в Москве? – И сам же отвечает: – Вы грабите, воруете людей. Крышуете.

– Мы охраняем! Помогаем! Развиваем! Вот сейчас мы с тобой разговариваем, как с гостем, потому что мы здесь работаем. Я работаю. Вахид Сулбанов. Охраняю бизнес вместе с нашим родственником Магомедом Исмаиловым. Он – уважаемый человек. Помогает делать бизнес самому Борису Абрамовичу, – не особо раздражаясь, но и не тушуясь, отвечает слегка похожий на одетого в пиджачную пару медведя Вахид. Только легкий румянец на небритых щеках говорит о том, что он задет за живое.

Алексей морщится, как бы давая понять: «Знаем мы, мол, ваш бизнес!»

– Почему ты так неуважительно смотришь на это? Думаешь, мы бандиты какие-нибудь? Вот Хоза Сулейманов тоже из наших. У него большой бизнес. Настоящий бизнес в Южном порту...

Это правда. Казаков знает, что там действительно торгуют подержанными и новыми «мерседесами», «ауди», «фордами». И держит этот рынок их авторитет.

«Рыжий не врет. И сам он какой-то слегка странный. Не хочет, чтобы его считали простым бандитом, коих здесь немереное количество. А ведь другие, наоборот, стараются показать себя самыми “отмороженными”, самыми страшными. Чтобы запугать жертву. Вот Леха опять его подзуживает. И зачем он это делает? Обостряет...»

– Да, знаем мы ваши методы, – упрямо наклонив голову и потягивая из холодного запотевшего стакана коричневую, пузыристую колу, опять берется дразнить «быка» его друг. – Приходите к людям, начинаете запугивать: мы у тебя все заберем, мы злые, жестокие, мы тебя завтра повесим, зарежем... и уедем к себе. Милиции мы не боимся. Все куплено. Будешь нам платить. Это в первый день. На второй появляется добрый нохча: «Слушай, у тебя проблем нет? Есть! Ну, так мы сейчас все сделаем. Все решим». Вот человек и попадает на крючок.

В эту секунду Анатолий понимает мотив друга: «Ему адреналина не хватает. Скучно ему на этой работе. Да, многие из наших, кто привык воевать, так тоскуют по живому делу. Но здесь-то нам зачем конфликты?»

Он подсаживается на диванчик и, чтобы как-то переменить тему, сбить напряжение, спрашивает Сулбанова наугад:

– А вы, случайно, не из Казахстана? У нас там немало знакомых ваших сородичей.

– Я из Узун-Агача! – неохотно, но из вежливости отвечает Вахид.

– А я из Восточного Казахстана, – старается увести разговор в другое русло Казаков.

– Да, я там бывал не раз! – ведется на тему чеченец.

– Вот как? А где, если не секрет?

Но Пономарев снова берет инициативу в свои руки и упрямо пытается осадить Сулбанова:

– У вас даже в обычаях все какое-то не такое. Девушка, отказывая жениху, говорит: «Он даже не способен барана украсть!» Такой вот у вас менталитет.

Анатолий чувствует, как сидящий рядом мужчина напрягается,

пытаясь сдержать растущее, закипающее раздражение. Он понимает, что еще несколько минут такой беседы – и будет скандал, может быть, драка.

В отличие от Алексея, он, родившийся в многонациональном Казахстане, намного лучше понимает особенности характера соседей по большой коммунальной квартире под названием СССР.

Он встает. И взглядом показывает Лехе на дверь. Мол, выйдем. Дело есть. Тот неохотно поднимается. Но идет за ним.

В холле Казаков говорит ему первое, что приходит в голову:

– Слушай! Я там, на улице, видел какой-то подозрительный грузовик. Остановился на том краю. И стоит. Надо бы проверить. Послать ребят.

Пономарев живо реагирует:

– Сейчас пошлю! – а потом добавляет: – Ну, как тебе зверюга?

Анатолий ничего не отвечает. Только кивает головой в ответ. А сам думает: «Рыжие, они прямо, как бараны. Вот уперлись рогами друг в друга».

Но где-то своим внутренним умом он понимает, что дело же, конечно, не в масти спорщиков, а в том, что столкнулись два характера, два взгляда на мир. Вообще, два мира. И дело не только в Алексеевой непримиримости. По всей Москве сейчас идут столкновения между чеченскими и славянскими бандами. Каждая из сторон пытается получить власть над городом. И отголоски этой великой войны слышны везде. Простые москвичи даже не понимают, что происходит. То взорвут какого-нибудь авторитетного бизнесмена. То убьют вора в законе. Вот вчера только погиб некий Валерий Длугач по кличке «Глобус».

«Так всегда бывает, когда власть слабая. В революцию, в гражданскую, в войну. Здесь особенность только в том, что на сцену вылезают представители небольшого народа, затерянного где-то в отрогах Кавказских гор».

Мысль мгновенно переносит его в родные края, потом в афганские горы: «Здесь, как и там, в сущности, одно и то же. Горы, невозможность быстрого экономического развития. Застой. В итоге, народ застревает где-то на уровне родоплеменных отношений, в Средневековье.

А мы уже прошли эту стадию. Создали мощное государство. Возложили на него свои заботы по защите личности. На него и надеялись. А его больше нетути!

И столкнулись наши люди один на один со сплоченными сородичами и соплеменниками. С другой философией, системой ценностей, образом жизни, религией. Правильно Дубравин мне рассказывал о них после совместной службы в армии. Ведь для них так же, как для индейцев,

украсть или ограбить – доблесть. Воровство и бандитизм прославлены и в притчах, и в сказках, и в легендах. Взять хоть эту “Легенду о Гамзате”. Чудная она. Нохча Гамзат поскакал со своими дружками на русскую, казачью сторону. И там украл целый табун белых коней. Но русское войско их перехватило. Окружило. Они убили коней. Сложили из них завал. И спрятались за ним. Держать оборону. Долго бились. Но патроны кончились. И русские к ним подступили. И тогда нохча Гамзат закричал пролетающим мимо птицам: “Сообщите девушкам в нашем ауле, что мы погибли за газават!”

Ну и причем тут газават? То есть священная война. На Кавказе любят красивые слова: “Кровная месть. Борьба за свободу. Газават! Священное знамя ислама!” В большинстве случаев прикрывают ими истинную неприглядную суть. Ох, не раз нам еще отрыгнется эта разница в обычаях и менталитете. Ладно, пойду-ка я обратно в предбанник!»

Он подходит как раз вовремя. Сулбанов, уже раскрасневшийся от еле сдерживаемого раздражения, объясняет молча слушающим русским, что первобытное, кровнородственное общество имеет реальные преимущества над всеми остальными.

Но разговор прерывается в самом интересном месте. Что-то происходит в соседней комнате. Оттуда раздаются громкие голоса. И через секунду из переговорной залы, «как черт из табакерки», выскакивает маленький, юркий, черный лысый человечек. Сгорбившись, руки в карманы – он метеором устремляется к двери. Потом резко разворачивается. Сулбанов и другие чеченцы из охраны вытягиваются. Березовский, а это он, подходит к говорившим, ищет взглядом заслуживающее доверия лицо, обращается к Вахиду:

– Сходи к Бадри, скажи ему, чтоб он подошел к нам, сюда!

И сделав на каблуках поворот на сто восемьдесят градусов, снова улетает в переговорную залу, откуда доносится в приоткрытую дверь его голос:

– Да как ты не понимаешь, что нам надо держаться вместе, а не враждовать. Вчера твой канал опять показал... Я встречался с...

Дверь закрылась. И никто не услышал, с кем встречался будущий олигарх.

Сулбанов молча идет выполнять поручение шефа. А они снова рассаживаются на диванчики. Дождаться.

* * *

Но вот и дождались. Ребята «ведут» объект к машине. Гуцинский ныряет в бронированный «мерседес». Анатолий почти на ходу заскакивает в «Гелендваген».

«И вот такие вот суетливые, вонючие клопы сегодня в фаворе. Наживают состояния. Видно, все перевернулось вверх ногами. А помощники у них – не дай бог. Что-то еще будет!» – думает он, возвращаясь к себе. На базу.

VI

– Не на такую попал! – раздраженно думает Людка Крылова, разглядывая себя в настенное зеркало в прихожей съемной квартиры. Неосторожно мазнув алой губной помадой по губам, она теперь поправляет, размазывает, растирает краску как надо – ровным четким слоем.

Наконец, покончив со своим макияжем, направляется в комнату. И начинает выбирать платье «на выход». Сегодня ее все раздражает. И эта крохотная, убого обставленная однокомнатная квартира в старом панельном доме. И сам район Теплый Стан с его огромными многоэтажными домами размером каждый в целый квартал.

Она с ужасом смотрит из окна на эти человеческие ульи, на эти соты и муравейники и понимает, что в одном таком доме живет население целой деревни.

«Словно какие-то насекомые, – думает она о соседях. – С утра до вечера шуршат, стучат, болтают. Живешь, как в картонной коробке».

А как все хорошо начиналось! В один прекрасный день он все-таки пришел к ней. И сказал именно те слова, которых ждет каждая женщина:

– Собирайся! Поедем! В Москву!

И она поверила, что начинается, наконец, их с Вахидом новая прекрасная жизнь. Без этих его родственников, обычаев, постоянных недомолвок и исчезновений.

И что же? Приехали. Он оставил ее сидеть здесь, в пустой квартире. И чего-то ждать в этой бетонной коробке. А сам все носится, как веник. Работает. И что это за работа? Где-то ходит днями и ночами. С этими своими двоюродными братьями, вместе с которыми они и приехали сюда.

А начался их путь с серьезных подвижек в самой чеченской диаспоре Казахстана. Когда они поняли, что Союза больше не будет. А дело идет к созданию национального казахского государства, то засуетились, засобирались на историческую родину. В Чечню.

Старейшины приняли решение. И род за родом начал сниматься с нажитых мест.

Она была в отчаянии. Все кончено! Пропали все ее многомесячные усилия.

Как она понимает свою маму теперь! Ах, мама, мама! Ты вкладываешь в эти отношения всю себя. Душу. Тело. Стремление к счастью. А он...

Она подошла к шкафчику. Достала таблетку. Положила в рот. Запила теплой, какой-то прогорклой водой из-под крана. Она уже не молоденькая дурочка, чтобы залетать. Все время надо остерегаться. Быть в форме. А ей так хочется иметь ребенка! Да не одного!

Но тогда выход нашелся совсем с неожиданной стороны. В это самое время «нохчи» начали проникать и в Москву. Кто пытался заниматься бизнесом, кто охранять этот самый бизнес. Появились широкие возможности, чтобы проявить свои способности. И дальний родственник Сулбановых Гелани Акмазов позвал Вахида к себе.

Весь род поехал в Чечню, а он с двоюродными братьями – в Москву. И забрал ее с собою.

Тут он быстро продвинулся. Потому что умел «разговаривать» с любыми, даже с самыми отмороженными на всю голову людьми. Тогда все в Москве считали их настоящим зверьем, которое, не задумываясь, пускает в ход ножи и пистолеты. А он играл роль этакого «благородного индейца», друга белолицых москвичей.

Несколько раз он брал ее с собою в рестораны, где собирались московские «нохчи». Среди них тоже были разные люди. И обжившиеся в Москве, слегка лощеные ребята. Важные, комично тщеславные – все в золоте. Чаще всего с русскими нафуфыренными красивыми, но насквозь провинциальными девчонками. Были и бородатые, темные люди, дикого «кавказского» вида. Простые дети гор, еще не испорченные плодами цивилизации. Судя по каким-то их коротким репликам и восклицаниям, они занимались в основном рэкетом. Или охраной своих авторитетных бизнесменов.

Она ходила с ним. И в отличие от других девчонок понимала, что ее несколько не устраивает роль подруги чеченского разбойника. Да, благородного, по-своему честного, но все равно разбойника.

Ну и решила она для себя, что надо как-то пытаться самой стать на ноги. Устраивать свою жизнь. Может быть, даже и без него.

Вот она сегодня и завела этот свой разговор о работе. Он сначала все отмалчивался. А потом заявил:

– Нечего тебе работать! Что я не могу тебя обеспечить?! Тебе чего-то не хватает?

«Всегда с ними, с мужиками, так. Все самолюбие играет. Не может понять, что дело даже не в баракле. А в том, что ей не хватает жизни. Свободы. Людей».

– Мне скучно! Одной! Не с кем пообщаться. Ты все время занят. У тебя дела! Друзья!

– Общайся с братом! – рыкнул он. – С Фатимой в конце концов!

С Фатимой! С этой килькой сушеной. Какая-то она не от мира сего. Уперлась в свой Коран. Даром, что молодая. И все читает его, читает. И все долдонит, что по Корану Аллах Вахида накажет за то, что он живет с неверной. И ей тоже заявила недавно. Если, мол, она, Людка Крылова, хочет быть женой, женщиной восточного человека, то должна, мол, соответствовать. Принять ислам. Одеваться, как чеченка. Ни в чем не перечить мужу. Рожать детей. И никуда не лезть. В общем, ноги мыть и воду пить. Ну, нет уж! Быть такой, как она? Не дождетесь!

И Людка вспоминает узкое, плоское лицо Фатимы: «Как маска в театре. Прорези для глаз. Как будто прорезанный рот. Фанатичка. Напялит черный платок. Одна эта маска и торчит наружу. Нашел Вахид для нее подругу. Хорошую подругу. Сестру. По несчастью».

Поцапались они с утра. И пока он одевался, чтобы уйти, она сидела в углу. Смотрела на него. И ей было страшно. Во всем его облике было что-то от среднего размера медведя. Могучий торс. Огромные, как лопаты, кисти рук, торчащие из рукавов. Жесткие, буграми мускулы. Раньше она млела и таяла в его руках. А теперь боялась. А вдруг он кинется ее в гнев душить?

А какое у него было лицо! Оскорбленного ребенка.

Ох, годится ли он на ту роль, которую она ему приготовила? Роль мужа, отца счастливого семейства. Раньше она свято верила в народную мудрость, которая гласит, что «ночная кукушка всегда дневную перекукует». Но в данном случае она стала сомневаться.

Время уходит. А женщина может любить только здесь и сейчас. Жестокая действительность жизни. И скоротечность молодости и красоты, страх потерять свой шанс на счастье заставляют ее торопиться. И делать ошибки. Не сделала ли она ее тогда, когда сентиментально поверила, что за этой каменной стеною можно укрыться от всех горестей и невзгод.

В конце концов, ей хочется нормальной жизни. И она думала, что он сможет ее понять, несмотря на разницу в воспитании и образе мыслей.

«Неужели ему не постичь даже такого простого смысла, что мужчина оправдывает свою жизнь перед Богом делами, а женщина – детьми?»

Хотя почему же? На детей они всегда готовы. Только на их условиях. Сиди в клетке. И рожай».

Но не такой она человек, чтобы сидеть, как птица в клетке. Тем более что клетка эта вовсе не золотая.

VII

В Москву приехала выставка картин из-за рубежа. В те дни – словно чудо какое-то! Дубравин решил сходить. Чтобы отвлечься от повседневных страстей.

Кое-как через «завхоз», «директор магазина», «товаровед» достал билеты. И ранним утром, еще до работы подался туда. Но народ тоже не лыком шит.

Очередь, занятая еще с вечера, медленно движется ко входу. К счастью, достаточно быстро. Александр Алексеевич удачно пристраивается к «организованной группе» во главе с экскурсоводом – невысокой беленькой женщиной с мягким, интеллигентным лицом. И оказывается в зале.

Полотна великих мастеров... Приглушенная атмосфера зала... Куда-то в сторону уходит суeta жизни.

Он отстает от группы. Долго стоит перед портретами, внимательно рассматривает лица. И наконец натывается на то, что ему нужно. Питер Брейгель. Цепочка слепых людей бредет по заболоченной дороге. Каждый схватился за плечо другого. И все вместе они идут куда-то в неведомое.

«Так и мы! – думает Дубравин. – Собралась кучка слепых. Куда идти? Как идти? Все тычутся в стены. Никто ничего не понимает. И вдруг встает один и говорит: “А я вижу! Вижу, куда надо идти!” И все сразу с надеждой: “Он видит! Он знает!” Хватаются за него. Держатся. Кричат: “Веди нас!” И уже не важно – видит он на самом деле или просто блефует. И так же, как и они, плукает во тьме. Главное, что он взял на себя ответственность.

У нас встал Протасов и предложил план акционирования молодежной газеты. И сразу, как говорил наш бывший президент: “Процесс пошел!” Все, кто хотел перемен и не хотел сидеть на месте, схватились за него. Остальные принялись его критиковать и проклинать. А ведь на самом деле, что мы понимаем в таком деле, как акционирование? Да ровным счетом ничего! Кто их разберет, эти открытые-закрытые акционерные общества. Товарищества с ограниченной, неограниченной и бог весть еще какой ответственностью. В чем фишка? Темный лес! А мы как слепые котятa.

А время не ждет, когда мы прозреем. Ведь слыханное ли в мире дело – огромная газета существует как бы сама по себе, как бы в безвоздушном пространстве. Не имея даже юридического статуса».

Дубравин отходит от картины Брейгеля. Стоит еще минуту среди зала.

А потом быстро-быстро покидает его, вспомнив, что к нему на прием сегодня просился один из его друзей – собственных корреспондентов, Игорь Шалопутов из Краснодара.

Тверская сегодня относительно пуста. Впрочем, как и всегда. Пять минут и его «Жигули» сворачивают на их улицу. Мимо огромных, суровых ангаров денежного хранилища страны, мимо яркого казино (бывшего кинотеатра) он пронесится к комплексу серо-стальных зданий эпохи конструктивизма. Причаливает к третьему подъезду с его гигантскими, вечными дубовыми дверями.

Ну, вот и кабинетик. Он достался ему по наследству от предшественника, который уже ушел. В небытие. Комната, разделенная стеклянной перегородкой надвое. В одной половине у входа сидит восточная красавица – секретарша Гюзель, что в переводе с таджикского значит «красавица», в другой – его стол, кресло.

Напротив – несколько стульев для посетителей.

Скудная обстановка, не считая красавицы метиски. С ней связана отдельная история. Приглядываясь к офисной и редакционной жизни, Александр Дубравин вывел одно простое правило. Чем успешнее идут дела в компании, тем больше молодых и красивых девушек там появляется. Каким-то неизведанным шестым чувством они узнают те места, где есть перспектива и деньги. И буквально оккупируют их. Сегодня молодежная газета не исключение.

И когда ему понадобился секретарь, одна красавица привела за руку другую. Перед таким юным цветком Дубравин устоять не мог. Взял на работу. Хотя девушка его предупредила через подругу, что хотела бы обойтись без отношений.

Но как же без отношений-то, если ходит она на работу в мини-юбке, на каблуках в девять сантиметров и прозрачной белой кофточке? А сама она – белокожая пери с иссиня-черными волосами и огромными восточными глазами. Ох, нравилась она ему!

И этим флиртом, эротизмом были пропитаны все приемные больших и малых начальников.

Дубравину удавалось удерживать ту тонкую грань в отношениях, которая позволяла совместно работать, не впадая в бесконечные любовные интриги и разборки. Хотя уже через пару месяцев было ясно – она не против.

Зато уж все, кто попадал к нему на прием, уходили совершенно очарованные или одуревшие от такой красоты.

Вот и Игорь Шалопутов, толстокожий собкор из Краснодара, только

попав в кабинет, сразу спросил с южным гэканьем и придыхом:

– Откуды ты, Саня, такую редкость в Москве откопал?

– С «кудыкиной горы». Я же человек восточный, – полушутя, невпопад ответил Дубравин, вставая с кресла и протягивая ему руку лопаткой. А сам подумал об утреннем: «Вот еще один слепой».

Собственно, Игорь пришел, чтобы прояснить обстановку на этаже в преддверии выборов главного редактора и акционирования их любимой молодежи.

Гюзель принесла чай. И Дубравин принялся обрисовывать товарищу мозаичную картину расклада сил:

– Газета наша сегодня бесхозная. Ну если она раньше была органом комсомола и партии, то теперь их не существует. И мы де-факто в свободном плавании. Формально мы часть издательства. А фактически – сами по себе. Соответственно, все понимают, что газета должна принадлежать трудовому коллективу. То есть стать неким народным предприятием. Или акционироваться. Но вот сколько и кому дать этого самого народного предприятия – никто не знает. Как поделить шкуру «неубитого медведя?» А? Игореха? Может, ты знаешь? Вот то-то и оно! Поэтому собралась такая большая комиссия, которая сейчас и определяет. Как делить? По совести? По справедливости? По должностям? Или еще по каким-то другим критериям? Давать ли акции всем? Или только журналистам? Нет ответа. Дело-то неслыханное. Вот и спорят с утра до вечера.

– Ну а че спорить-то? У газеты все равно ничего нету, кроме названия...

– Э, не скажи. Коммерческий отдел за это время заработал кое-что. Около полутора миллионов долларов. Да землицы прикупили. Автомобили появились... на губастом и бровастом лице удивление:

– А мы думали, коммерсанты все стырили, – удивленно откинулся на стуле Игорь.

– Вот так же всегда говорят Протасову: «Что ж ты, Вова, дурак, что ли? Ты же мог их стырить!» А Вова им отвечает: «Мог! Но я хочу здесь очень долго работать! Закон тайги – медведь хозяин. Украл – ищи другую работу!» Так что, уже сейчас есть, что делить. Но даже не это сегодня главное. Деньги – дело наживное.

– А что?

– Главное, кто власть возьмет в свои руки.

– Но есть же главный редактор. Владик Хромцов!

– Его назначал комсомол и партия. А теперь демократия. Выборы

будут. И выбирать будут уже те, кто станут акционерами, – прихлебывая сладкий густой чай, словно неразумному ребенку, растолковывал он диспозицию своему старому товарищу. – То есть и мы с тобой. Вот поэтому сегодня и важно – как поделить. Поэтому «моджахеды» и не хотят, чтобы технические сотрудники – телефонистки, секретари, водители имели акции. Говорят – только журналисты могут владеть любимой газетой...

– Поймай, поймай, а кого ты называешь «моджахедами?»

– Ну, у нас тут образовалась группировка из молодых московских ребят, которые хотят сместить Хромцова и поставить своего человека – Володю Кушарева. Ну, Протасов придумал им прозвище – мол, они идейные «борцы за свободу» – ну, точно «моджахеды». Так и прилипло.

– Ага! Они, значит, «моджахеды», а вы «коммерсанты». Так вас теперь зовут на этаже, – подливая еще чайку из китайского чайника, заметил Игорь, прожевывая полными губами очередную печенюшку.

– Ага! Мы теперь проклятые коммерсанты. Хотя еще вчера были коллегами-журналистами.

– А куда же нам, крестьянам, податься? К ним или к вам?

– А кто тебе помог денег заработать? Кто вкладку дал делать в Краснодаре? Рекламу собирать? Машину купил? Мы уже сейчас разработали новую экономическую модель газеты. А ребята ничего не предлагают, кроме «свободы».

– Причем здесь главный?

– Он нас поддерживает. А мы его!

– Но там тоже собрались не последние. «Золотые перья», талантливые люди! Они нас правят, на полосы ставят.

– А кто говорит, что они дураки? У нас просто разные подходы к новой жизни. Мы предлагаем работающую экономическую модель, основанную на собственной концепции. Ну, не может гигантская газета издаваться только из одного центра. Она должна зарабатывать сама. А ребята говорят – оставим все, как есть! «Но денег-то нету!» – говорили мы. А они в ответ: «А мы пойдем у кого-нибудь попросим. У правительства. Или в Газпроме. И будем делать на эти деньги лучшую в мире газету...»

– Да, задали вы нам задачку. Но я все-таки поговорю с ними...

– Давай! Давай! – Дубравин уже через секунду забыл о визитере, потому что на столе затрещали два телефона.

Новый, суетной и напряженный рабочий день начался.

На самом деле, конечно, все намного сложнее, чем он нарисовал это собору из Краснодара. На этаже явно имеется избыток трудовых рук. Триста человек кормятся с четырех полос формата А2. Естественно, такое

количество народа образует разные группы с разными интересами и видением ситуации. Каждая из этих групп требует внимания, окучивания и обещаний разнообразных благ в случае победы.

В ход идут как несбыточные посулы, так и страшилки. В частности, о коммерсантах.

Заседая за бутылочкой в «Белом зале» «моджахеды» распевают песню на мотив популярной мелодии: «А в комнатах наших сидят коммерсанты и девушек наших ведут в кабинет».

«Коммерсанты» воздействуют на народ страшной правдой. Газету издавать не на что! Денег нет! Бумаги нет! И только они знают, как спасти молодежку. Сделать ее по-настоящему экономически независимой.

Чья возьмет – определяют итоги выборов главного редактора.

* * *

Уже за день до собрания молодежь начала праздновать свою победу. Зачем? Хотели подавить оппонентов своей уверенностью. В «Белом зале», где варил кофе армянин Аванилянц, кипело веселое застолье. Пьяненькие «золотые перья» – Гуля Будикайте, Леха Косулин, Володя Бубнов, Дима Табов – сочиняли свой «меморандум». И витийствовали.

– Что такое предвыборная борьба? – кричали они, чокаясь дешевым плодово-ягодным и запивая его крепким черным кофе из фирменных чашек, поставленных в бар коммерсантами. – Предвыборная борьба – это антураж и психологически-информационный террор: объявления, пикеты, лозунги, листовки, мухлеж с опросами, митинги и демонстрации. А также просто хулиганство, которого мы от вас не требуем. Боже упаси, но сами готовы... Создать путаницу и нервозность в рядах противника: выдвигать ложные кандидатуры, печатать всевозможные открытые и закрытые письма. В общем, долой всех и вся. Петюню – в главные! Уматова – вынести на улицу! Уря! Уря!

День «Ч» они встретили взвинченные с безумными глазами и всклокоченными волосами. Но без всякой внятной экономической программы. Пар ушел в свисток.

Учредительное собрание началось бурно. Сторонники нынешнего редактора даже рассаживались строго по плану, подготовленному Протасовым и компанией. Одни занимали первые ряды, чтобы управлять обстановкой и не давать выскакивать «крикунам». Другие кучковались

рядом со своими – сдерживать их эмоциональные порывы и следить, чтобы голосовали правильно.

Разминка в виде выборов президиума и утверждения повестки дня проходит организованно и спокойно. Но это только начало. Дальше пошли разброд и шатание.

Первое слово – главному редактору. Владислав Хромцов – внешне пай-мальчик комсомольского разлива, высокий лоб с залысинами, очёчки на носике, крепко сжатые гузкой губы, пиджачок, галстучек. А на самом деле человек, прошедший путь от стажера, открывший газете такой жанр, как прямая линия. Теперь должен доказать собранию, что он вправе руководить этим кораблем и в эти штормовые годы.

Дубравин знает – Протасов встречался с ним вчера. Сидели долго, но, в конце концов, Хромцов понял смысл того, что делают ребята, и поддержал их идеи. Но что он скажет сегодня?

Владислав не стал особо распространяться об экономике. Да и это не его конек.

– Господа! Или товарищи! Не знаю, как и начать свой доклад по нынешним временам. У нас сегодня знаменательный день. И кто бы, что бы ни говорил, мы сегодня определяем будущее нашей газеты на годы вперед...

Весь разномастный и разновозрастный Голубой зал умолк и притих, слушая главного. Куда он гнет? Куда поведет своих сторонников?

– Ребята! – нашел, наконец, некую среднюю форму обращения главный. – Даже если у нас останется полуторамиллионный ежедневный тираж, это еще не гибель газеты, а в принципе нормальная ситуация. Наш политический курс вполне оправдан. Газета не стала рупором официоза – с одной стороны. С другой – она не стала бескомпромиссно-радикальной. А это уже хорошо. Наша правда – поддержка демократии не ради абстрактных, туманных идей, а во имя процветания России. Критерий истинности: истинный патриот не может не быть демократом. Истинный демократ не может не быть патриотом.

«Моджахеды» явно заволновались и завертели головами, когда слова главного были встречены аплодисментами большинства.

– Наша позиция – просвещенный, а не квасной патриотизм. Он предполагает в экономике не изоляционизм, а разумный протекционизм. В политике – утверждение норм, обязательных для всех без исключения членов мирового сообщества при неременном следовании собственным национальным интересам.

Дубравин оглядел своих подопечных – собкоров, сидящих справа и

слева, и подумал: «Эк, он высоко повел! Они-то приехали за простыми и ясными решениями. Им дай простой ответ. Кто начальник? А кто дурак?»

– Не рваться к копированию других более радикальных газет. У нашей газеты свой образ, сложившийся за годы и десятилетия. И его надо просто развивать и совершенствовать...

– Это, конечно, все правильно, – склонился к Александру и зашептал ему на ухо Игорь Шалопутов. – Но хотелось бы знать, что будет с нашей корсетью? Вон «Правда» уже загибается. Увольняет собкоров!

Дубравин пожал плечами, но ответил:

– Понимаешь, без решения главного вопроса о направлении, о собственности дальше тоже не продвинешься. А вот, кажется, и о наших делах заговорил!

– Я не против расслоения прежней крупной, единой центральной газеты для широчайшего контингента читателей на ряд отдельных изданий, скрепленных общей маркой, коллективы которых представляют собой сообщающиеся сосуды и позволят работающим в редакции журналистам одновременно удовлетворять творческие и собственнические амбиции...

Главный остановился на секунду и внимательно оглядел зал поверх очков. Но аплодисментов не последовало. Только «коммерсанты» удовлетворенно переглянулись.

Ну, естественно, после выступления главного все ждали речи лидера «моджахедов». И Дима Уматов, крупный, вихрастый, демократично одетый в широченную блузу, уже поднимает руку, чтобы прямо сейчас доказать правоту своей команды и разоблачить заговор против молодежи. Но раньше его на трибуне уже оказывается обозреватель Леня Пенитинский. Бородатый, в возрасте «мальчик» с четким, чисто журналистским видением проблем. Выступление его – «суцкая арфа Эолова».

– На самом деле! – предваряя дискуссию по существу, он уже определяет присутствующих журналистов в два лагеря. – Мы имеем дело с прагматиками и романтиками. Я тоже романтик! И менястораживают симптомы утраты газетой собственного лица. Появление стилистически чуждых газете вкладок бизнес-контакта, использование имени газеты для производства продукции и оказания услуг, ничего общего с ней не имеющих. Я считаю, что надо так акцентировать газету, чтобы уставной фонд был невелик и защищен от влияния стороннего капитала, с какой бы стороны он не предлагался. И дивидендов не должно быть! И продавать акции нельзя!

«Что ж он предлагает? – слушая одобрительный гул народа, думает Дубравин. – Оуклиться нам надо? Законсервироваться? И жить в

состоянии анабиоза? И тогда все будет хорошо? Н-да, господа журналисты! Пишете-то вы совсем другое. Рекомендации горазды давать. А сами?»

В этот момент Леня собрался с духом и, наконец, выдвинул главный лозунг:

– Выгоним торговцев из храма!

С одной стороны зала раздались аплодисменты. На что «торговцы» – те же бывшие журналисты – зашумели, зашикали и затопали ногами.

Дима Уматов был более дипломатичен. Он понимал, что без экономики газета выходить не сможет. Поэтому он, походя, снисходительно похвалил «коммерсантов» за принесенные в кассу доходы. И сосредоточился на главном.

– Мы должны издавать «нравственную газету!» – гремел он с трибуны. – Молодежка всегда была просветительской газетой. И сегодня ее позиция должна быть распространена и на сферу политики!

«Все прекрасно! – так и хотелось встать и воскликнуть Дубравину. – Я сам за нравственность. И даже недавно опубликовал в молодежке статью “Секстрасенсы” – о том, что в страну потоком хлынула чернуха и порнуха. Только почему-то на летучке был подвергнут вами же остракизму и бешеной критике. Дескать, я консерватор и ретроград. Где же ты правду говоришь? А где лицемеришь? Дима?»

А в воздухе уже звенит новый красивый лозунг:

– Не издание газеты для извлечения прибыли, а извлечение прибыли для издания газеты!

– «Аркадий, не говори красиво!» – прошептал Дубравину, обернувшись с переднего ряда, его коллега по цеху Андрей Паратов.

– Точно! – ответил тот. – Только никто не говорит, на какие шиши будем издавать эту самую нравственную газету.

– Ну почему же? – смеется Андрюха. – Сейчас Володя Афигенов нам все объяснит, – кивает он на идущего к трибуне обозревателя.

Афигенов – экономический обозреватель, встал к микрофону. Тряхнул густой, пышной шевелюрой. И начал нести такое:

– Дела, конечно, плохие! Денег из-за инфляции нет. Поэтому газету можно спасти только одним способом. Пойти в правительство к Егору Тимуровичу. И попросить у него. Они дадут...

С места поднимается корреспондент Федор Пыжий, чернобородый с наглыми навывкате глазами:

– И еще есть предложение! Обратиться к нашему народу. Давайте, мол, соберем денег на издание любимой молодежки. Скинемся на бедность... Я думаю, народ нам поможет!

Шум в зале. Разочарование.

Владик Хромцов стучит ручкой по графину с водой. И призывает:

– Давайте не будем превращать наше собрание в базар! Тишина в зале!

А Федя продолжает по-деловому агитировать:

– Надо обратиться к богатым людям. Например, в леспромхозы. Пусть нам выделяют делянку льготного леса. Напилим его. Наварим из леса бумаги. На этой бумаге и будем печатать газету!

– Садись, Федор! – уже просит его главный. – Мы потом рассмотрим твое предложение!

Зал притихает. На «поляну» как-то боком, слегка сгорбившись, какой-то дерганной походкой выдвигается Володя Протасов:

– Я даже не буду рассматривать и критиковать те предложения, которые мы слышали. Можно делать все, что угодно, – идти с протянутой рукой в правительство, собирать деньги с любящего нас читателя, валить лес, варить бумагу, да мало ли чего можно придумать, сидя в тиши кабинетов.

У нас же есть свой план. Это децентрализация газеты. Нельзя издавать из одного пункта такую гигантскую по охвату территорий и населения молодежку. Вторая важная задача – это создание службы рекламы и распространения. Они должны дать средства на издание как самой молодежи, так и тех проектов, которые могут быстро обеспечить финансовую отдачу. И третье – создание собственной производственной базы.



Мы уже идем по этому пути, который только один может обеспечить нам финансовую стабильность, а значит, и реальную, а не мифическую независимость.

Видно было, что Протасов сильно волнуется, выступая перед такой блестящей и авторитетной аудиторией. Его скуластое лицо пошло пятнами, он стал переключать лежащие перед ним листочки и периодически сбиваться с ровного тона на сторонние примеры. А самое главное, он не считал нужным скрывать свою позицию, сглаживать острые углы.

И Дубравин, слушавший своего товарища по борьбе, четко понимал его боль и волнение.

«Действительно. Корабль вот-вот пойдет ко дну. Нет бумаги, нет денег, нет ничего. А его команда в это время митингует. Рвет на себе рубахи. И борется за то, чтобы «не поступиться принципами»!

– Тут мне много говорят, – обострил свое выступление Протасов, – что акционирование – это дробление собственности, чтобы потом ее аккумулировать в одних руках. И тогда у газеты появится хозяин. Он же патрон. Что ж, я не исключаю и такой перспективы. Но в очень отдаленном будущем...

В зале раздался гул негодования.

Но Протасов не стал микшировать и утешать трудящихся журналистов. Он, наоборот, подлил масла в огонь:

– Но это было бы даже неплохо! Потому что без руля и без ветрил мы далеко не уплывем...

Провожали его с трибуны жидкими аплодисментами. Только коммерсанты и сочувствующие им реалисты.

Но так уж устроен наш человек. Пусть будет предложена самая утопическая, красивая иллюзия. В нее он готов поверить. А вот правду? Правду он на дух не переносит. И хотя внутренне понимает ее необходимость, не любит тех, кто ее преподносит. Собрание понимало, что Протасов прав на сто процентов, но согласиться с этим открыто ну никак не могло.

Выступила очередная метресса от журналистики. Дама среднего возраста и во всех отношениях приятная, а главное, литературно подкованная. Видно было, что это мастер слова, хотя бы по тому, что она начала свое выступление с яркого литературного примера:

– Давайте вспомним пьесу «Вишневый сад». В ней ярко и образно рассказывается о том, как пришел в Россию дикий капитализм в лице мужика в поддевке и с топором. И сгубил прекрасный сад, вырубил его для того, чтобы получать деньги. Я сегодня вижу, – пафосно продолжала она, – что наша газета, наш «вишневый сад» тоже подвергается такой же опасности.

Сидевший в уголке после выступления Протасов аж застонал, услышав такое сравнение.

А Дубравин в эту минуту думал о жестокости и несправедливости людских суждений: «Это кто же мужики в поддевках и с топорами? Это мы, вчерашние такие же журналисты. Просто мы взяли на себя смелость не болтать, не молоть языками, а начать работать, спасти родную газету. И

вот уже готов ярлык, которым нас награждают наши же товарищи!»

* * *

Собрание продолжалось целый день. До поздней ночи. И так как здесь собрались мастера слова, то «великое пустословие» растянулось надолго. И выступили почти все, даже те, кому по сути нечего было сказать.

Но в том гигантском «переливании из пустого в порожнее», в этом напряженном пустословии была все-таки своя далеко идущая, хотя и скрытая поначалу, цель. Это воздействие на «болото». На неопределившуюся массу, которая и должна была решить судьбу власти и имущества путем тайного голосования.

Конечно, это все выражалось не прямо, а через поправки в учредительных документах зарождающегося акционерного общества.

В это же время по всей стране так же в точности акционировались тысячи тысяч предприятий народного хозяйства. Но, наверное, нигде и никогда обработка уставных документов не велась с такой иезуитской тщательностью.

Удалось и «рыбку съесть и в кресло сесть»! Уставной капитал был объявлен в пятьдесят миллионов рублей. Поделен на две тысячи двести именных обыкновенных акций. Стоимостью каждая в двадцать пять тысяч рублей.

Акции среди народа поделила специально созданная комиссия. Учитывали должность, время работы, заслуги и прочие не совсем ясные критерии. В среднем могло получиться штуки по три на брата. Но обошлись без уравниловки. И «коммерсантам» досталось около десяти процентов акционерного общества. Учитывая их малочисленность, по головам, это был успех.

После того как перевалили через учредительные документы и поделили имущество, жить стало легче, жить стало веселей.

Начали выбирать начальство. И тут, как говорится, мама не горюй. Сработали скрытые пружины и договоренности. Шумные «моджахеды» приуныли, когда счетчики голосов принесли обратно красный деревянный ящик и водрузили его на столе президиума собрания. И совсем завяли, когда начали обнародовать результаты голосования.

Не зря Дубравин два последних дня пил водку с собкорами в гостинице «Орленок». А Протасов и его сторонники челночили по этажу и

налаживали компромиссы в главной редакции. Собкоры, «коммерсанты», технический персонал и журналисты «забайкальской корневой системы» провели Хромцова в главные редактора.

Глубокий выдох разочарования, с одной стороны, и громкие аплодисменты – с другой стали аккомпанементом к словам председателя счетной комиссии.

И пусть до поздней ночи еще мусолились другие параграфы. Велись дискуссии о том, как называть директора – исполнительным или генеральным – главное было сделано. Молодежка стала классическим народным предприятием с тремя сотнями акционеров и весьма туманной перспективой на будущее.

Но все-таки у нее появился некий «коллективный хозяин», который по идее уже не даст действовать бойким ребятам по принципу «кто смел – тот и съел». У него уже, наверное, и не забалуешь, не приберешь к рукам то, что плохо лежит. А это давало некоторую надежду. Она же, как известно, умирает последней.



Часть IV

На обломках империи



I



Все частицы гигантской империи оседали в этом городе. А он, словно новый ковчег, принимал каждого, каждому давал кусок хлеба и кружку воды.

Здесь можно было встретить кого угодно. Каждой твари по паре. Смешались на улицах великого города афганские генералы и конголезские

повстанцы, дети Испании и внуки Израиля, грузины и армяне, молдаване и таджики. А когда республики, словно льдины во время весеннего половодья, стали расходиться в разные стороны, в эту «землю обетованную» устремились и русские люди со всех концов света.

Некогда гордые землепроходцы, смелые завоеватели, носители цивилизации среди диких народов, первые среди равных, теперь они робко жались к Москве.

Но, увы, вместо хлеба великий город теперь клал в их протянутые руки холодные камни. И бывшие строители вавилонской башни под названием «коммунизм» с горечью садились у дороги – просить подаяние.

Никому не нужные, несчастные и брошенные, они забивались в каморки, кишачие крысами подвалы Москвы и молча наблюдали за тем, как людской поток, нарастая, приносит сюда все новые и новые обломки от рухнувшего здания великой империи.

II

– Может, пообедаем у Нурлика? – неожиданно прямо после заседания предлагает ему новый премьер-министр.

Амантай даже слегка опешивает от такого поворота событий. Работа в аппарате выработала у него определенное понимание субординации и чиновничества. И эти правила никоим образом не предполагали совместных посиделок в ресторане вместе с твоим прямым начальством. Во всяком случае, до этого ничего подобного в его практике не было. Видно, не зря об Акежане Кажегельдине ходит столько разных разговоров и слухов. Иногда даже говорят, что он выскочил на политический горизонт «как чертик из табакерки». Вообще ниоткуда.

Но на самом деле, это, конечно, совсем не так. Амантай прекрасно помнит, как все случилось.

Шло какое-то нудное и длинное производственное совещание. И туда на несколько минут заехал сам Назарбаев. И надо же такому случиться! Он зашел в зал именно в те минуты, когда с трибуны выступал Акежан Магжанович. Сам посидел, послушал речь делегата. А потом, когда наступил перерыв, они ушли в заднюю комнату. Там им подали коньячок, чай, кофе с круассанами.

О чем-то говорили. И вдруг Назарбаев неожиданно сказал своему пресс-секретарю Сейтказы Матаеву:

– Пригласи к нам этого парня из Атырау. Пусть с нами посидит.

Акежан пришел. Настоящий западный найман. Круглолицый, смуглый, черные волосы, жесткие, как проволока. Блестящие живые глаза. И умный.

Среди старых товарищей царедворцев, которые тогда окружали самого, он, конечно, отличался «лица необщим выраженьем». Кажегельдин понравился хозяину своей прямоотой, открытостью, ясностью мышления.

Ужинали у речки. В последнее время в Алма-Ате начался настоящий ресторанный бум. Предприимчивые люди «прочухали», что нужно строить свои заведения в горах, в ущельях, где текут горные ручьи и речки. Там тихо и экзотично. И вот в такой ресторан в национальном стиле, состоящий из нависших над водою помостов, а также расставленных по берегам юрт, они и приехали. Машины остались на стоянке, а сами они спустились сюда к воде.

Журчит рядом с юртой Алма-Атинка. Прозрачная вода перекачивается через валуны, слегка брызгает каплями на деревянный помост. Наверху

ослепительное голубое небо. А здесь в тени густых деревьев и кустарников прохладно и спокойно.

Неторопливо течет разговор. Участники посиделок – сам премьер-министр, его неизменный пресс-секретарь и помощник Амиржан Косанов, Амантай Турекулов и «новый казах», как их теперь величают по аналогии с «новыми русскими» – глава крупного торгового дома молодой парень Булат Ашилов.

– Прежде чем делать какие-то реформы, надо убедить народ, что для него эти изменения будут выгодными, – аккуратно прожевывая крепкими белыми зубами кусок сухой конской колбасы, поданной на закуску, замечает сам Акежан. – И здесь для тебя непаханое поле работы, – обращается он к своему пресс-секретарю, молодому симпатичному, слегка усатому парню. – Вот сейчас поведем реформы в жилищном хозяйстве. И надо объяснить людям, что с установкой счетчиков, с переходом на прямые платежи они станут платить гораздо меньше за воду и тот же газ. Сегодня тарифы делают коммунальщиками «от балды». Ставят пятьсот или сколько там литров в день на человека. Плати! А по счетчику будет совсем другой колер. Другой расклад. Каждый будет сам знать, сколько израсходовано. И начнет экономить. То же и с пенсиями. Введем накопительный принцип. И дадим людям возможность самим обеспечивать себе старость!

Амантай внимательно слушает нового премьера. Старается особо не высовываться. И понимает, что умный руководитель предлагает целую программу реформ. Он видит, что Кажегельдин чем-то неуловимо отличается от всех тех начальников, с которыми ему довелось работать. Отличается он и от «самого».

«Но вот чем? – думает Турекулов, не забывая при этом аккуратно закусывать выпитый коньяк. – Наверное, манерой поведения. Человек он непростой, а выглядит просто. С ним интересно. И он всегда находит какой-то свой вариант решения проблемы. Взять хотя бы историю с деньгами. Изначально Казахстан заказывал “теньге” и печатал их в Лондоне. В один прекрасный день, оценив затраты на печать и доставку, Акежан Магжанович предложил простой, но никогда никому не приходивший в голову вариант. Печатать их на месте. В стране. И для этого просто купить на Западе такую же печатную машину. Оказывается, ее стоимость была не больше стоимости партии новых “теньге”. Всего несколько миллионов фунтов стерлингов».

А Кажегельдин без всякого пиетета и тени важности, с юмором рассказывает теплой компании, как он еще в советское время встречался с

Борисом Николаевичем:

– В то время Ельцин был в опале! Его тогда убрали с поста первого секретаря московского горкома партии и направили в Госстрой. Можно сказать, в ссылку его отправил Горбачев. И вот прихожу я к нему в этот Госстрой, где Ельцин и обитает. И такая там тишина, гладь и божья благодать. Секретарша сидит. Но в приемной никого. Запустила она меня к нему. Захожу. А он так удивленно-радостно говорит: «Гляди, бабай пришел! Чего надо, бабай?» А я тогда приехал лимиты выбивать на строительство моста в Атырау. Подписал он мне все лимиты. И понял я тогда, что, может быть, я первый, кто к нему за последние две недели заходил. Н-да! Теперь другие времена. Ельцин выделил себе улус. Целую Россию!

Народ за столом согласно кивает головами. Да, действительно, кто тогда знал, как повернется судьба великой страны? Какие люди придут к власти? А кто останется не у дел? Воля Аллаха...

Амантай слегка приглаживает свои торчащие волосы и, наконец, решается спросить о том, что произошло вчера на расширенном заседании у президента:

– А тут в «Караване» напечатали статью о Балхашском медеплавильном комбинате. Так он будет правда передан иностранцам?

Кажегельдин за словом в карман не лезет:

– Президент сам создал, сотворил эту проблему. И тут же сам начинает искать виноватых. Вчера только говорил одно. А сегодня говорит уже другое.

Амантай уже достаточно давно, как говорится, вращается в административных кругах. И порядки, царящие в этой среде, он тоже давно усвоил. Главный принцип здесь прост. Смотри снизу вверх, в задницу вышестоящему начальству и вали в рот нижестоящим. А тут человек открыто, хоть и в узком кругу, критикует главного. Это не вписывается в кодекс чиновничества:

«Да, действительно он отличается ото всех нас. Вот, например, Нурсултан Абишевич, он сформировался как советский человек и как политик советского покроя. А этот какой-то другой! Какой? Станный!»

И вдруг ему открывается, наконец, в чем же эта разница: «Да он же по духу настоящий буржуй! У него, вышедшего из предпринимателей, именно и склад мышления другой, буржуазный. Отсюда и манеры такие. Открытость, уверенность в своей правоте, ясность целей и задач. Трудно ему будет в нашем болоте, где все повязано на клановых, родственных и личных связях. Где слова не говорят в простоте, где многие люди только и заняты тем, что интригуют друг против друга. Но все равно с ним

интересно».

Действительно, к концу этой «тайной вечера» Амантай подпал под обаяние этого человека, который, без всяких сомнений, взялся строить новое общество и пытался, образно говоря, перелицевать, перешить старый советский костюм, превратив его в подобие национального европеизированного халата.

Но за новыми названиями, кои теперь обрели органы власти страны, как казалось Амантаю, все равно стояла старая советская сущность. Аким – глава области – первый секретарь обкома. Мажилис – парламент республики – Верховный совет. Президент – Первый секретарь ЦК компартии.

Родимые пятна социализма ну никак не хотят выводиться в одночасье. И надо понимать, что казахская государственность родилась не сегодня, а еще тогда, когда Ленин и Сталин заложили ее в виде автономий советской империи.

III

«Лето – это маленькая жизнь!» А летний семинар – это большое приключение! Вольные, как ветер, мы мчимся неизвестно куда. Но известно зачем! Вот, что нам надо!

Дубравин отложил в сторону очередной договор на издание вкладки молодежной газеты в дальнем городе Владивостоке и принялся писать служебную записку в дирекцию газеты о необходимости проведения слета региональных представителей:

«Нам надо вживую увидеть всех этих людей. Посмотреть им в глаза, понять их мотивации. Показать себя. Объяснить им, что такое молодежка. В конце концов, рассказать, чего мы хотим от них. На каких принципах готовы сотрудничать.

Свести их с собкорами на местах. В общем и целом – дать настоящий, хороший толчок нашему движению».

Он бросает ручку на стол. Откидывается в кресле, закинув руки за голову, и снова задумывается.

«Но где их собрать? Здесь в Москве? Это нереально. Кто сюда поедет в июле?

Эврика! Надо собирать в таком месте, от поездки в которое они не смогут отказаться! Но там должен быть человек, который бы смог взять на себя организацию этой встречи.

Какое же это место? Думай! Думай, голова садовая! Байкал? Далекое. Суздаль? Слишком приземленно. Куда все едут летом? На море! Точно! Надо ехать к морю! Какому? Каспийскому? Азовскому? Черному! Точно к Черному? Сочи? Ялта? В Сочи нет партнеров. Значит, Ялта. Да, она! Там сидит наш партнер Саша Бябушев. Из местных журналистов. С ним и надо разговаривать!»

Дубравин вызывает начальника отдела региональной рекламы. Наташка – голубоглазая блондинка с розовой кожей и точеной фигуркой. Красавица с мозгом и инстинктами ребенка:

– Зайди, пожалуйста, ко мне!

Когда она, благоухая духами и туманами, появляется в проеме, Дубравин объясняет задачу:

– Ты как оцениваешь способности нашего партнера в Ялте? Сможет он организовать прием семинара человек на сто?

– Запросто! – без тени сомнения в голубых глазах отвечает она.

И Дубравин соглашается с ее оценкой, так как знает, что пару недель назад она уже летала туда, якобы в командировку, а на самом деле – погулять со своим бой-френдом. И Бябушев ей помогал с устройством быта на курорте.

– У него все схвачено! – добавляет она, улыбаясь чему-то своему, женскому. – Было бы только оплачено.

– Тогда свяжи меня с ним...

– Хэллоу! – наконец отвечает на том конце провода хриплый, видно с похмелья, голос. – Это Ябушев, – назвал себя, проглатывая букву «Б», визави Дубравина. – Я слушаю! С кем я говорю?

– Со мной! – раздраженно рычит Дубравин. Его дразнит мысль, что он тут сидит в Москве, пашет, а там авантюрист и разгильдяй Саша оттягивается и кайфует.

Бябушев как раз из таких людей, которых вихри перемен сегодня подняли из небытия. А завтра, может быть, так же кинут в пучину. Потому что время сейчас такое спрессованное, боевое, бурлящее. А при кипении и бурлении чего только не выносит на поверхность.

Всплыл и Саша. Человек без биографии.

Дубравин коротко объясняет ему суть своего предложения. Саша сразу схватывает идею и начинает фонтанировать:

– Тут у нас в Кыьму столько всего! Полно брошенных санаториев. Можно за копейки купить любой из них. У меня есть такие знакомые ебята! Они весь Кыьм деежат! – тараторит он в трубку, не давая Дубравину вставить и слова. Наконец, тот выбирает секунду, когда Саша переводит дыхание, и пытается остановить его фонтан, направить энергию в позитивное русло:

– Ты вот что! Давай не будем забегать вперед! Ты мне скажи, можешь обеспечить встречу наших партнеров в Ялте? Разместить, покормить, дать культурную программу. Учти, Саша, народу приедет не меряно и многие по двое-трое. Можешь просто сказать «да»? Или нет? Ты мне про скупку санаториев потом расскажешь. Сейчас мне нужен простой ответ.

В конце концов Саша ответил «да»! И получилось просто отличное «да»! Ялта в июле девяносто второго стояла пустая. Людям после распада страны не до отдыха. Они заняты вещами простыми и прозаическими. В частности, собственным выживанием.

Так что, к услугам молодежной тусовки любой самый элитный дом отдыха.

Остановились на «простеньком варианте» – доме отдыха союза писателей.

– Вряд ли теперь кто откажется туда приехать! – докладывает о своей идее товариществу Дубравин. – Представляете, мы их летом зовем в Крым! В командировку. Все придут, как миленькие. Каждому захочется понежиться несколько дней на солнышке.

Тут-то мы их и возьмем тепленькими, голубчиков!

* * *

В Симферопольском аэропорту теснота и духота. Казалось бы, только вчера мы были единой страной. А сегодня – здравствуйте, пожалуйста! Незалежная Украина отгородилась от российских отдыхающих и их денег границей и таможней. Откуда ни возьмись, появились будочки с окошками, калитки, а у них «стоять гарни хлопцы» в еще советской униформе, говорящие по-русски безо всякого акцента, но с незалежными кокардами-трезубцами на зеленых фуражках. И они уже выполняют неведомые инструкции неведомого центра, расположенного «у Кыеве». А в инструкциях черным по белому написано, что говорить надо не «на Украине», а «в Украине». И также проявлять державную строгость по отношению к «москалям». Что они и не замедлили выполнить, всячески задерживая поток жаждущих крымского солнца у своих окошек и турникетов.

Впереди Дубравина в этой бесконечной очереди за счастьем стоит заведующая отделом наружной рекламы Диана Уржумова, красивая, ухоженная женщина из столичного бомонда. Ее документы проверяет коротышка в измятой полевой форме с таким же помятым с похмелья, красным лицом. Таможня хмурит густые белые брови, шевелит мулявинскими усами, долго разглядывает паспорт Дианы и, наконец, говорит:

– Не провозите ли вы в нашу страну запрещенных вещей?

Удивленная Диана полувопросительно-полупредупредительно вскидывает ухоженные брови. Видно, что это задевает за живое стража границы.

– А покажите ваши вещи! – требует он, строжась и хмурясь.

Женщина пожимает плечами, но в конце концов выкладывает на стол чемодан и открывает его. Хлопец долго роется в дамском белье, пока не обнаруживает коробку с новыми, недавно купленными босоножками. Он достает их и заявляет:

– А вот это! Ввозить новые вещи в Украину строжайше запрещено!

– ???

– Может, вы хотите их продать. И заработать на этом нашу валюту. Гривни! Шпикулировать! Нез-зя!

Подходит его начальник. Длинный парень с лошадиным лицом и смешными глазами:

– Мы вынуждены будем у вас их конфисковать!

Диана аж вся белеет от негодования. Но что тут будешь делать с новодержавными держимордами.

– Вы что, рехнулись тут? – вопрошает с нотками истерики в голосе она.

Дубравин смотрит сбоку на это торжество независимости и думает: «Как все условно в этом прекраснейшем из миров! Кто-то там, в Киеве, уже придумал, что для независимой страны Дианины новые туфли представляют огромную опасность. Какой-то осел подхватил это. И вписал в инструкцию. И вот уже эти шакалы стараются, вымогают взятку. Какой-то театр абсурда! Бред. Чушь!»

Но в конце концов он понимает, что надо что-то делать, и вступает в полемику с таможней:

– Зря вы так с нами поступаете! Мы вообще-то едем на семинар молодежной газеты! Знаете такую?

Видно, что страж границы быстро соображает, чем ему грозит встреча с журналистами. И пыл его угасает на глазах:

– Знаю! Так вы из Москвы из молодежи, – задумчиво-радостно произносит он.

– Ну да. А вы хотите отнять последние радости у женщин! Стоите здесь, а там, на Востоке, границу прикрыть некому! – почему-то говорит он. И тут его словно озаряет: – Небось вы наше училище заканчивали. Алма-Атинское пограничное?

По ходу своих слов он видит, что попал не в бровь, а в глаз. Хлопец на глазах тушует:

– Да я чего! Я-то ничего! Инструкция у нас такая! А вы что, тоже из Алма-Аты?

– Да, тоже!

– Ну и как там?

– Да так же, как и здесь. Братья-казахи тоже границу строят. От кого? Для чего? Понять сами не могут.

Служивый сдвигает фуражку с жовто-блакитным незалежным трезубцем на лоб, вытирает пот и, чуть оглянувшись по сторонам,

произносит:

– Вы думаете, нам это нравится? Ни хрена нам это не нравится! За нас все порешали. Да вы проходите, ребята! Проходите! Эх, ма!

Через пару минут он, видно, докладывает куда надо, что приехали «журналисты». А молодежку прекрасно знает и читает «уся держава». Так что через какое-то время открылся еще один дополнительный проход. И «москалей» стали быстро пропускать без очереди.

– Спасибо, Саша! – когда они вышли в зал, говорит ему Уржумова и так ласково пожимает руку выше локтя, что он чувствует, как что-то дрогнуло в животе. И теплая волна поднимается до сердца.

В принципе Уржумова ему вообще нравится. Появилась она в дирекции не так давно. И проявляла себя на рекламном поприще очень даже дельной дамочкой, хотя ее явно нетрудовое, непролетарское происхождение видно за версту. Диана, что называется, «осколок советской аристократии». То есть вышла из номенклатуры высшего разряда.

Жила она безбедно и счастливо. Входила в тот тонкий слой «золотой московской молодежи», который видел и элитные дачи и заграничные поездки, а одевался исключительно в валютных «березках». Замуж ее выдали за человека своего круга. Родители с двух сторон помогли, как могли, и они поселились в шикарной трехкомнатной квартире на Ленинском проспекте.

И все было прекрасно до той поры, пока не рухнуло. Дианин отец выпал из обоймы. А муж, который вроде неплохо шел, как водится, по дипломатической линии, оказался неспособен функционировать в новых условиях. И обеспечивать Уржумовой достойную жизнь.

Как российские дворяне в конце девятнадцатого века, так и советские дворяне в конце двадцатого не смогли приспособиться, адаптироваться к переменам.

Муж ее еще потрепыхался, попытался было возить из-за границы шмотье, но сбуть его не смог. И скис. Начал попивать. И, конечно, ссориться с женою.

Диане, привыкшей жить в достатке, холе и неге, такое не нравилось. Она, конечно, начала пилить неудачливого мужа. В доме поселился раздрай.

Пришлось этой красивой, ухоженной, утонченной светской женщине идти на работу. В новую, только формирующуюся отрасль. Рекламу. Так она оказалась в одном самолете с Дубравиным.

По светской привычке к флирту Диана принялась играть и с ним. Глазки строить. Улыбаться. Внимательно слушать его разглагольствования.

Невзначай касаться ножкой его ножищи. Ну, делать то, что женщины делают испокон веков, дабы увлечь мужика.

Дубравин, парень в этом отношении простоватый, прямой и в чем-то даже недалекий. Для него Диана – супергерой в юбке. Он все принимает за чистую монету. Ему невдомек, что женщина такого полета хочет всегда быть в центре внимания, окруженная воздыхателями.

Ну, вот он и попадает.

В фойе накапливаются те, кто уже перебрался через границу. Народ кучкуется.

– Ничего понять не могу, – рассказывает о переходе Дубравину Андрей Паратов, директор по техническому развитию. Красивый, молодой, интеллигентный, с тонкими чертами лица, напоминающего иконописный лик, он искренне недоумевает: – Меня таможенник спрашивает: «Валюта есть? Покажите!» Я ему достаю из кармана и протягиваю пять бумажек по сто долларов. Всего пятьсот. Он берет их в руки и говорит: «У вас не пятьсот, а четыреста. Вы где-то потеряли сто долларов». Я гляжу – у него в руках четыре бумажки. Ничего понять не могу!

Дубравин соображает быстрее:

– Так он у тебя, Андрей, сто долларов слямзил. Как-то ухитрился их спрятать.

– Да ну! Ты что! Это же таможня!

– Господи! Андрюша! – вступает в диалог Уржумова. – Ты посмотри на эти рожи. Откуда они все повывлезали?

В эту секунду в здание аэропорта вваливается разновозрастная и разноцветная толпа цыганок и цыганят. Побирušки начинают шнырять по залу в поисках добычи. Подваливают они и к нашим героям. Начинают кланчить денежку. Один смешной, грязный, но почему-то белесый цыганенок лет шести-семи останавливается перед Дубравиным и предлагает:

– Давай я спляшу! Дай денежку! – и порывается идти вприсядку.

– Не надо плясать, мальчик! – Дубравин, добрая душа, протягивает ему зеленую десятирублевую купюру.

Лучше бы он этого не делал!

Через секунду налетает целая толпа цыганят. Человек двенадцать. И, окружив доброго дядечку, со всех сторон тянут грязные ладони и на разные лады вопят:

– Дай! Дай денежку! А!

– А мне?

– И мне!

– Двадцать дай!

Дубравин выскакивает из этого визжащего клубка. Но клубок катится по залу вслед за ним. Стоит ему остановиться, и толпа малолеток снова окружает его. Подваливает несколько цыганок с младенцами на руках. А этот цыганенок, которого он по своей опрометчивости или доброте попытался облагодетельствовать, встает на колени перед ним и тянет руки снова. Дубравин теряет, потеет и краснеет до корней волос. А тут еще другие пассажиры, проходящие мимо, с любопытством разглядывают эту сцену. И он готов уже провалиться сквозь землю.

Но на помощь ему приходит его товарищ Сашка Майснер. Он, подступая к этой куче с угрожающим криком, пугает цыганят:

– А ну разойдись, сволочи! Счас милиция придет! С дубинками! – И в качестве аргумента дает пару пинков тем, кто постарше.

Стая тотчас разлетается в поисках другой жертвы.

Оклемавшись, слегка сконфуженный, Дубравин возвращается к своим. И, как бы оправдываясь, говорит:

– Цыгане всегда находили себе пищу! Помню, то тяпки, то косы делали. Кузнечили. Потом цыганки торговали кофточками. Найдут и сейчас в рыночной экономике они себя.

– Уже нашли! – говорит подошедший к их группе Майснер. – Торгуют наркотой!

На привокзальной площади их ждет растолстевший, как боров, с заплывшими глазами, но полный энергии Саша Бябушев. Его лунообразное лицо выражает неподдельную радость. Он обнимает всех выходящих на улицу. И отправляет их к автобусам.

В наличии два комфортабельных туристических «Икаруса», а для особо важных персон – маленький, прелестный, почти самодельный белый микроавтобус.

Дубравин, как бывший автомобилист, долго приглядывается к нему, пытаясь понять происхождение. И наконец его осеняет. В знакомых плавных линиях он узнает микроавтобус, который снимался в фильме «Кавказская пленница». «Ай да Бябушев! Ай да сукин сын! Нашел-таки чем удивить москвичей. Статусный, хотя и древний, автомобиль!»

Мимо окон автобуса плывут шикарные крымские пейзажи. Из-за гор и поворотов периодически выглядывает море. С непременными бухтами у берегов и кораблями вдали. Народ охает и ахает, разглядывая виллы и санатории на склонах.

Крым! Крым! Обитель радости и счастья советского человека. Все еще впереди: Египет и Анталия, Коста-Брава и Коста-Дорада, Пхукет и Бали.

А сейчас радуется все. Кособокие придорожные кафешки. Душистый чебурек из рук чистенькой русской бабушки. И, конечно, пепси-кола, фанга и пиво. Смачно чмокают открывающиеся банки и бутылки. Коричневая дрянь шипит и пенится во рту.

Вот он, горьковатый вкус свободы! Пей колу и пиво! Радуйся жизни, абориген и приезжий, русский и хохол!

Наконец, откуда-то из-за поворота показывается легендарный курортный город у моря. Пустынная набережная с кооперативными ларьками и аттракционами. Потом мелькают узкие улочки, старые дома и домишки. Автоколонна осторожно въезжает в ворота обитатели советских писателей. Пансионат, уютное здание в стиле советского ампира, утопает в зелени кипарисов и пальм, вьющегося винограда и роз.

Тут эта галдящая, молодая разноязычная поросль нового российского бизнеса и разместились. Все в наличии. Костюмы спортивные «Адидас», малиновые пиджаки, золотые цепи на шее, пальцы, унизанные перстнями, молодые красивые подруги. И вопрос в тревожных глазах: «А что же будет с нами дальше?»

Дубравин бросает свои вещички в скромном одноместном номере, справедливо полагая, что не место красит человека. Теперь его выход. К морю! Которого он не видел никогда. Так уж получилось, что он, сын суровой лесостепной полосы и резко континентального климата, любит море всю душой.

Его красавицы помощницы Наташка и Гюзель уже готовы – купальники подогнаны что надо! Дубравин знает, чем потрясти провинциальных бизнесменов, которым в массе своей нет еще и тридцати.

Он подхватывает девчонок под руки и является на пляж.

Вот оно море! Плещется ласково соленой водою. Теплый песочек застелен полотенцами и ковриками. Народ млеет и прогревает тела на фоне южного города и лесистых гор.

Они небрежно бросают полотенца в рядок. И идут втроем к воде. Весь народ, лежащий на пляже, как тюлени, завороченно смотрит на то, как крутой московский мэн плещется в волнах с двумя смеющимися афродитами сразу. Беленькой и черненькой.

И дальше – кульминация. Дубравин берет на руки мокрую со спутанными волосами Наташку и выносит ее на пляж, на золотистый песочек.

Заранее вышедшая из воды Гюзель подает ему розовое мохнатое полотенце. Он вытирает мускулы, не глядя ни на кого. Хотя краем глаза видит изумленные взгляды партнеров.

И, наконец, ставит жирную точку в этом спектакле.

Наталья достает из пляжной сумки бутылку водки и рюмку. Наливает стопку. И с поклоном подает на мельхиоровом подносике вместе с соленым огурчиком, выуженным из той же сумки.

Дубравин, оттопырив мизинец, молодецки тятает рюмку и хрустит пузырчатым огурцом.

Удивил! Победил!

Через минуту к нему робко подходят представляться двое молодых мужиков.

– Андрей Демидов! – говорит круглолицый, курносый, улыбчивый парень.

– Неплюев, – представляется второй с физиономией хитрована и плута. – Краснодарские мы!

Следом подходит чернобородый белотелый еврей:

– Станислав Гольдмар! А я из славного города Иркутска. Там, где озеро Байкал.

Откуда-то сзади нарисовывается еще один представитель Кавказа. Повосточному любезный, слегка лысеющий, но усатый, симпатичный горец.

– Здравствуйте, – интеллигентно говорит он. – Вы Александр Алексеевич Дубравин?

– Да, я! А вы, наверное, Олег Шамильевич Черкесов? Из Ставрополя? – вспоминает Дубравин знакомый по телефону голос.

– Давайте знакомиться! – произносит партнер и протягивает небольшую теплую ладонь. А сам все косится, косится на девчонок. На их крепкие высокие груди. На бедра, облитые морем и солнцем...

Зал небольшой, но красивый. Хрустальные люстры. Лепнина на потолке. Чинные ряды кресел с бархатной красной обивкой. На сцене длинный стол для президиума. Имеется даже трибуна с колосистым гербом СССР. Одно слово. Красота!

Когда-то здесь собирались маститые советские писатели. А теперь сплошь молодежь. Шумят, галдят. Как-никак первая встреча – семинар региональных представителей молодежной газеты.

На сцене за столом боссы. Моложавый главный редактор Владик Хромцов, ершистый исполнительный директор Владимир Протасов,

толстенький круглый директор по производству Саша Маленький.

Дубравин не рискнул занять место в президиуме, хотя, по сути, он-то и есть главный организатор этого действия. Сел в первом ряду рядом с Дианой Уржумовой и Андреем Паратовым.

– У нас ну точь-в-точь комсомольская конференция, – низко склоняясь к его уху, нежно шепчет Диана так, что со стороны может показаться – воркуют голубки.

Дубравин аж весь подбирается от этого шепота. И долго не может сосредоточиться на выступлении главного.

А Хромцов, поправив очки на остреньком курносом носике, говорит о том, что газета очень сильно рассчитывает на них. Что он, как главный редактор, понимает важность движения региональных представителей. И желает огромного успеха данному мероприятию.

– Газета сильна своим читателем. А наш читатель живет в основном в провинции. Там, где работаете вы – наша опора и поддержка, – заканчивает он.

Народ, польщенный таким доверием высокого начальства, одобрительно гудит и аплодирует. Хромцов покидает президиум сразу после выступления. Его провожает до машины Коля Сурнин, коммерсант первой волны. Владика надо в аэропорт. Он торопится в Москву.

А семинар продолжается своим чередом.

«Японский бог! – думает про себя Дубравин, слушая выступления. – Как по-разному эти люди представляют себе свою будущую деятельность. Да и приехали сюда многие совсем не для работы. Кто-то просто хочет использовать возможности молодежи. Кто-то отдохнуть на халяву. А у этих уже громадь планов. Они уже мысленно создали газетную империю. Как там говорится? “Раззудись плечо! Размахнись рука!” Представители из пятидесяти точек бывшей необъятной империи делят шкуру убитого советского медведя!»

В это время на трибуну, прихрамывая, с костыликом, вылезает рыжий конопатый коротышка с такой же рыжей растрепанной бородашкой. Это бывший собкор молодежи в одной из южных республик Степан Гоманюк. Нынче он живет здесь, в Украине.

– Я вот что вам скажу, панове! – заявляет он с трибуны скрипучим противным голосом. – Нам, вообще, надо определиться с тем, кто и на каком участке будет издавать нашу газету. Я считаю, что право представлять ее интересы во всей Украине должно быть предоставлено мне, то есть Киевскому пункту!

– Чего?! – срывается с места и несется по залу к микрофону

молоденький кудрявый мальчишечка из Днепропетровска Юрка Кулибабер.

– Неправильно! – кричит прямо из правого дальнего угла зала Львовский собкор Петро Убейкобыло. – Узурпация не пройдет!

«Сегодня у нас тут прямо как у Господа Бога в начале творения. Полный хаос из людей, б...й и идей, – думает Дубравин. – Ну прямо как дети лейтенанта Шмидта! Уже начали делить участки! Надо это пресекать! Мы приехали сюда вовсе не делить, а преумножать!»

Но, к счастью, Протасов, сидящий в президиуме, тоже понимает, что они так далеко не уедут, и сначала прерывает оратора, строго стуча по графину с водой металлической ручкой. А потом и вовсе сгоняет неуживчивых украинских партнеров обратно в зал.

– У нас тут получается по той поговорке. «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Мы приехали говорить о векторе развития газеты. О перспективных направлениях. Огромных возможностях. А я вижу здесь все те же сепаратистские настроения. Так дело не пойдет. Предоставляю слово нашему директору по региональному развитию господину Александру Дубравину!

Наконец-то! Он соколом, через две ступеньки взлетает на трибуну. Стоит с минуту молча. Ждет, пока в зале смолкнет шум. Вглядывается в эти такие разные лица.

«Что же вам сказать, дорогие вы мои? Чем вдохновить вас на жизненный подвиг? Ведь здесь собрались люди, которые не хотят сдаваться, ныть и скулить. И им предстоит вместе сделать большое дело. Спасти газету. Спасти себя. Построить какую-то новую жизнь для всех. В конце концов, показать пример».

Но думает он об одном, а говорит простые и будничные слова:

– Приветствую вас в этом замечательном городе! Надеюсь, что все вместе мы найдем решения стоящих перед нами проблем. Сегодня мы находимся только в начале пути. Я же вижу его таким. Сейчас большая часть из нас делает новую телепрограмму и размещает на освободившихся площадях местную рекламу. Но мне уже поступили перспективные предложения. Покупать бумагу. Самим собирать местные новости. И делать местную полноценную рекламно-информационную вкладку в нашу молодежную газету. А дальше я вижу новые перспективы. Мы сможем создавать новые продукты. Расчеты показывают, что местной рекламы хватит и на то, чтобы окупать полноценные газеты...

После его выступления как-то само собою все начало успокаиваться. Конечно, они все еще буровили свое. Говорили о подвигах, которые они совершают во имя любимой молодежи. Пытались нажимать на различные

местные особенности взаимоотношений с властями новых независимых государств. Но тон обсуждения изменился. Стал более деловым, конкретным и понятным всем в этом красивом зале.

Семинар, ведомый твердой рукой, набрал ход и покатил по заранее проложенным рельсам...

* * *

Саша Бябушев проявил чудеса изворотливости. После обеда всех ждал сюрприз – катание на паруснике. Да не просто на паруснике, а на настоящем пиратском бриге. Саша зафрахтовал за смешные деньги посудину, на которой когда-то снимался фильм о капитане Бладе по роману Рафаэля Сабатини.

У Ялтинской набережной их ждет двухмачтовый деревянный бриг со всеми положенными атрибутами. Бутафорскими парусами, старинными чугунными пушками на колесиках, резными перилами, круглым штурвалом, бушпритом и даже командой в полном пиратском снаряжении. Карнавал, да и только!

Входящих по деревянному, качающемуся трапу дам и кавалеров встречает колоритный боцман. Огромный одноглазый и пузатый детина в полном пиратском снаряжении с саблей на боку и трубкой в зубах. Пыхтя вонючим табачищем, в драной тельняшке и босиком он стоит прямо на пирсе, куда подъезжает автобус, полный молодого пижонистого народа с жеманными московскими красавицами впридачу.

– Прощу вас! – громовым голосом, похожим на иерихонскую трубу, приглашает он гостей на палубу, где выстроился живописный в лохмотьях, одичалый экипаж во главе с небритым, но не лишенным галантности капитаном.

Охая, ахая и повизгивая, вся эта компания проходит на борт пиратского судна по нависшему над пирсом хлипкому деревянному трапу. Следом грузят припасы. Ящики с пивом, бутылки с вином. Коробки с закусками. Их подхватывают важные, как генералы, официанты из самого крутого местного ресторана.

– Отдать концы! – бухает боцман.

Под шум и гам парусник отчаливает от набережной Ялты. Между ним и городом ширится и растет полоса воды. На причале остается сбившаяся в кучку толпа зевак, пришедших поглазеть на чудо-юду в парусах.

Шхуна идет вдоль городской набережной, а потом поворачивает в открытое синее море. Хорошо. Простор. Слева – бескрайняя водная равнина. Справа – зеленый гористый берег. Небо чистое, безоблачное. Легкий ветерок поднимает чуть заметную волну и приносит на палубу чуть заметную гарь от выхлопной трубы дизеля. Шхуна-то бутафорская. Но это мелочь. На Дубравина простор, свобода всегда действуют как-то окрыляюще. Не нравятся ему тесные объемы, узкие улочки городов, каньоны горных ущелий. Видно, это оттого, что вырос он в степи и привык к вольному ветру.

И пусть на бутафорской посудине, но хочется ему хоть на время, хоть на час забыть о вечных заботах начальника, слегка оторваться от трудной реальности и воспарить духом, возлюбить рядом стоящую женщину. Наверное, такие же чувства испытывают все, кто сейчас рядом с ним на палубе.

«Может, и она тоже?!» – думает Александр, поглядывая сбоку на стоящую рядом у фальшборта Диану Уржумову.

Но кроме этого естественного желания близости и загадки нового человека держит Дубравина возле нее и еще одно. С тех давних пор, как потерял он свою первую любовь, Галину, жило в нем какое-то ощущение неполноценности жизни. Вот когда было это сумасшествие, это безумие – все казалось другим, значительным, что ли, имеющим высший смысл. А теперь все стало пресным, можно сказать скучным. Как будто выгорело что-то в его душе. И холодный пепел окутывал все события его жизни. Ни любовь жены, ни рождение детей не могли растопить этот ледок, развеять этот пепел. А ему хотелось хоть еще один разок почувствовать то прекрасное безумие.

И он, как наркоман, который ищет свою дозу, также подсознательно ищет утраченное чувство.

Вот кинуло его сейчас к Диане. Кажется ему, что здесь есть что-то, что зажжет тот почти угасший огонь, даст напряжение его чувствам. И этот огонь обновит его бытие. Проще говоря, как писали в романах, он жаждет любви.

Романтическая прогулка по морю незаметно перетекает в пикник. Фирменные черно-белые официанты начинают предлагать трудящимся шампанское, коньяк и вина местного производства. Все прогуливаются по палубе с бокалами в руках. В этот торжественный момент в дальнем углу у импровизированного бара Дубравин замечает компанию неизвестно откуда появившихся быковатых молодых людей, одетых по последней крымской моде – в спортивные костюмы «Адидас», «Пума» и шикарные кроссовки

неизвестного производства. Дубравин незамедлительно подзывает к себе пронырливого Сашу. И прямо спрашивает:

– А это кто такие? Как они тут оказались?

Слегка смутившийся Бябушев смотрит на него ясными голубыми глазами и отвечает:

– О, Ляксандра Ляксеевич! Это такие люди, такие люди! Они тут весь Къым держат. Деловые люди. Попросились на встречу. Хотят с вами, с молодежной газетой познакомиться!

Дубравин, можно сказать, прозревает, но тоже косит под дурачка:

– Да?! А кто же их сюда позвал?

– Я пигласил! – на голубом глазу честно отвечает Саша. – Думаю, знакомство с ними всегда может пигодиться. Вон того видите, маленького такого, но самого широкого в голубом костюме? Его папан в гойисполкоме работает. Может быть полезен, если вы захотите здесь что-нибудь купить. Или какие-то дела поешать...

«Это какие же у нас могут быть дела с бандюками?» – думает Дубравин и резко, показывая свое недовольство не словами, так хотя бы тоном, добавляет:

– Ты хотя бы нас спросил. Нужно ли нам это? Тоже мне, деятель международного масштаба!

Помолчал с минуту. Вздыхнул:

– Но теперь-то что поделаешь? Они уже здесь кучкуются в другом углу палубы. А завтра будут рассказывать, как они с редактором молодежки водку пили!

Но все как-то устаканилось само собою. Саша подвел деловых к начальству. Они чокнулись. Выпили за Крым. И на этом, собственно, общение закончилось. Деловые отошли к барной стойке. И начали негромко наливать.

Так они и не смешивались до конца поездки. Да и как эти, слишком разные ингредиенты, могли смешаться? Никак! Это же не коктейль!

На палубе и закусывали, чем бог послал. Горячими колбасками, свежей рыбкой и мороженым с бананами.

Потом народ решил купаться. Ну а чем не идея? Солнце светит. Чайки летают. Вода чистая. Издалека видна лесистая спина горы «Медведь», что рядом с бывшим всесоюзным пионерским лагерем «Артек».

Купаться, так купаться. Мигом плаття, джинсы и рубашки оказались на деревянных скамеечках, вантах и перилах пиратского брига. И вот уже по веревочной лестнице, охая и ахая, пробуя ножками водичку, спускаются в море нимфы и наяды. Звероподобный боцман страхует красавиц

огромными в наколках ручищами.

Следом тянутся и мужички.

Дубравин не заморачивается. Показывает удаль молодецкую. Разбегается по деревянной палубе и «ласточкой» перелетает прямо через деревянные ажурные перила. И-и-эх! Колом входит в воду. Всплывает на поверхность, натягивая в воде плавки, соскочившие прямо до колен.

Вода – его стихия. Прохладная. Можно пару раз оплыть шхуну. Повисеть на бутафорском якорю. Постучать по металлическому, обросшему ракушками и обитому деревом корпусу.

Он взбирается по веревочной – только ступени деревянные, лестнице на палубу. Присаживается в пластмассовое креслице. Взгляд его привычно скользит по водной глади, стремится к горизонту, упирается в такелаж, на котором еще висят чьи-то шмотки, потом в бандитов. Те едва вылезли из воды и тут же принялись снова наливать в баре.

«Эка! Еще не обсохли, а уже принялись добавлять! – брезгливо думает он. И ловит себя на ощущении, что кого-то не хватает: – Точно, нет Дианы! И Наташки тоже не видно. А где ж они-то? Все вроде повылезали...»

Он в беспокойстве вскакивает с кресла. Делает стойку, оглядывая уже весь корабль от клотика до киля. Гюзель на месте. Среди окруживших ее мужиков-регионалов. А этих нигде нету. Дубравин подходит к борту. И видит вдалеке над водой две женские головки.

– Куда вас занесло?! – кричит он им. – Плывите обратно!

Но, видно, ветер не доносит его призыв до них. Они что-то отвечают. Но продолжают отдаляться.

Он начинает беспокоиться. Машет им снятой с вант майкой, показывая, что надо плыть обратно. Но ответа не слышит.

Тогда он подходит к полупьяному боцману, который стоит у руля. Показывает рукой в их сторону. И объясняет ситуацию:

– Там девчонки наши куда-то заплыли. Надо их достать. Подойти поближе.

– Счас! – бормочет огромный детина в ответ. И начинает вертеть штурвал. Судно, выписывая на воде кренделя, пытается выйти в заданную точку. Но, видимо, ему мешает сильное морское течение. Оно не дает лечь на курс. И их относит в сторону.

Дубравин понимает по гримасе, застывшей на лице боцмана, по жалобным крикам девчонок из воды, что игры закончились. И ситуация становится серьезной. Он с разбегу, солдатиком снова прыгает в море. И мощно плывет к еле видимым над водою головкам.

«Далеко же их черт понес!» – злится он, подгребаясь к ним все ближе

и ближе.

Ну вот они, рядом. Плывут еле-еле, выбиваясь из сил.

– Саша! Саша! – кричат они дрожащими голосами. – Нас уносит течением! Мы не можем вернуться!

Теперь-то он, наконец, просекает всю ситуацию до конца. «Девки глупые! – с раздражением думает он. – Ох, и дуры! Зачем отплывали вообще от корабля?! И как мы теперь вернемся?»

Но он понимает, что пугать их нельзя. И как можно спокойнее и ласковее говорит:

– Все нормально, девушки! Ну течение так течение! Сейчас шхуна подойдет! – А сам вглядывается в беспомощно маневрирующее судно: «Как бы они на нас не наскочили? Может, попробовать к берегу выгребать? Нет! Туда больше километра. Не выйдет. Да и девчонки уже устали».

– Мы вот как сделаем! Вы держитесь за меня!



Наташка тут же от страха и усталости обхватывает его за шею. И повисает на нем. Приходится строго прикрикнуть на нее:

– Ты меня утопишь! Успокойся! Положи руку мне на плечо. Вот, ты с одной стороны, а Диана с другой. Вот так! – ощутив на своих плечах прохладные женские ладони, он и сам чувствует себя увереннее. – А теперь друженько, не дергаясь, без паники, потихонечку, чтобы не было каких-то судорог, погребли. – И, еще раз мысленно прикинув расстояние, добавляет: – К кораблю! И берегите силы!

Цепочкой они медленно-медленно начинают подвигаться к шхуне.

Движения корабля тоже становятся более осмысленными. Но и с третьего захода шхуна промахивается. Описывает дугу метрах в ста от них.

Дубравин, чувствуя, куда их сносит морское течение, машет рукой, а потом показывает влево: туда, мол, заходи, туда нас несет!

Следующий заход оказывается удачнее. Через несколько минут рядом с ними уже повисает деревянный корпус. Сверху им машет рукой его помощник Юрка Бесконвойный.

Он подводит женщин к свисающему в воду трапу. Диана поднимается из воды сама. А вот Наташка совсем обессилела. Приходится ему подпирать ее снизу под круглую попу, помогая Юрке вытащить девушку наверх.

Наконец, он забирается на палубу сам. Падает на стул. Отдыхает. И понимает, что, кроме него самого, боцмана и Бесконвойного, никто ничего не заметил. Народ чудит по полной программе. И никому ни до кого дела нет.

«Ну и слава богу, что все обошлось! Без шума и пыли! Пронесло!»

* * *

Вечером, после такого суматошного дня, Диана пригласила его к себе – выпить кофейку.

Дубравин с интересом приглядывается к гостиничному женскому бытию. Странное дело. Он живет в таком же одноместном номере, как и она. Но как все разительно отличается! Он зашел к себе. Бросил вещички в угол. Зубную щетку в стакан. И живет. У нее же все расставлено, разложено по полочкам. А вещей и вещичек – не меряно! И все оказываются для чего-то нужны. Даже игрушечный Микки-Маус, что устроился на гостиничной подушке: наверное, она с ним спит в обнимку!

Дубравин устраивается поудобнее в кресло за маленький столик и мужественно глотает ненавистный горький кофе. Между делом поглядывает на хозяйку-красавицу и хлопотунью. Наконец, она успокаивается. И усталая, сначала присаживается на кровать напротив, а потом и вытягивается на лежанке. Дубравин вспоминает, как с «зеленой стоянки», точнее с пляжа, куда потом причалила их шхуна, возвращались на борт участники семинара:

– Представляешь! – вдохновенно говорит он. – Все собрались. А

четверых нету. Боба Вшиневецкого, Степы Гомонюка, Юрки Кулибабера и Степнева. Мы уже и так и сяк. Начали хором кричать: «Уа, ау! Мы отходим! И вдруг из ближайших кустов появляются. Четыре карлы. У каждого под мышкой бутылка водки. И все настолько бухие, что еле держатся на ногах. И вот они, этак гуськом-гуськом, держась друг за друга, идут по бережку к кораблю. К трапу. А трап, видела же, какой хлипкий, незакрепленный. Вибрирует. Я тут же поспорил с Андреем Паратовым, что они свалятся в воду...

Диана слушает его, прикрыв глаза, и непонятно, засыпает она или притворяется. Он уже начинает беспокоиться: не пора ли сваливать? И вдруг неожиданно, но с какой-то натугой и вызовом в голосе она произносит:

– Иди сюда!

– Свалились! Грохнулись! – по инерции продолжает он свой рассказ. И столбенеет от ее призыва.

– Иди сюда! – нетерпеливо повторяет она.

Она сама начинает расстегивать ремень на брюках. Освобождает его от одежды и одновременно тянется к нему, целует, прихватывая и покусывая губы. Он, не привыкший к такой женской активности, послушно поворачивается и раздевается. А она уже наверху. Он только и может, что держаться за ее бедра и гладить грудь под ажурным лифчиком...

Через полчаса она возвращается из ванной. Ложится рядом с ним:

– Ну как тебе? Хорошо со мной?

– Очень хорошо! – отвечает он и пытается ее поцеловать.

– А он говорит, что я холодная. Никакая в постели. Муж мой! Дурак!

«Э, – думает Дубравин. – Так это она от досады тут со мной возится. А я-то, дурень, думал, что от интереса, от огонька, любви!»

Они лежат некоторое время. Диана холодно целует его в щеку. И твердо, словно ничего не было, произносит:

– Завтра тяжелый день. Я устала. Мне надо поспать. Давай разойдемся!

Вторично ошеломленный за этот вечер, Дубравин торопливо покидает ее комнату и перебирается к себе в номерок. Уже засыпая, он все удивляется превратностям судьбы: «Нет, шалишь! Будешь моею! Еще будешь шептать о счастье, засыпая на моих руках!»

* * *

С утра начинаются хлопоты. Протасов, злой как черт, собирает их, организаторов семинара, у себя в номере. Едва только рассаживаются, как он налетает на Дубравина:

– Мне вчера сказали, что ты сам единолично распределяешь доли, которые мы даем регионалам?! Так что некоторые из них получили во вновь регистрируемых предприятиях по десять процентов, а некоторые по тридцать. Чем ты это объяснишь?

Видно по его тону, что он раздражен не тем, что люди получают разные доли – наплевать ему на них, а тем, что в таком важном деле, как распределение собственности, пусть даже мифической, еще только возможной, Дубравин обходится без него.

– Так я же к тебе несколько раз подходил с учредительными документами, ты мне что сказал? «Саш, разбирайся, мне некогда!» Я и разбираюсь.

– Когда такое было?

– Да хоть на прошлой неделе с ростовчанами! Ты забыл?

– Ну да, точно было! – замечает, чертя ручкой на белом листке бумаги, Андрей Паратов. – Это при мне и было. Он к тебе заходил.

– Точно, я помню! – добавляет четвертый член концессии – Петр Чулёв.

– Хм! Ну, может, я и был занят в тот момент. Ты мог бы позже подойти!

«К тебе подойдешь! Вечно где-то носишься! – думает Дубравин. – Это я сижу и пашу. У тебя же другая функция. Генерировать идеи». Но говорит он другое:

– Ладно, давайте установим порядок – все делают пометку на документах, что посмотрели. А потом я или Протасов их окончательно подписывают.

– Я сам буду подписывать! – уже более спокойно буркает Протасов.

– Бога ради! Я даже буду этому рад! – добавляет Дубравин. Он прекрасно понимает мотивы Владимира. И уже знает, по каким правилам идет игра. Не первый раз они удерживают его от опрометчивых и скоропалительных выводов и решений. И таким образом спасают ситуацию. Судя по всему, так эта схема и будет действовать в дальнейшем.

Но есть еще один аспект управления. Мало-помалу они сошлись, сдружились с Андреем Паратовым. И как-то даже договорились поддерживать друг друга. Так, что кроме схемы «три плюс один» начала вырисовываться другая – «два плюс два».

Утреннее совещание плавно переходит в русло обсуждения впервые

увиденных партнеров. И пока трое его компаньонов описывают в разных эпитетах представителей Ростова, Самары, Петербурга, Дубравин, поддакивая, думает совсем о другом.

За завтраком в писательской, накрытой белыми скатертями столовой он встречается с Уржумовой. И в простоте душевной думает, что эта встреча станет продолжением вчерашнего свидания. Но ничего подобного. Диана холодна, неприступна и всем своим видом показывает, что он пришел такой натужный и здесь совсем ненужный.

У Дубравина опыта в таких делах мизер. Советоваться с кем бы то ни было ему нельзя. Пойдут слухи. Вот он сидит за столом. И гадает. А что бы это значило? Такое ее поведение?

Невдомек ему, что опытная в разводках мужиков Диана прекрасно знает, как надо держать их на привязи. То приближать. То отталкивать. Чтобы мужчина никогда не был уверен в том, что она его. Верная своей женской тактике, проверенной веками и тысячелетиями, она как крючок использует мужские страсти, понимая, что чем сильнее мужчина, тем больше он будет уязвлен в своем самолюбии.

Дубравин недоумеваает, злится, ловит Диану в коридоре, чтобы поговорить с нею, прояснить ситуацию.

Бедный провинциал и протак! Столичные штучки, а Диана несомненно столичная штучка или щучка, кому как нравится, так просто в руки не даются. Да и что он может ей предложить? Вечную любовь? Красивый роман? Он и сам еще ничего не знает, кроме охватившей его страсти.

А для нее он так, эпизод в длинной цепи любовников, которые ну никак не затрагивают ее жизненную женскую сущность. Она перебирает их, как садовник цветы. Нюхнет и выбросит. А этот Дубравин в силу своего упрямства, какой-то прямолинейности и тяжеловесности никак не может понять, что жизнь и секс – это просто такие легкие приятные вещи. Вот и заморачивается. Ну и пусть.

Так она с ним играет. Как тореадор играет с быком, то ловко подманивая его красным плащом, то уворачиваясь и ускользая.

Играет с огнем!

* * *

Вечером банкет. Он удался на славу. Народ принарядился. И собрался

в зале. Прибыли почетные гости в лице командующего Черноморским флотом.

В центр стола посадили адмирала. Сами устроились рядом.

И зажгли! На столах белые скатерти, звонкий чешский хрусталь. Водочка холодная. Винцо сладкое. Салатики и колбаски всех сортов. Рыба! Рыба разных видов. И чудесный холодец. С хренцом.

Черной икорки или белорыбицы, севрюжки или там еще чего, конечно, нету. Не дорос этот, еще только что зачатый, бизнес до черной икорки. Но рыба, местная, свежая, черноморская, идет на ура!

А почему? Да потому, что в доме литераторов есть такие повара и поварята, которые давно соскучились по хорошей работе с хорошими продуктами, а главное – с хорошей оплатой.

Кроме того, советский человек, зажатый и затюканный нашей раздолбанной действительностью, всегда рассматривал всякого рода семинары и симпозиумы как праздник, на котором можно оторваться от серых буден. И гуляет он на них, как в последний раз.

Но у всякого действия есть свой раз и навсегда заведенный порядок. Есть он и здесь.

Тамада или ведущий открывает банкет. И по очереди дает слово.

Владимир Протасов витиевато и радостно выражает важную мысль о том, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. И встреча позволит нашему проекту подняться на невиданные высоты.

– Только в регионализации спасение и продолжение жизни газет в рыночной экономике! – заканчивает он свой тост.

Ему хлопают с энтузиазмом.

Командующий Черноморским флотом – адмирал рубанул по-военному четко:

– За Родину нашу, матушку Россию! Интересы которой мы здесь представляем. За Севастополь! За Черноморский флот! За молодежную газету! Троекратное «ура!»

– Ура! Ура! Ура! – разномастно, но дружно и радостно кричат регионалы, вскочив со своих мест.

Банкет постепенно набирает обороты. Дубравин знает, что, как всякий русский человек, он может сорваться «в штопор». То есть, отвечая на каждый тост, выпивать по рюмочке, а потом потерять счет. Поэтому, еще до похода сюда, он проглотил кусочек сливочного масла. А сейчас усиленно налегает на закуски, рассчитывая наестся до отвала и тем самым замедлить действие алкоголя.

Так что, не особо вслушиваясь в тосты, он усиленно орудует вилкой. А

послушать стоит.

Слово дают Андрею Паратову. И он рисует картину восхитительного будущего всего газетного мира.

– Мы будем передавать нашу газету через спутники, прямо к вам в пункты печатания, – уверенно говорит он о таких смутных и мало кому знакомых вещах, что все даже начинают недоуменно переглядываться. – В каждой редакции на местах будут использоваться компьютеры для набора текста. Мы уйдем от допотопных линотипов и чумазных наборщиков. И если раньше говорили – трактор идет на смену крестьянской лошади, то сейчас мы можем уверенно сказать – «Макинтош» идет на смену линотипу!

Андрей, хороший политический журналист, так увлекся в последнее время новыми технологиями, что Протасов пригласил его в дирекцию. И предложил заниматься технической стороной работы. Паратов – не специалист, а самоучка в этом деле, готовил такой проект перевооружения, которому мог бы позавидовать любой профессионал.

Бурные, продолжительные аплодисменты становятся наградой ему за боевой задор и искренность.

Потом пьют за тех, кто в море!

За женщин! Вставая. И не вставая. Пьют до дна. Пьют с разбитием рюмок.

Наконец, ведущий, он же тамада, чернобородый и очкастый Стас Иркутский дает слово и Дубравину:

– А теперь я предоставляю слово человеку, который, собственно, и собрал нас здесь! Который возится с нами, как с малыми детьми! Помогает и направляет!

«Чем же вас пронять? – думает Дубравин, вслушиваясь в уже начавшийся галдеж за столами. – Обо всем уже сказано. А вот об этом еще нет!»

– Я пью за самую любимую, за самую теплую, за самую лучшую на свете...

Народ, который до сей минуты не обращал внимания на очередного оратора, затихает и прислушивается к тому, что он говорит. А он продолжает, повышая голос:

– В минуту, когда вы устали и хотите отдохнуть, она примет вас в свои ласковые объятия. Согреет, утешит, успокоит, даст вам силы...

Диана, сидящая напротив оратора, напрягается, что есть сил. А ну, как он сейчас ляпнет тост за нее?!

– Так давайте же выпьем с вами, ребята... – Дубравин театрально замолкает и держит паузу.

Кто-то пьяненький за столом не выдерживает и пытается угадать:

– За Наташку? За Гюзель?

– За нашу русскую баню, которая здесь оказалась просто-таки отличной... – заканчивает Александр. Последние слова его накрывает шум и хохот.

– Во дает!

– Молодец!

Народ тянется к нему с рюмками и бокалами.

А он прямо-таки чувствует, как облегченно вздыхает Уржумова. «Погоди, то ли еще будет!»

Хорошо, друженько выпивают.

И больше тостов не слушают. Встают ораторы, гремят призывы, но народ уже разбился на группки и начал вести разговоры. О своих делах.

Дубравин посидел, посидел со своими московскими. И пошел к людям. Сначала его звали ростовские.

Ростовчане и примкнувший к ним Черкесов из Ставрополя привезли с собою два ящика хорошего коньяка. И даже на банкете решили не размениваться по мелочам, а продолжали гнуть свою твердо обозначенную линию – уговорить за время семинара эти ящики.

Дубравин, чем мог, помог им. И перебрался к хохлам. Здесь тянется все тот же нудный спор. Бывший собкор, маленький, хромой, огненно-рыжий Степан Гоманюк, кучерявый, розовощекий Юрка Кулибабер, а также длинный, как жердь, с выбитым передним зубом собкор из Крыма Эдик Воля делят Украину. Воля стравливает «Степашку» с «Юрцом», получая истинное наслаждение от их пьяного спора.

– Ну что? Договорились? – хитро улыбаясь, говорит он. – Я беру себе Крым, ты, Степашка, Киев. Ну а тебе, Юрец, сам бог послал Днепропетровск. Вот только Донецк не знаю, к кому отойдет?

– Как, к кому? Ко мне! – пьяно упирается Степан. – Не москалям же его отдавать?! Не этим же! – он показывает на сидящего поодаль губастого лысого парнишку из Донецка и его визави – быстроглазого, авантюрного вида еврейского пацаненка с влажными выпуклыми губами. – Во-от им! – и выкручивает крутую, конопатую дулю из трех пальцев.

– Это, Степашка, будет решать головка. А не ты! – снова подначивает его Воля. – Правильно я говорю? – обращается он к Александру. И предлагает: – Давайте же все вместе выпьем за нашу «головку холдинга»! – И так хитро, двусмысленно подмигивает окружающим.

Дубравин поддерживает этих «детей лейтенанта Шмидта» и выпивает за руководство, так быстро окрещенное партнерами.

Гремит музыка. Начинаются танцы. Ох, уж эти танцы-протуберанцы. Под мелодию Тухманова про «Бедного студента» высыпали все на середину зала. И давай скакать, кочевряжиться.

«Ну вот, наконец-то удастся мне с ней объясниться!» – думает Дубравин. И тоже выходит на танцпол.

Пляшет он, как все. Разве что большая спортивная подготовка делает его неутомимым партнером. Он притопывает, прихлопывает. Гоголем ходит взад-вперед. Скачет. И гнется, гнется к Диане Уржумовой.

Десятки тысяч лет танцуют люди. И все народы по-разному. Но древний смысл этих танцев остается все тем же. Мужик показывает свою мощь, удасть, ловкость, успешность. А девки выкладывают в танце свои товары: красоту, здоровье, молодость.

И танцуют они так, чтобы подчеркнуть, подманить, заставить обратить внимание на свой товар.

Дианка же, опытная, все свои передвижения по залу сегодня строит так, чтобы все видели – она сама по себе.

Вскоре за столом остаются только группки любителей выпить и поговорить в стиле: а ты меня уважаешь?

Наконец, бешеный ритм танцев сменяется медляком. Народ разбивается на парочки. И начинает топтаться и тереться. Но Дубравин, жаждущий объяснения, оказывается не у дел. Он пролетает. Ибо Диана неожиданно для него оказывается в паре с чернобородым хлопцем. Лохматые брови делают его похожим на большого мопса.

«Ничего, следующий танец будет за мной», – решает Александр. А пока присаживается за стол к «сурьезному» мужику из Самары. Они только успевают перекинуться парой фраз, как музыка замолкает. Дубравин рвет к танцующим. Но не тут-то было. Он только и видит, как Диана с «мопсом» двигаются из зала прямо на выход.

Дубравин кидается вслед. И оказывается на улице. Вокруг никого. Парочка растворилась в темноте. Он бежит по аллеям парка. Туда-сюда. Никого. Точнее, народу полно. Чинный санаторий гудит, как студенческая общага. В зале еще играет музыка. Где-то трещат парковые кусты. Парочки обжимаются на лавочках.

В отчаянии он кидается искать ее в длинных коридорах и холлах. По ходу дела наталкивается на помощника командующего флотом. Пьяный вдрабадан мореман несется по коридору. Его фирменный галстук сбился набок. Красную рожу перекосило. Он бормочет:

– Пилюся! Где ты? Выходи! Найду – разорву!

Глянул на него Дубравин. Постоял, подумал о чем-то. Зашел в туалет

рядом со столовой. Посмотрел на себя в зеркало: глаза красные от водки. Волосы торчат дыбом. Открыл кран. Плеснул в лицо холодной водой... Понесло от зеркала к задней стене. Еле-еле устоял на ногах:

– Да-да-а! Хорош!

Вышел в залу. На танцпол. И глазам своим не верит. Диана в обнимку танцует с Андреем Паратовым. Что-то темное и страшное всколыхнулось в его душе. Потеряв контроль окончательно, он рвет к ним. Решительно отодвигает протестующего Андрюху в сторону. И твердо берет Уржумову за талию. Она верещит:

– Ты что себе позволяешь?! Пьяный! Иди проспись!

Это последняя капля. Гнев входит в горло и душит его. Он хватает ее за плечи. И трясет, как тряпичную куклу. При этом орет так, что его рев слышен даже сквозь гул музыки.

К нему подсакивают со всех сторон друзья-товарищи:

– Саня! Ты что? Отлепись! Успокойся!

Оттаскивают его от Уржумовой в сторону. В уголок. Тут к ним подходит Наташка, которая давно уже наблюдает за всей этой маятой, чуя женским чутьем подоплеку этой истории.

– Саша! Саша! – Она никогда не называла его так до этого. Только по имени-отчеству. – Успокойся! Все хорошо!

Подхватывает его, пьяненького, так, как умеют только русские бабы. И ведет укладывать.

А он все еще вспыхивает по ходу, дергается. Порывается бежать разбираться.

Дотаскивает до номера. Опускает на кровать.

– Я ей еще покажу! Как со мной в эти игры играть! Как меня разводить! Только два дня мы с ней! А теперь – издеваться... Что я, не человек?! Железный я, что ли?!

Все плывет перед ним, как в тумане. Видно, алкоголь окончательно переварил все защитные барьеры. И ударил в мозг.

– Человек, человек! – Наташка приседает к нему на кровать. – Ну что ты истеришь? Успокойся, спи! Хочешь, я рядом с тобой прилягу?

– Хочу! – пьяно соглашается он.

Она тепло ложится рядом, под бок.

Он начинает засыпать. Но вдруг опять вскидывается.

– Не-е-ет! Я пойду! Я им покажу, я этому хаму харю разворочу! – И пытается вскочить.

– Да что ж ты такой неугомонный! Счас я тебя уложу! – Наталья решительно заваливает его на кровать. Резким движением расстегивает

брюки... Он чувствует, как ее язык нежно проходится по головке, а упавшие со лба белые волосы щекочут ему живот. Минута – и Дубравин, застонав от наслаждения, плывет куда-то, засыпая.

– Ну вот. Теперь уснул. Глупенький! – говорит Наташка, деловито оглядываясь в номере. – Пойду-ка я к ростовским! Веселые ребята! – И она выходит, потихоньку прикрыв за собою дверь.

* * *

Утром громкий стук. Дубравин отрывает свою разнесчастную голову от подушки и, изрыгая на ходу проклятия, плетется к выходу. На пороге стоит растерянный и возбужденный его помощник Юрка Бесконвойный. Бывший военный – капитан, приведенный в региональный отдел одним из обозревателей, он отличается четкой и по-военному бескомпромиссной исполнительностью. Сказано сделать – сделает! Будет, если надо, звонить по городам и весям «с утра и до забора», но своего добьется. Таких, как он, сейчас много везде. Армия сокращается, усыхает. И люди пытаются устроиться на гражданке, как могут. Но им трудно перестроить психологию, трудно понять, на каких принципах устроен новый мир. Ведь они как дети. Их в семнадцать лет приняли в училище. И всю их жизнь расписали по пунктикам. А тут каждый за себя. Решения надо принимать. Ориентироваться в обстановке.

Но парень он надежный, верный. Одна беда. По-армейски косноязычен. Это заметно и сейчас.

– Случилось страшное! – торопливо начинает докладывать Бесконвойный. – Эти Спиртнова заперли, а он повздорил со всеми. И того... Они его спать положили. И дверь закрыли. Так он башкою...

– Кого башкою? – У Дубравина сердце падает. Видать, не только он вчера куралесил. Другие тоже отличились на празднике жизни. Когда он понимает, что случилось, то в груди у него поселяется такая тоска, какая охватывала его только, когда он читал романы Платонова «Чевенгур» и «Котлован».

Кроме региональных партнеров на семинар пригласили и всех собственных корреспондентов с мест. Чтобы они познакомились между собой. И, если можно, снюхались. По старинному обычаю, суровый челябинский мужик Серега Спиртнов крепко принял на грудь. И затеял большой разбор полетов. Его попытались уговорить другие,

присутствовавшие на благородном собрании ребята. Они взялись отвести его в номер и уложить спать. Но Серега жаждал продолжения банкета. Так что, где-то в середине длинного коридора у них завязалась борцовская схватка. И как наутро пояснил рыжий Степан Гоманюк, они его еле одолели.

– Я ему сделал замок борцовский! – хвастался Степашка. – Этому москалю. Но он здоровый, как бык, чуть не задушил меня. Насилу мы его втроем затащили в комнату. Там завалили на кровать.

Серега побуйствовал, побуйствовал, да и уснул. Обрадованная троица покинула номер и пошла допивать. Предусмотрительный Степан закрыл дверь, где ночевал Серега, на ключ, думая, что тем самым он оборонит себя, народ и самого Серегу. Однако не тут-то было. Через пару часов челябинец проснулся. Толкнулся в дубовую дверь. И понял, что его заперли. «Замуровали, дьяволы!» – возопил он. И принял решение. С диким воплем, как Тарзан, кинулся из окна. Пробив голову двойной стеклопакет, которым были закрыты окна дома отдыха, он вылетел со второго этажа на улицу. Точно говорят, что пьяным везет. Как он не сломал себе шею, пробивая насквозь два толстенных сантиметровых стекла, знает только Господь Бог. Но окровавленный, голый (в одних плавках) Серега не остановился на этом. По ночному городу он отправился странствовать в поисках приключений. Пошел, оставляя окровавленные следы босых ног на траве и асфальте. Как-то случайно забрел на церковное кладбище. А потом, неизвестно зачем, залез на колокольню.

Короче, сняла его оттуда рано утром ялтинская милиция. И доставила в отделение. Там выяснилось, что Серега корреспондент, делегат и гость идущего в городе форума.

Служащие дома отдыха писателей нашли Юрку Бесконвойного. Он поехал на место. Забрал с поклонами и извинениями коллегу из ментовки. Доставил его на койко-место. И теперь ждет дальнейших указаний.

– Ну что же, пойдём посмотрим на бедолагу, – принимает решение Дубравин.

В Серегиной комнате зияет черным провалом вываленное ударом окно. Саша с опаскою глядит на торчащие в раме толстые осколки. Если бы не невероятное везение Спиртнова, они точно распорили бы ему живот до самых кишок.

«Н-да! – мыслит Дубравин. – Ведь когда он суперменом вылетал в окно, эта глыбища рухнула вниз. И не задела его. В рубашке родился наш Серега!»

Сам Спиртнов лежит на деревянной кровати, укрытый одеялом. Видна

только голова в вязанной лыжной шапочке. Странно тихий, с серым изможденным лицом. Но живой.

– Ну что, Серега? – спрашивает Александр своего подопечного. – Лежишь? Да, брат. Почудили мы вчера. Ну лежи, лежи, – говорит он, понимая, что все уже сделано и обсуждать, в общем-то, нечего. И так все понятно.

– Может, его того? – спрашивает неугомонный в деятельности Бесконвойный.

– Имеешь в виду больницу?

– Во-во! – соболезнующе отвечает тот восклицанием.

– Сережа! Может, тебя в больницу отвезти? Что-то болит? А то не дай бог, что сломал? А? Ты как?

– Не надо в больницу! – чуть слышно шепчет виновник торжества. – Я полежу и оклемаюсь. Ребра только сильно болят! Башка гудит!

– Ну как же ей не гудеть? – замечает Дубравин. – Ведь башка нам не для того дана, чтобы ею биться обо что попало. Она нам совсем для другого дана. Ну, ладно. Лежи пока. Посмотрим. Пошли, Юра. С администрацией насчет стекол договариваться...

А сам думает: «Я тоже хорош! Получил, что хотел. Настоящее кипение страстей. Надо купить огромный букет красных роз. Извиняться будем!»

IV

Выпал первый мокрый снег. И сразу начал таять. Поэтому деревья стоят черные, голые, растопырив пальцы ветвей. И только на сосновых лапах еще остаются белые холмики. Да внизу, под деревцами, кое-где видны сугробики, а в ямках, оставленных копытами животных, застыл ночной ледок.

Прозрачная ясность осеннего леса тает вдали в туманной дымке. Тишина. Только черные вороны каркают изредка, раздувая при каждом крике хвост.

Группа разнокалиберных охотников собралась на опушке леса у машин. Рядом стоят два рабочих стареньких полноприводных уазика и крутой тонированный джип.

«Охота пуще неволи», – когда-то русский классик написал эту крылатую фразу, имея в виду отношение крепостных к труду. Но тот исторический смысл этого выражения давно забыт. А новый переродился в буквальный. Охота за добычей, как наркотик, который выгоняет человека из теплого логовища в лес, на мороз, на тропу. Иногда заставляет рисковать жизнью и здоровьем.

Не смог Володька Озеров перебороть в себе эту страсть. Не по нему просто сидеть в заповеднике и потихонечку кропать диссертацию. Ну не получилось. И когда Сергей Аксентов нашел все-таки сильного человека и сильный человек – директор крупного предприятия сумел оторвать от заповедника двести гектаров леса, он ушел к нему в кооператив.

Все вокруг удивлялись. Как так могло получиться. Привыкли в советское время, что заповедные леса – это табу. И не поняли, что та эпоха кончилась безвозвратно. И теперь можно делать все, что угодно. Вот и директор оборонного завода нашел лазейку для того, чтобы в эту эпоху растаскивания народного добра урвать кусок и здесь.

Собралась и команда. Ушли вместе с Аксентовым в этот кооператив старший егерь Митрич и егерь Николай.

Собственно, вчетвером они и начали это дело.

Сегодня пробный выезд. Директор завода решил поохотиться в собственных угодьях.

«До кучи» Володька пригласил из Москвы Дубравина. Надо же кому-то постоять на номере! Итого: вместе с директором – шестеро.

Уже можно сделать загонную охоту. Пятеро встанут цепочкой на

номера, а шестой шумнёт.

Дубравин приехал вчера вечером. Переночевал у Озерова дома. А сегодня, как штык, встал рано утром. Теперь он с интересом разглядывает собравшихся.

Типажи еще те!

Вот Митрич, огромный, как старый дуб, морщинистый, с белыми бровями и бородой. На кого он похож? На дядю Ерошку из «Казаков» Льва Толстого!

Аксентов – сразу видно – мужик крепкий, упертый, лобастая голова, курносый нос, под носом усики, как у Гитлера.

А вот хозяин прибыл на джипе в полной заграничной охотничьей экипировке. Маскхалат, итальянское ружье. Вязаная черная шапочка. Высокие ботинки. А лицо какое интересное! Лоб низкий, глаза посажены глубоко, а челюсть с крепкими зубами выдается вперед.

«Ну просто неандерталец!» – мысленно окрещивает Александр Виктора Федоровича Шекунова.

– Ну что, ребята?! – здороваясь со служивым народом за руку, спрашивает хозяин. – На кого сегодня пойдем?

«И как разительно меняется при нем сам Сергей Петрович, да и Володька тоже! – думает Дубравин. – Какое внимательное сразу у всех становится выражение лица!»

Докладывает Аксентов:

– Там, за овражком, стадо кабанчиков залегло. Ночью они кормились овсом. Это там, где мы его сеяли весной. А сейчас залегло. Митрич давеча проверял. Все на месте.

Митрич шевелит белыми бровями и, значительно крикнув в бороду, добавляет:

– Усе там! Лежать, отдыхают!

И глядит куда-то в низкое небо выцветшими голубыми глазами.

– Ну что ж, тогда с богом! – значительно говорит хозяин. – Кто расставлять будет?

Все взоры упираются в ледащую, подтянутую фигурку Володьки Озерова. Он в таких делах главный специалист. У него чутье.

– Я буду! – отвечает он. – Все за мной! Думаю, они там же. Это не очень далеко. Сытые. Чего бродить-то? Искать место? Заповедник! Никто их никогда не гонял.

В лесу тишина. Только иногда где-то вдруг ни с того ни с сего треснет ветка. Или раздастся какой-то шорох. Может, какое животное пройдет куда-нибудь. Или птица взлетит.

Это только кажется, что осенний лес нежилой. А на самом деле в нем всюду и везде кипит жизнь. Но она тщательно скрыта от человеческих глаз. Зверь и птица таятся от незваных гостей.

Вовуля Озеров в этом году неожиданно для себя открыл новое ощущение. Если он сильно сосредотачивается, обостряет свои чувства в лесу и начинает прислушиваться к себе, то вдруг ощущает себя каким-то новым существом. У него появилось этакое раздвоение личности. Вот вроде он, это он, Вовуля Озеров, а еще он это, вроде как вожак и сам хозяин здешнего стада.

И сейчас, шагая впереди цепочки охотников, он начинает входить в это ощущение. И пытается думать, как вепрь. А то, что вепрь тоже думает, Володька не сомневается ни минуты.

«Вот я лежу сытый. Мне хорошо. Рядом повизгивает, похрюкивает во сне любимая свинья. Засыпаю. Просыпаюсь. Слушаю! Где-то собачий лай! Как они лают. Не надрывно ли, не со злобой? Нет. Далеко отсюда лают. В деревне. А это, что ветерок доносит какой-то шорох. Или говор. Настораживаюсь. Это скрип снега. Охота? Засада! И сразу эмоции в живот. Похолодело там. Что-то свернулось. Забилось кабанье сердце. Кровь побежала по жилам. Вскликаю. Нюхаю воздух большими ноздрями. Кажется, начинается эта смертельно опасная игра. В прятки со смертью.

Поднимаю с лежки все потревоженное стадо. Снова слышится собачий лай. Теперь уже где-то ближе, где-то левее. Все! Тут, как говорится, не до жиру, быть бы живу! Мчусь».

Пронесутся мимо, хлещут по заросшей кабаньей морде ветки кустарника. Сзади жмутся, бегут следом свиньи и сеголетки. Так что вся эта похрюкивающая и повизгивающая толпа, словно «паровозик», несется вперед. А он, вожак, выбирает дорогу. Благо их тут немерено. И каждую из них он знает, как свои пять пальцев.

Володька с ходу останавливается на тропе. Почти наткнувшись на него, останавливается и Шекунов. За ним остальные. Озеров поднимает руку вверх и говорит шепотом:

– Поднялись. Пошли к оврагу. За мной! – и сворачивает с тропы, движется по лесу, чуть-чуть забирая вправо.

Вся цепочка охотников послушно тянется за ним.

Вот такая у него забава. Вообразить себя зверем. Жизнь в лесу и с леса не прошла даром. Она изменила его не только внешне. Она выстроила свой, некий особый внутренний мир, в котором он и обитает. И живет он в нем никак, никоим образом не касаясь того мира больших городов и деревень, который сегодня доминирует и пытается перестроить всех на

свой лад. Его мир – это в первую очередь сам лес. И это не просто некоторое количество деревьев и кустарников, сосредоточенных в одном месте. Его лес населен не только растениями и животными. Он полон леших, русалок, водяных, кикимор.

Володька Озеров так погрузился в древнерусскую жизнь, так увлекся наблюдениями за лесом и лесной жизнью, что неожиданно для себя самого поверил в самую разную и, на первый взгляд, невероятную чертовщину.

Он, конечно, старается скрыть свои изыскания. Мало ли, что люди подумают, если он расскажет, например, как его вчера «леший водил».

А ведь водил, гад такой! Сбил со следа, заморочил, затаскал. И бросил в лесной чащобе.

Или заявит заезжим охотникам, что лесные духи недовольны их поведением. И охоты сегодня не будет. Ведь засмеют! Объявят сумасшедшим!

Им ведь не объяснишь, дуракам городским, что, когда гремит гром, – это не только атмосферное электричество дает разряд, это нечто большее – гнев Перуна.

Приходится маскироваться. Говорить намеками, по-ученому.

Озеров снова останавливается и показывает собравшимся возле него охотникам целую тропу, которую только что, перед их приходом, проделало стадо. На тающем снегу видны крупные свежие следы самца – вожака и еще несколько цепочек.

– Эх, неудача! – «чешет репу» под шапкою все сообразивший сразу Митрич. – Ушли!

– Что делать будем? – спрашивает охотников Озеров, в основном, конечно, обращаясь к хозяину – Виктору Федоровичу.

– А что? Что-то изменилось? – недоумевает тот, перекладывая итальянское ружье с одного плеча на другое.

– Да, стадо поднялось! И ушло с лежки. Мы-то думали прихватить их тут недалеко. А теперь придется идти в обход. По лесу. А это далековато, – как бы оправдывается Озеров. Хотя промахов его нет никаких. Зверь он и есть зверь. Что хочет, то и делает.

Все ждут хозяйского решения. Вернуться? Или продолжить?

– Пойдем за стадом! – говорит «неандерталец».

Охотники облегченно вздыхают. И команда снова гуськом начинает двигаться по мокрому лесу.

Сказать, что переход тяжелый, – ничего не сказать. Они двигаются прямо по заповедному лесу, то и дело натываясь на упавшие деревья, пересекая овражки, залезая в буреломы. И сам Володька и его товарищи,

конечно, знают и понимают, что стадо уже давно вышло из того участка, который принадлежит кооперативу. И сейчас они двигаются по территории заповедника. Но это неважно. Ведь Сергей Аксентов еще вчера, когда они только готовились к выходу, заявил:

– Ну, робя, завтра решающий день. Мы должны на деле доказать, что наша фирма или ферма работает как часы. Не дай бог, упустим зверя!

Поэтому и рискуют сегодня. Плевать на все: важен результат!

Запорошенный лес выводит в конце концов к нужной тропе. И они в обход, так, чтобы не вспугнуть стадо, делают гигантский крюк.

Время бежит.

Солнце уже перевалило за полдень. А они все еще идут и идут. Тяжелее всего приходится Дубравину. Кабинетная работа ну никак не способствует развитию выносливости. Поэтому во время путешествия, уже где-то через час-полтора, он начинает страстно ждать его окончания: «Ну когда же мы дойдем? Ну когда?!»

А впереди – все так же неумоимо шагает охотничьей походкой с носка на пятку Володька в своих меховых сапогах. Следом топает хозяин в иностранных шнурованных высоких ботинках.

И надо не отстать, не подвести!

Еще через час он начинает жаждавать привала: «Ну прилечь бы хоть на минуту! Ну куда они торопятся!»

Ноги его и горят и подгибаются. Ружье кажется сделанным из свинца. Спина вся мокрая. И пот течет из подмышек по бокам.

Еще через какое-то время Дубравин думает: «Все! Я больше никуда не пойду! Сейчас лягу на тропинку. И скажу – хоть пристрелите меня, хоть оставьте лежать здесь помирать. Я больше не двинусь с места».

А его товарищи, привыкшие шататься по лесам, все так же неумоимо перемещаются в пространстве. Кажется, что им усталость неведома. И когда он уже совсем решил сесть на тропу, вдруг Володька останавливается прямо напротив проходящей недалеке автомобильной дороги.

– Вот тут они себе облюбовали переход через дорогу, кабанчики наши! – говорит он сгрудившимся возле него охотникам. – Тут они и пойдут, когда мы их погоним.

Он стоит, думает и предлагает:

– На этом месте я бы оставил вас, Виктор Федорович, и, пожалуй, второго стрелка. Чтоб уж наверняка! Да вот товарища Дубравина! Остальные идут за мной! – И добавляет для верности: – Когда мы погоним их через квартал к дороге, они, естественно, попытаются уйти. Вон там, через большую трубу, проложенную под дорогой. И тогда уж вы нас не

подведите!

Дубравин с Шекуновым молча глядят вслед уходящим охотникам. Потом начинают осваиваться на месте. Дубравин чувствует огромное облегчение – не надо больше никуда идти. Можно наконец присесть. И обессиленно присаживается тут же.



«Неандерталец» чувствует себя, судя по всему, намного лучше. Он внимательно оглядывает позицию. И предлагает слегка сдвинуться правее. Метров на двадцать:

– Оттуда обзор лучше. Видно хорошо сам лаз. Да и стрелять, если они побегут, сподручнее.

Дубравин сильно раздражен этим гигантским переходом и, как он считает, ничем не обоснованной самонадеянностью Озерова:

– А с чего он думает, что кабаны побегут именно по этому лазу? С чего им бежать? Тут кругом простор. Им тут бежать совсем не с руки! Простоим тут зря! Как идиоты!

Но все-таки поднимается с насиженного места и переходит туда вместе со своим старшим товарищем.

То они мучились – догоняли. Теперь начали мучиться по-другому – ждать. Время словно растянулось, как резина. Первый час тянется целую вечность.

От нечего делать завязался разговор. Кто? Да что? Да почему? Так перескакивали с темы на тему, пока не наткнулись на больное. На приватизацию. Вот Виктор Федорыча и прорвало:

– Блин! Чубайс раздает ваучеры. И кому, на хрен, они пойдут на пользу?! Алкашня, ханыги уже продают их за бутылку. А эти, суки, жида и спекулянты, скупают. И на них покупают предприятия. Понасоздавали каких-то чековых инвесторов, каких-то шарашкиных контор и мутят воду...

Дубравину становится интересно. А как мыслят приватизацию «красные директора», к коим, несомненно, относится его собеседник:

– А как, по-вашему, надо сделать?

Шекунов перекладывает свое итальянское ружье из руки в руку и рубит широченной ладонью воздух:

– Или оставить все в государственной собственности, или поделить между работниками предприятий по справедливости!

– Виктор Федорович! А по справедливости – это как?

– Только между работниками предприятия, чтобы никто со стороны не мог ничего скупить. Сделать закрытое акционерное общество. А после акционирования собрать их в холдинги. Чтобы все было управляемым...

«Да, очень похоже на то, что происходило у нас в газете. Не отдадим проклятым коммерсантам ни кусочка родного предприятия! Поделим между собою! Но только с одним отличием. У нас делить нечего! А здесь, даже на его предприятии имущества, станков, зданий на миллиарды. Ему есть, за что биться!» И Дубравин спрашивает так, чтобы проверить свою догадку:

– Виктор Федорович! А у вас кооперативы есть на предприятии?

Странно даже видеть тень смущения на этом цельном лице.

– Есть! – отвечает директор, поглядывая одним глазом на тропу. –

Давно уже. Еще с восьмьдесят шестого. А что? У всех есть! И у нас тоже!

– Да ничего! Я так! – вздыхает Александр.

«Теперь-то все понятно, – думает он. – Через кооператив, завсклад, магазин он уже накопил какую-то сумму. И ждет приватизации. Чтобы выкупить предприятие для себя. А тут чековые аукционы с некоторой долей вероятности, что кто-то влезет в его вотчину. Вот он и злится. Боится! Сегодня завод ему принадлежит де-факто. Хочется закрепить его за собой де-юре. А тут мешают всякие чубайсы да кохи! А если все останется в трудовом коллективе, о котором он сейчас так печется, то через пару-тройку лет у коллектива он все заберет. Или выудит добровольно-принудительно. Издаст приказ – кто акции мне не продает, того уволю! И отдадут. Как миленькие! Сами принесут. На блюдечках с голубыми каемочками...»

– И такая байда сейчас по всей стране, – вслух произносит он.

– Во-во! – отвечает ему «неандерталец». И неожиданно во всю глотку орет: – Проглядели!

Действительно, пока они вели тары-бары-растабары, два крупных кабана, похожих на два рыжих движущихся комода на четырех ножках, перескочив по трубе через дорогу на эту сторону, увидели охотников раньше, чем те заметили их.

Шекунов тянется за ружьем и уже теперь шепотом говорит Дубравину:

– Чё стоишь, стреляй!

Но пока ошалевший Дубравин дрожащими руками снимает ружье с предохранителя, пока вскидывает его к плечу, животные кидаются в разные стороны.

Дубравин целит в того, что покрупнее. Но кабан, видимо, сообразив, что сейчас грянет выстрел, кидается, обходя охотников слева, к спасительному лесу. И начинает делать гигантские скачки. Вверх – вниз, вверх – вниз. Так что Дубравин никак не может взять скачущую мишень на мушку. Понимая, что зверь уйдет, он стреляет просто наугад. И мажет. Со вторым выстрелом медлит, стараясь получше прицелиться. И в этот миг в дело вступает Шекунов.

Не останавливаясь ни на секунду, он раз за разом разряжает магазин.

– Дух! Дух! Дух! Дух! – четыре выстрела подряд. Последний, пятый, сливается со вторым «залпом» Дубравинской «пукалки». Но увы. Кабан скользнул в лесную чащу. И они остались стоять на опушке. С разинутыми ртами.

Куда делся второй – горе-охотники так и не поняли.

Буквально через минуту из трубы появляется потная, чумазая

физиономия Володьки Озерова. Подскакивает к ним:

– Стреляли! Где добыча?

Оба виновато разводят руками.

– Разини! Прозевали! – накидывается он на них. – Засранцы! Я вас поставил на самое верное место! А вы... Небось лясы точили? Я ноги до жопы стер, пока их гнал. А вы тут! – В отчаянии он швыряет на землю свою шапку.

Горе-охотники стоят как обкаканные. Дубравин чешет затылок, видя такое неподдельное Володькино горе.

– Ну ты! Васильич! – наконец подавленно говорит Шекунов. – Не переживай так! Может, мы и попали – надо посмотреть.

– Да, надо пройти посмотреть. Он в лесок ушел.

Володька мгновенно берет след. И, о чудо! Метров через пять, уже в лесу, он замечает несколько капель крови. И каким-то звериным чутьем понимает – кабан где-то рядом.

– Стой! – поднимает палец вверх. – Тихо стоим. Он ранен. Может накинуться. Вылететь из кустов. Вы зарядите ружья-то! А то будете отмахиваться прикладами... А он злющий... Выскочит на тебя – загрызет!

«Как будто на тебя не кинется! Откуда такая уверенность?» – думает Дубравин.

Идут дальше. Кровавых пятен становится все больше. Целая дорожка.

– Да, вот он! – слышится впереди голос Володьки. – Здесь в кустах лег. Готов. И добивать не надо.

Подошедшие охотники видят распростертое тело зверя с вытянутыми передними и задними ногами.

– Матерый! – уважительно тыкает железным стволом в торчащий из пасти острый костяной клык Шекунов. – Но не вожак! Второй, похоже, был...

– Килограммов сто восемьдесят, – замечает Озеров.

Постояли, унимая нервную дрожь в руках и коленках.

– Ну давай, берем его за ноги и тащим к дороге, – командует Володька.

Дубравин и Озеров хватают кабанчика за передние ноги и тащат по лесу, поближе к дороге. Вытащили.

Бросили. Володька осматривает тушу на предмет попадания.

– Похоже, в него попал пулей «полевой» Виктор Федорович. Вот входное отверстие. В живот попал! – и он склоняется над грязно-ржавым шерстяным боком, отыскивая следы выстрела. – А вот и выходное. – Володька пальцем отодвигает шерсть, показывает на дырку в толстой кабаньей шкуре.

Где-то вдалеке хлопают выстрелы.

– Это карабин Сергея! – на слух определяет Озеров. – Пытается взять второго, которого вы упустили! Что-то я устал сегодня! Присяду.

Дубравин постоял немного. И тоже присел рядом. Краем глаза он смотрит на Озерова. И только сейчас видит, как он измотан, как осунулось его лицо. Тяжело, ходуном ходят тощие с ребрами бока.

«Достаются ему эти погони! – с жалостью и любовью думает он о друге. – Попробуй поносишь вот так по лесам!»

Где-то через час приезжает машина. Пока грузят кабанчика, уже слегка остывший Аксентов рассказывает, как взял второго – того, что ушел от них:

– Он драл вдоль дороги. Я увидел – и за ним! Бегу, на ходу прикладываюсь. Раз, другой, третий! А он, гад, все бежит и бежит! Вижу, что попадаю. Но куда? В зад. После очередного заряда он дернул ногой. И как подкошенный упал...

– Ну, вот тебе и отрежем эту ногу, нашпигованную свинцом! – ржет Митрич в белую бороду. – Мотри, зубы не переломай!

Так, перекидываясь прибаутками, доезжают они до места, где остались черный тонированный джип и «буханка».

Здесь прощаются с Шекуновым. Перед тем как ему укатить, выпивают по маленькой. И «неандерталец» значительно произносит вместо тоста:

– Ну вот, ребята! С почином нас! Кооператив заработал! На следующей неделе ждите первых гостей. Приедут мои друзья из Москвы. Не оплошайте!

* * *

Вечером дома у Володьки Надежда подает черное лесное кабанье мясо.

– И как ты его сумела сделать таким мягким? – спрашивает Александр. – Я думал, его не укусишь.

Явно польщенная, она отвечает не сразу. Но с гордостью:

– Я его вымачиваю в специальном растворе. Секрет еще из Кургальдшино привезла.

– Дай мне рецептик! А то мне тоже ногу отрезали. А что с ней делать – ни я, ни Танька не знаем!

– Напишу обязательно!

– Точно не укусишь, – подает голос сам хозяин. И звякает об тарелку

круглой восьмимиллиметровой картечиной. – Поздравляю! – обращается он к Сашке. – Ты тоже в него попал!

Все как диковинку разглядывают лежащий на белой фарфоровой тарелке мятый свинцовый шарик.

Весь этот ужин у Дубравина не выходит из головы разговор с Шекуновым о заводском кооперативе и идущей приватизации народного добра: «Все сейчас стремятся ухватить свою долю. Торопятся. Один я, как идиот, вкальваю за двести долларов. И мечтаю черт знает о чем! Надо мне поговорить с ребятами. Они-то являются учредителями, совладельцами агентства «Завтра». Я для этого агентства делаю хренову тучу разных дел. А отдачи никакой!»

– Давайте выпьем за Россию, за нашу историческую Родину! За нашу землю! Отсюда нас уже никто не сможет вытеснить! – произносит очередной неожиданный тост Володька Озеров. И тянется тяжеленьким хрустальным стопариком к нему.

Разговор, как водится, течет об охоте, о приметах. Каких-то не до конца понятных для того же Дубравина вещах.

– Ты понимаешь, – упрямо гнет свое захмелевший и зарозовевший Вовуля. – Если бы леший меня не просветил, не повел правильным путем, не быть бы нам с добычей. А я перед тем, как идти в лес, принес ему жертву. И попросил вывести нас на зверя. Потому что прошлый раз он, чур меня, гад такой, не дал нам добычи...

«Это он всерьез, что ли? Или придуряется?» – не зная, как реагировать на Вовулины слова, думает Александр. Но чем больше он вслушивается в его монолог, тем больше всерьез верит во всю эту чертовщину. А дальнейший разговор показывает, что Озеров знает, кроме лешего, еще множество загадочных персонажей, на которые то и дело ссылается.

– Корову хотим завести! – рассказывает о своих делах Надежда. – Молоко из магазина стало невозможно пить!

А Вовуля поддакивает:

– Да, да! Только надо спросить у Волоса. Волос, он покровительствует животным домашним.

– Н-е-ет! – замечает, отрезая еще кусочек ноги гостю, жена. – Это дело домового.

– Домовому это неподвластно! Каждый отвечает за свой участок, – пьяно упирается хозяин. – Берегини, например, отвечают за свое...

И Дубравин, наконец, соображает, что жизнь в лесу, привычка наблюдать за его обитателями в какой-то момент привела Озерова к попытке понять, объяснить, увидеть по-новому мир, в котором он живет.

И тут на помощь ему пришла деревня. Здесь еще много чего осталось: оборотни, домовые, лешие, колдуны. Такая колдунья и просветила его, подтолкнула.

Выросла у Вовки на руке большая бородавка. А бабушка божий одуванчик обвязала эту штуку ниточкой. Завязала узелком. Да и пошептала над нею. А когда взяла денежку, сказала:

– Поноси, милый, с недельку этот узелок!

Он неделю поносил. А эта штуковина возьми да и отсохни! И отпала сама собою. Осталось на руке только белое пятнышко.

Стал Вовуля захаживать к старушке. Поговорить, побеседовать со столетней подружкой о том о сем. Узнал он от нее много нового о Перуне, о Хорсе, о навьях и русалках...

И стал с тех пор Вовуля верить в чур, как в детстве. И в случае необходимости оберегаться повторял присказку:

– Чур меня! Чур меня!

И надеется он теперь не на советскую власть, не на демократию, а на Перуна, Дажьбога, Мокошь, Волоса, Сварога...

V

Коробка была большая и красивая. Ее принес кучерявый мальчик в спецовке, приехавший на фургончике с рекламой на кузове в виде надкушенного яблока.

Он осторожно занес ее в кабинет директора и поставил на стол:

– Распишитесь в получении!

– А что здесь? – уткнувшись в помятую квитанцию взглядом, спросила глухим, грубым голосом бой-баба Варька Чугункина – ныне директор представительства молодежной газеты.

– Это компьютер фирмы «Макинтош». Прислали из Московского представительства для вас, – тоненьким голоском ответил мальчик. – Да вы расписывайтесь! Мне ехать надо по другим заказам! – нетерпеливо добавил он.

Вздыхнув, директор расписалась.

Галина Шушункина, сидевшая рядом за соседним столом, так и подскочила с места, когда Варвара, наконец, освободила красавец монитор, а затем и принтер из бумажных объятий.

Это было изделие!

Подруги с некоторой долей изумления и одновременно страха смотрели на чудо техники двадцатого века.

– И как же это все работает? – задумчиво спросила саму себя директор.

– Я разберусь! – ответила ей Галинка, открывая красивую блестящую книжку с инструкциями, напечатанными на пяти языках. – А вот и на русском есть! Здесь еще должны быть клавиатура и какая-то «мышка». Что за мышка? Что за чушь? – сама себя спросила Шушункина и, присев снова на свое рабочее место, углубилась в чтение.

– И куда его теперь девать? – задумчиво осмотрев свой маленький кабинетик, задала вопрос директор.

– Поставить ко мне на стол! – отозвалась Галинка.

– Ну так и быть! Забирай!

Уже через неделю Галина освоила основные функции чудо машины. И ей, как человеку и художнику, открылись новые горизонты. Потому что «Макинтош» мог делать буквально все: печатать и выводить тексты, верстать полосы, делать графику и рисовать.

В старых типографиях еще звенели, отливая строки в металл,

линотипы. Еще стояли с шилом в руках, исправляя ошибки, чумазые верстальщики, а здесь в чистоте и на самой современной базе делали новые полосы, загоняя рекламу в цвет, а нетленные строки журналистов в электронный мозг машины.

Поднималась где-то далеко на Западе волна новой технологической революции, но молодежка не отставала, а намного опережала все отечественные издания в деле технического перевооружения.

Галинка с головою окунулась в это новое для себя дело. Талант и чутье художника оказались востребованными на все сто процентов. А компьютер позволил ей реализовать самые смелые фантазии и находки в оформлении.

Жизнь начала налаживаться на новой основе. Если бы не одно но...

С детьми у них с Владом, как говорится на новом жаргоне, была напряженка. Их, попросту говоря, не было. И не намечалось.

Но не такой она человек, чтобы отказаться от своей мечты. Женщина может казаться наивной, расслабленной и инфантильной, когда дело касается многих вещей, значимых для мужчины. Но если уж дело касается ее коренных интересов, то она «в узел завяжется», чтобы их отстоять. И острый, пронырливый женский ум всегда найдет лазейку, даже в самой безвыходной ситуации.

Нашлась она и здесь. «Непорочное зачатие» – так про себя окрестила Галинка новый, только что изобретенный учеными метод получения детей – «из пробирки». О нем она прочитала в журнале. И вдохновленная такой славной перспективой, решила отправиться в Москву в только что открывающуюся поликлинику.

Испросив у начальства командировку «в центр» для повышения дизайнерской квалификации, она ранним весенним утром уселась на автостанции в автобус, направляющийся в столицу.

Уже на выезде из города дорогу им преградил солдат в черном комбинезоне и белой каске, в крагах и с полосатой палочкой в руках. Он по-хозяйски стоял посреди дороги и указывал старенькому коричневому «Икарусу» путь к обочине.

– Эй, водила! Почему не едем? – с акцентом спрашивает полного – не обхватишь, водителя ее сосед по сиденью, давно небритый армянин.

Водитель оборачивает в салон круглое с двойным подбородком лицо и неожиданно зло и резко кидает:

– Что? Не видишь, что ли? Десантники идут!

И действительно, через минуту начинает нарастать и постепенно захватывает все пространство вокруг тяжелый грохот гусениц. С автобусом равняется, а потом обходит его колонна бронетехники. Они стоят на дороге,

а мимо них одна за другой проносятся боевые машины десанта – «коробочки», как в просторечии называют их туляки. Молодые ребята в танкошлемах и голубых беретках с автоматами и без выглядывают радостно из люков, осматриваются по сторонам.

«Как же вырвались из казарм! На свободу, – с завистью и даже некоторым восхищением думает об этих кентаврах она. – И куда это их понесло?»

– На учения пошли, – словно отвечая на ее мысленный вопрос, замечает сосед. – Эх, не было их в Баку, когда нас там убивали...

«Да, тревожно и сейчас в стране. Неладно как-то все. Еще вчера все кричали: “Ельцин, демократия!” А сегодня сцепились бывшие соратники за власть. И кто прав, кто виноват, нам, простым гражданам, понять не дано. Вроде все говорят правильные слова...» – на этом мысль ее прервалась, а затем вернулась на привычный круг – о работе, о муже, о желанном ребенке.

* * *

«Лаборатория экстракорпорального оплодотворения»... – Шушункина долго пыталась прочитать прибитую к двери табличку, но так и не смогла правильно назвать это манящее и одновременно пугающее слово. Однако слова словами, а белые халаты медсестер и врачей, белые стены института материнства и детства как-то приободрили ее и обнадежили.

Вдоль стены на стульчиках сидит несколько женщин весьма зрелого возраста. Одна черноволосая, носатая, похоже даже с мужем. Очередь двигается медленно, задумчиво. Но она терпеливо ждет. А что ей остается?! На той неделе, когда она объявила Владу, что поедет в Москву, он как-то виновато, по-собачьи преданно глянул на нее. И проговорил:

– Ну что ж, поезжай, попробуй!

Что ни говори, а это шанс. Найти свое семейное счастье, не разрушив того хрупкого единства, которое еще есть у них с мужем. Пока еще есть.

Наконец, дошла и ее очередь. Вышедшая из кабинета фифа-медсестра в тончайшем белом халате и на каблуках по карточке прочитала ее фамилию с ошибкой:

– Шушикина Галина Васильевна!

– Шушункина, а не Шушикина, – сердито поправила она сестру.

Та в долгу не осталась. Так презрительно зыркнула на нее, что Галинка

предпочла без слов и жестов просто юркнуть в приоткрытую дверь.

И облегченно выдохнула, увидев пожилую женщину врача. Важная, пепельно-седовласая дама в больших роговых очках что-то пишет в карточке и, не отрываясь, кивает ей:

– Присаживайтесь!

Галина рада тому, что врач – женщина. Мужчины-гинекологи напрягают ее. Она так до конца и не научилась не стесняться их.

Присела на краешек стула. Подала доктору свою папку с документами: разного рода справками, заключениями, выписками и рентгеновскими снимками. Врач принялась неторопливо листать ее анализы и диагнозы. Потом начала заполнять свой собственный формуляр.

Пока она листает и пишет, Шушункина разглядывает кабинет. Особенно потрясает ее отлитый в натуральную величину, наверное, из бледно-розового пластика женский таз в разрезе со всеми внутренними органами, включая родовой канал и матку.

– Ну, девушка! – наконец отрывается от писанины доктор и смотрит на Галину из-под очков так внимательно, словно ищет что-то. – Ребеночка хотите?

Та молча кивает.

– Наши услуги стоят дорого, – замечает доктор.

Галинка даже опешивает от такого заявления. Впервые она сталкивается с рыночной экономикой в таком простом и доступном варианте. Она, конечно, знает, что «непорочное зачатие» на сегодня – новая, а главное, платная услуга, но ей как-то непривычно слышать это от врача. У нее все еще присутствуют иллюзии по поводу гуманизма и бескорыстного служения медиков.

– Я знаю! – односложно отвечает она.

– Ну что ж! – убедившись в платежеспособности клиентки, доктор, которой, видимо, тоже внове общаться в деловом стиле, возвращается к своим прямым обязанностям. – Если хотите, то придется потрудиться и потерпеть. В общем и целом-то ничего особо сложного на сегодняшний день для медицины в вашем случае нет. Если не переходить на медицинские термины, то весь процесс заключается в том, чтобы поместить сперматозоид вашего мужа в вашу яйцеклетку. Оплодотворить, так сказать, искусственно. В нужный момент, когда ваш организм выработает эту самую яйцеклетку, мы можем произвести эту манипуляцию...

В чинную обстановку чистенького кабинета, где люди беседуют о самом главном, неожиданно врываются посторонние. На пороге рисуется

все та же, но чем-то испуганная, молоденькая фифа-медсестра:

– Изольда Ивановна! Включите радио!

– Что вы, милочка, врываетесь во время приема? – строго спрашивает ее врач. – Вы что, Верочка, порядка не знаете? Что вы себе позволяете?!

– Верховный Совет объявил, что будет голосование за импичмент президенту. Сейчас начнет выступать Руцкой, а потом Хасбулатов...

– Какой еще, к черту, импичмент? – И куда только делась снисходительная вежливость доктора. – Как они уже всем надоели! Власть делят. Скорее бы уже друг друга сожрали! А вы, милочка, – после выплеска Изольда Ивановна вернулась к прежнему тону, – перестаньте пороть горячку и займитесь своими прямыми обязанностями. Проследите, чтобы как следует стерилизовали инструменты. А то сегодня у нас там новенькая на этой процедуре.

Обиженная Верочка закрывает дверь с внешней стороны.

А доктор, слегка поправив пышную седую прическу, недовольно добавляет ей вслед:

– И какое нам дело до всей этой политической трескотни? Наше дело – рожать детей. Ну-с, продолжим...

Она откладывает в сторонку формуляр и ручку и вдруг так по-женски доверительно наклоняется к Галинке и по-матерински просто говорит:

– Понимаете, Галя! Мы, конечно, можем сделать то, что вы просите. И может быть, это даже получится. Но я вам как женщина женщине, а не как врач, скажу. Сперматозоиды ослабленные. И каким будет потомство, мы с вами предсказать не можем. Ведь в природе побеждает сильнейший. Может, вам помог бы другой донор? – Тут она поверх очков лукаво, понимающе глянула на покрасневшую Галину и добавила: – Хотя тогда и мы вам, возможно, не понадобятся.

И через секунду она словно опять скрылась за своими большими очками и уже как врач продолжила консультацию.

– Конечно, вашему мужу тоже надо готовиться. Что он ест у вас? Ему надо изменить режим питания. Овощи, фрукты. Я вам сейчас напишу, что ему надо употреблять.

VI

«Знатный получился альбом! И Москва такая красивая! Ни в сказке сказать, ни пером описать. И как они это сделали? Вот “Детский мир”. Ведь на самом деле вокруг него такая гигантская барахолка!

Великая сила искусства! Я каждый день проезжаю мимо этого места. И не замечаю там красоты. А здесь. Да, технология позволяет создавать какую-то новую реальность. Красивее той, что видит человеческий глаз!» – Дубравин отодвигает в сторону лощеный альбом и оглядывается вокруг. Зал приемов московской мэрии весьма впечатляет неискушенного зрителя. Белые с позолотой и алой бархатной обивкой стулья. Столы для фуршета, полные изысканных деликатесов: креветки, кусочки красной рыбы, грибы, севрюжина с хреном. А со стен на все это изобилие смотрят строгие портреты градоначальников, начиная с царских времен и заканчивая нынешним – Лужковым.

«Демократы» быстро привыкли к хорошей жизни. Освоились в сановных кабинетах. И уже хотят, чтобы им сделали красиво. Вот как, мол, мы управляем столицей. Расцвела под нами матушка-Москва», – думает он, разглядывая пестрое общество, собравшееся на презентацию альбома, сделанного в редакционно-издательском центре молодежной газеты. Не зря Андрей Паратов столько сил вложил в новые технологии. Результат превзошел ожидания. Компьютерная верстка, цветоделение, новый художник Василий Челкашов выполнили заказ мэрии на «отлично».

На мероприятии то там, то здесь мелькает в толпе лысая голова мэра. Что ни говори, а живчик, да и только. Правда, на портрете он солиднее, весомее, что ли.

А это кто? В шапке с крестом и с ликом ангельским на груди. Это же новый патриарх! Не Пимен. Тот был суровенький. А от этого идет какое-то мягкое свечение. Светлый человек. Ласковый патриарх. Рядом с ним черноризный монах – лицом лукавый и бородатый – выглядит анахронизмом.

Светское мероприятие. Ну и, соответственно, все общаются. Говорят. О том о сем. Рядом с Дубравиним за фуршетным столиком стоит сын Райкина, Константин. Ест семгу на палочке. Попивает красное винцо. Рассказывает театральные анекдоты. Им весело. К их столику подгребает Петр Чулёв. Одет весь с иголочки. В английском костюмчике. При галстучке. Лицо такое постненькое. Губки бантиком, ручки сложены на

животе. У него свой закидон – он хочет в Европу. Даже язык взялся учить европейский.

Чулёв по-товарищески говорит Дубравину:

– Сань, а что ты все ходишь в одном и том же? Здесь вроде презентация. Посмотри на Паратова. Красавец!

Именинник действительно тоже хорош. Благообразное лицо. Черный костюм. Галстук-бабочка. В очках с роговой оправой.

А Дубравин действительно приотстал. И выглядит, как бизнесмен первой волны. Зеленые брюки-саксы. Цветная рубашка. Кожаная куртка. Для актера – ничего. Для крупного руководителя – не очень. Можно считать, что старший компаньон сделал ему замечание.

– Вить, – отвечает Александр, – это не от того, что я такой провинциальный ретроград. Детишек двое. Жена не работает. А зарплата у меня, сам знаешь какая. Как когда-то назначили, так и осталось. Не разбежишься. – Помолчал. – Ты сам поднял этот вопрос. Я уже иногда подумываю и о смене места работы... Как-то трудно становится за такую зарплату упираться...

Ответил, как есть. На том и разошлись.

* * *

Под вечер он сидит у себя в кабинете. И читает очередное «письмо счастья». Их теперь много стало появляться у него на столе. Те времена, когда все решалось просто и легко, заканчиваются. Как-то сами собою начали устанавливаться новые правила и порядки. Появился так называемый документооборот. Тут записочка, там отчетчик. А вот уже и бухгалтера тебе что-то подносят на блюдечке. И Гузель подкидывает очередную стопку документов.

– Что я, бумажный червяк какой-то? – злится он, читая синенькую книжку с грифом: «Для служебного пользования». «Материалы дирекции к собранию акционеров. Экземпляр № 204».

Протасов фонтанирует идеями. Рассказывает в отчете о пройденном пути.

Дубравин откладывает этот важный документ в сторону. И достает чистый белый лист бумаги. Ему надо сделать свой отчет. О работе возглавляемых им служб. А у него их больше десятка. Людей не хватает. И каждый из их четверки должен управлять сразу несколькими

направлениями. Так что, кроме регионов, под ним еще и вся рекламная служба молодежной газеты со всеми ее ответвлениями и новыми отделами.

Описывать труднее, чем делать. Но надо. И Дубравин начинает с простых цифр, которые лучше всего характеризуют тот стремительный рост, который идет по всем службам:

«В январе, когда мы только начали работу, было собрано три миллиона шестьсот тысяч рублей рекламных доходов. А уже через девять месяцев их было тридцать четыре миллиона. Получается рост ровно в десять раз.

Неплохо.

Но мы же не только собирали рекламу. Мы еще и продвигали нашу любимую газету, для чего создали специальный отдел с трудно произносимым названием». – Дубравин останавливает бег автоматической ручки по белому полю и старается правильно написать название отдела – “Паблик рилейшенз”. Да, кажется, так. И он продолжает: – По-настоящему его работа была развернута в нынешнюю подписную кампанию. Впервые в истории молодежной газеты она велась в таких масштабах. Осенняя рекламная кампания, проведенная для нашего издания, обошлась в десять миллионов рублей».

Он усмехается, вспомнив лозунг той поры: «Мы удивляем каждый день!» И плакат, на котором изображена красавица фотомодель не с длинными «от ушей» ногами, а с куриными лапками вместо них.

А люди как изменились, когда у них появилось дело! Тихие, скромные девчонки из отдела писем, серые мышки преобразились. И явили народу какое-то новое другое лицо. Москву заклеили сотнями тысяч стикеров с этим чудным слоганом.

«Да, разве все опишешь в коротком отчете! Регионалы тоже себя показали. Только что созданные предприятия, как вновь сформированные штурмовые части, сразу бросались в бой. За тираж».

Он снова склоняется за листком бумаги:

«Невозможно рассказать обо всех нюансах рекламной кампании, которая с размахом велась, кроме центра еще в сорока регионах страны. Можно только подвести итог и сказать, что в этот раз нам удалось с помощью чрезвычайных усилий приостановить падение тиража. Но не только это. Там, где работают мощные предприятия, тираж еще и вырос. В Самаре, например, почти удвоился!»

Чего они только не делали для этого. Высвобожденная творческая энергия людей преобразует все!

Сейчас в заголовке у Дубравина новая идея. Организовать ночную доставку газеты из Москвы в ближайшие областные города. Создать свое

«золотое кольцо». Уже закуплены три автомобиля. Ему теперь нужен сюда человек с «горящими глазами», готовый взяться за дело.

Ощущение жизни такое, что он находится в каком-то бурлящем потоке. Его несет, как в юности на плоту с друзьями.

И как они теперь? Вспоминает:

«У каждого своя река.

Амантай делает карьеру. Толька все воюет неизвестно с кем. Андрей потерялся. А Вовуля подался еще дальше – в леса...

А я? Я строю новую жизнь! Только непонятно, для кого. Для новых хозяев. Для товарищей. Тех, кто застолбил поляну первыми. Но почему я не могу быть среди них? Чем я хуже?»

На столе звонит телефон.

– Слушай! – раздается хриплый голос Протасова. – Тут такое дело гнусное открылось. Ты зайди ко мне...

Встал. Оправился. Пошел.

В тесном кабинете Протасова, полном всяких кооперативных чудес, уже сидят с постными физиономиями Чулёв и Паратов. Здравуются. И слегка недоумевают. Только встречались утром. Вроде все вопросы порешали. А тут снова собираемся. Зачем?

Заходит дерганной походкой сам. Горбит вислые плечи. Снимает пиджак. Бросает на спинку одноногого кожаного кресла. И наконец, выкладывает по обыкновению резко:

– Обворовывают нас ваши партнеры! Козлы вонючие! Вот письмо нашего человека пришло из города Челябинска. Там Мурдаков украл и продал налево два вагона газетной бумаги. Нашей бумаги!

Немая сцена, как в «Ревизоре».

– Как?

– Почему?

– Кто дал?

Недоумевают все.

– Он же инициатор регионального движения, – удивляется Чулёв.

– Да я с ним недавно разговаривал по телефону, – замечает Дубравин. – Он мне показался вполне лояльным и вменяемым.

– Ребята, дело не в этом! И даже не в нем самом, – возражает Протасов. – Мы берем людей с улицы. И какие это люди – толком понять не можем.

– А откуда их еще брать? – риторически вопрошает Дубравин, чувствуя, что сейчас Протасов начнет искать виноватого. Хотя Мурдакова (чудная фамилия) привечал сам Володька. – Только само дело может

показать, кто есть кто. Дело и время!

– Но пока мы так будем сидеть и перебирать людей – останемся без штанов, – злится Протасов.

– При этом они, конечно, еще и будут рассказывать, какую великую пользу они нам принесут. Глумиться будут над нами. Считать дураками. И если мы сейчас, с первого раза не пресечем этот беспредел, то непонятно, как дела могут пойти дальше. Я считаю, что мы должны с ним разобраться по всем параметрам, – произносит длинную тираду Чулёв.

– Что значит – по всем параметрам? – задает вопрос Протасов.

Наступает неловкая тишина. Все четверо понимают скрытый смысл сказанного. Сегодня ситуация сложилась такая: власти в стране нет. Нет действующей милиции, прокуратуры, суда. Дела решаются по понятиям. И самый эффективный способ – нанять бандитов. Те вернут деньги. Кстати говоря, среди них полно бывших ментов, спецназовцев, военных. Служивый народ, который перестало кормить государство, вышел на вольные хлеба. Но тогда – прощай то светлое будущее, о котором они все мечтают. Связь с бандитами просто так не оборвется. Тут начинает действовать принцип «ты мне – я тебе». Услуга за услугу. Завтра они попросят молодежную газету... Да мало ли чего они попросят!

Но и оставлять воровство безнаказанным нельзя.

– Ну, что будем делать? – еще раз повторяет сакраментальный вопрос Протасов.

– У меня есть ребята знакомые. Живут со мной в одном поселке, – продолжает гнуть свою линию Чулёв. – Можно с ними поговорить...

Что-то изнутри толкает Дубравина. И он даже неожиданно для себя твердо заявляет:

– Мы не бандиты!

И, кажется, эта фраза, наконец, ставит точку в их общих сомнениях и размышлениях.

– Ну, давайте тогда так! – решительно и резко подхватывает тему Владимир Протасов. – Создаем собственную службу безопасности из бывших офицеров милиции. Тут ко мне недавно двое приходило молодых ребят. Пусть они едут на место. Разбираются. Снимут с этого козла объяснительную. Кто ему помогал здесь, в Москве? Так же не бывает, чтобы он без сообщников обошелся...

– И то дело! – облегченно вздыхает Андрей Паратов. – Мурдаков все же зачинатель движения. Выжать его, конечно, надо. Подонка такого! Отобрать, отсудить все, что можно. Завести дело. А там – как пойдет. Конечно, придется заплатить нашим brave правоохранителям. Но

«мочить» его не надо. Тогда мы навсегда потеряем регионалов. Не будет уже того доверия и драйва.

На том и порешили.

Стали расходиться.

– Сань, давай поговорим! Зайди ко мне! – Чулёв в коридоре остановил бег Дубравина по ковровой дорожке.

Ну что ж, зайти, так зайти.

Кабинет у Петра Чулёва хороший. Светлый, строгий. Он тяготеет к Европе. Во всем. Поэтому у него секретарша со знанием английского. Да и сам он взялся его осваивать. Машина – подержанный, но «мерседес». И ищет он партнеров за границей. Чтобы помогли инвестициями их издательскому делу.

Виктор – парень дипломатичный. В отличие от Протасова никогда не лезет на рожон, не закипает. Физиономия у него постная. Но внутри... В душе... Не зря говорят: «В тихом омуте черти водятся».

Пригласил секретаршу. Маленькие мужчины обожают больших женщин. Татьяна – роскошная, мощная, видно, что горячая кучерявая брюнетка. Принесла дымящийся кофе, какие-то иноземные крекеры.

– Слушай, Саня! Мы тут с Протасовым подумали и решили сделать тебе предложение. Работаешь ты нормально. Человек вменяемый. Вступай в наш кооператив. Будешь вместе с нами учредителем рекламно-информационного агентства «Завтра», – и хитро щурится, поглядывая на Дубравина: «Что, мол, не ожидал? А мы вот такие. Друзья-товарищи!»

Но Дубравин давно ожидает чего-то подобного. И ему лестно, что его заслуги наконец-то оценили. Собственно, в данный момент никаких материальных благ от участия в этой самой фирме, ясное дело, не получишь. Это скорее моральное поощрение. Но душу греет. Хотя есть у него в ней, в душе то есть, одна заковыка. И он старается донести ее до Чулёва:

– А Андрей Паратов? С ним-то как? Вступит в ваше товарищество? Он ведь тоже пашет. Не жалеет сил. Редакционно-издательский центр строит. Двигает технологии. Как я ему буду смотреть в глаза? Я вроде вхожу в состав совладельцев, а он? Чем он хуже?

– Ну, этот вопрос мы не рассматриваем, – заминается Чулёв.

Помолчав и подумав, Дубравин говорит:

– Без Паратова мне лучше не вступать в учредители...

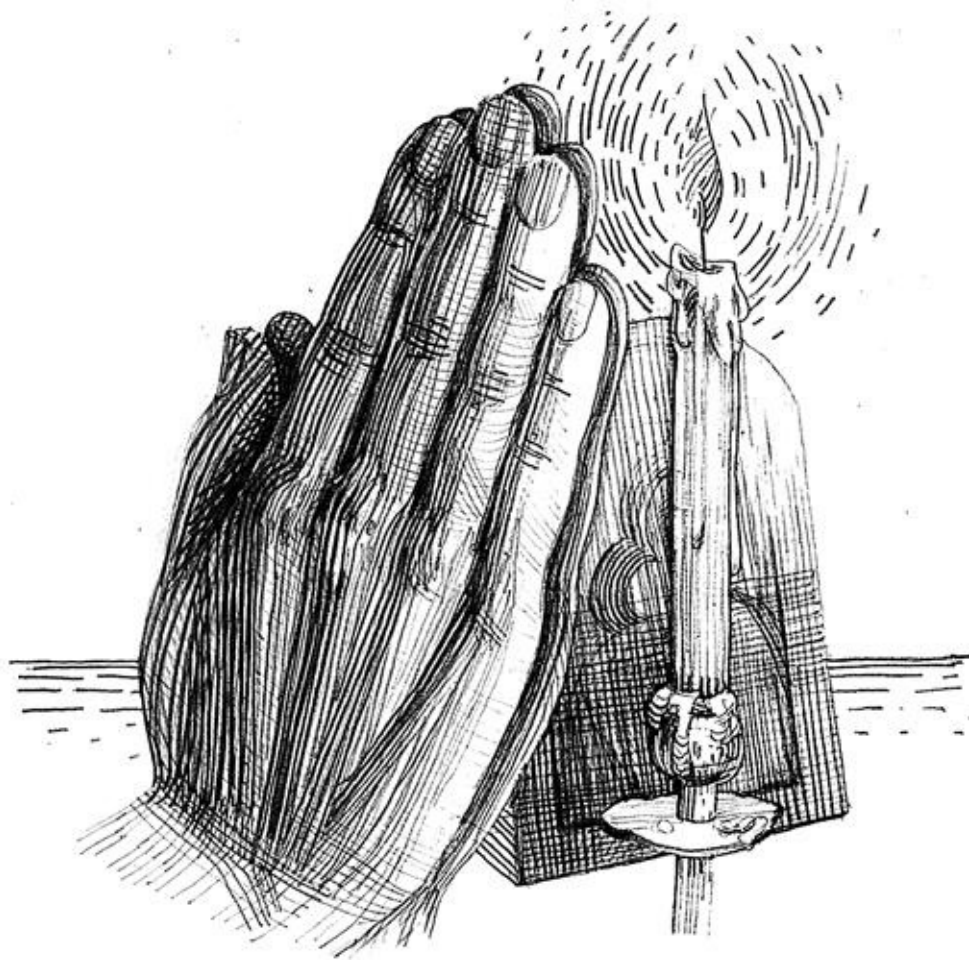
– Ну что ж, я поговорю с Протасовым. Но ты учти, что тогда долю, которую мы предлагаем тебе, придется поделить на двоих. Тебя и Андрея.

– Я не жадный! – только и находится что ответить Александр.



Часть V

Поминальная песня



I



Симон-фарисей пригласил Христа к себе в гости. Мол, чего же не послушать умного, а тем более известного бродячего философа.

Христос пришел. Но встретили его не слишком радушно. Ноги не омыли, волосы не расчесали и не умастили благовониями.

Много, мол, чести будет для бродяги.

Но тут к лежащему на ложе Иисусу приблизилась красивая женщина.

Плача и смеясь, омыла его ноги слезами и вытерла собственными роскошными волосами. А потом из прекрасного алавастрового сосуда оросила их благовониями. И давай целовать.

А Симон, увидев это, Христу и говорит:

– Значит, ты не пророк, не провидец, раз позволяешь грешнице к себе прикасаться! Был бы пророком, погнал бы ее от себя!

Христос же в ответ спрашивает его:

– У одного заимодавца было два должника. Один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Но так как оба не имели, чем заплатить, он простил долг обоим. Скажи, который из них больше полюбит его?

Симон-фарисей отвечает:

– Разумеется, тот, которому более простил!

– Правильно! Я пришел в твой дом. Но ты меня не приветствовал лобызанием, ноги мне не омыли, маслом не намазали. Потому что ты не веришь. А значит, и не любишь. А она все сделала, как надо. Потому что раскаялась и возлюбила. Сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много! А кому мало прощается, тот мало любит.

II

Полнолуние. Бессонная ночь. Горы за спиной возвышаются темными громадами. А где-то далеко внизу зарево света. Там Алма-Ата. А он завис здесь. Между небом и землею. В гостинице у катка «Медео».

Приехал вечером. Занял самый большой и роскошный, но холодный номер. Решил побыть один. Осмыслить происходящее.

Амантай выходит на широкий балкон номера. Зябко ежится. Прохладно. Ну, да ладно. Садится в пластмассовое кресло. Закуривает. Ставит на стол пузатый бокал с коньяком. И смотрит, потрясенный, в небо. В обыденной городской жизни человек звезды не видит. Некогда смотреть вверх. А тут. Тучи над катком разошлись. И ему открылась Вселенная. Звезды в горах огромные, крупные. Светят ярко. Прямо в душу. Млечный Путь сверкает россыпью алмазов. Рукоятка «ковша» с полярной звездой на конце словно пульсирует в темном небе. Здесь нужно думать о высоком. О вечности. О бренности и тщетности человеческого существования. Но его не отпускают текущие сегодняшние тревожные мысли.

«Зять президента – это уже сама по себе высокая должность, – думает он о Рахате Алиеве. – Наверное, неплохой человек. Помог нам вылечить отца. Сделать операцию в самой лучшей клинике.

Но у нас как-то так стало получаться, что вместо «старой гвардии» – людей, которые с президентом с советских времен, появилась новая – из родственников. По пальцам можно пересчитать тех, кто был с ним раньше. Самый, может быть, интересный из них – это бывший охранник Кунаева. Шабдарбаев. Можно сказать, что он достался ему в наследство. Ну, еще Ни... А остальные?

Вот и Рахат Алиев стал нынче весьма влиятельным человеком. Сначала командовал налоговой службой. Теперь в Комитет национальной безопасности попал. Какая карьера для бывшего врача!»

Вчера они с ним долго говорили. В основном о приватизации госпредприятий. Амантай не мог понять смысл продажи предприятий, даже не продажи, а передачи в руки иностранных компаний. В России отдают своим людям. А у нас почему-то чужим. Чудно! За какие такие заслуги американцы, англичане получают самые лакомые куски – месторождения нефти, газа, медеплавильный комбинат. Официальная версия простая. Они, дескать, платят большие деньги, которых у наших нет. Принесут новые технологии, культуру производства. Так-то оно так. Но

очень уж закрытыми являются эти сделки. Что мы знаем о продаже транснациональному «Шеврону» Тенгизского месторождения? Ровным счетом – ничего!

И лезут, лезут в голову какие-то сомнения, подозрения. Зачем вообще-то продавать предприятия, которые и так отлично работают? Дают продукцию, которая пользуется спросом во всем мире.

Например, Карагандинский металлургический комбинат. Там, в самом начале их государственности, на складах лежало продукции на пятьсот миллионов долларов. И его тоже выставили на торги. Вопросы. Вопросы. Голова пухнет от этих вопросов. И сомнений.

Кто-то стучит в дверь номера. Амантай поднимается из кресла. Выходит с балкона в номер. Открывает. На пороге стоит его верный Ербол. На круглом лице хитрющая улыбка:

– Абеке! Там администратор девочек предлагает. Привести?

– Он что, больной? А ты сам не мог дать ему ответ? – Не то чтобы он против. Опасно это. Кто-то заметит. Пойдут разговоры. А он на виду.

Захлопнул дверь. Взял белый махровый халат в ванной. Закутался. Снова вернулся на балкон. Додумывать невеселые мысли.

Раньше, еще год тому назад, он верил президенту беззаветно и бескорыстно. Сейчас стал задумываться. Ходят всякие разговорчики.

Ох, уж эти разговорчики, эти шептуны. И куда от них, от шептунов, денешься! Все перемешалось. И никак не поймешь – где интересы государственные, а где корыстные личные, частные. Опять же советчики. Вертится вокруг да около некто Гиффен. Американец. Тот же Рахат утверждает, что он из ЦРУ. А президент посмеивается: «Значит, со мною работает само правительство Соединенных Штатов».

Вот и Акежан Магжанович Кажегельдин считает, что не все тут просто и ясно. Он тоже осмелел. Как получил премию в Европе «Реформатор года», так стал иногда позволять себе критиковать самого хозяина. Правда, еще и в том, что этот смуглолицый парень из Атырау действительно, перехватив западные идеи, очень быстро и почти безболезненно провел в республике свои реформы. И стал очень популярным человеком-политиком, настолько популярным, что его боится и сам. Русские с ним вообще связывают многие свои надежды.

Так вот, намерен Акежан Магжанович – премьер-министр республики, так высказался о верховном, что хоть падай, хоть стой. Точные слова он, конечно, не запомнил, но смысл уловил. Не хватило, мол, у него пороку, личности, чтобы соответствовать своему высокому положению. Повел он себя, как слуга, хозяева которого съехали из дома. Принялся таскать

«серебряные ложки».

Да, остёр на язык наш премьер! На что он намекает? На то, что не запросто так уходят западным и восточным «друзьям» активы государства. И злые языки, что страшнее пистолетов, давно говорят о каких-то внебюджетных фондах, куда идут взятки за услуги по передаче предприятий. Многомиллионные, между прочим, взятки».

Глава государства теряет очки. Его команда уже не кажется такой сплоченной. И как в такой ситуации быть ему, Амантаю Турекулову? На кого поставить, чтобы не ошибиться? Все вооружаются. Подтягивают активы. Недаром же дочь президента прибрала к рукам государственное телевидение. И успешно его приватизирует, назвав свой медиа-холдинг «Хабар». Да и зять его идет в рост!

Из-за чернеющей справа горы на небо выкатился круглый диск желтой луны. Здесь, в горах, она светит пугающе ярко. И свет ее, призрачный и холодный, заливают все вокруг, создавая свои собственные тени и полутона. Амантай достает из сумки недавно подаренную ему подозрительную трубу. И наводит ее на эту спутницу земли. Через мгновение после того, как удастся, наконец, установить резкость, он видит перед собою испещренный кратерами каменный диск. Вот истинный облик этой планеты. Просто кусок никому не нужной каменной глыбы. Мертвая она. И ничто ее не оживит.

Думать об отвлеченном не получается. Надо идти спать. Завтра снова день полный суеты. Зачем-то его приглашает к себе верный соратник президента господин Ни. Посмотрим, подумаем. В политике важно не ошибиться. Это непозволительная роскошь. И он ее себе не позволит...

Он ложится на широченную гостиничную кровать прямо в одежде. За дверь по коридору воровато топают чьи-то шаги. После раздаются шепот и легкий женский смех. Наверняка Ербол кого-то привел к себе.

«И что ему нейдет? Уже трое детей, а он все гуляет. Эх, жизнь! Куда ты нас всех ведешь?»

А эти все о своем. Ничем не замораживаются! Все шепчутся и смеются. Так, наверное, проще. Может быть...»

III

Из широченного окна стеклянного здания бизнес-центра четко, как на картинке, видна панорама Лондона. Где-то внизу – закованная в камень и бетон набережная Темзы, башни знаменитого моста. Биг-Бен, неумолимо отсчитывающий своими часами время, оставшееся в распоряжении буржуев. Ажурный камень фасада Вестминстерского аббатства. Королевские гвардейцы в красных мундирах и медвежьих шапках.

А здесь наверху – бесконечные крыши, трубы, шпили, кресты – до самого горизонта.

Все удивляет и потрясает прибывших сюда, в эту цитадель капитализма бывших советских людей. И началось это уже с пересечения границы. Дубравин аж рот раскрыл от удивления, когда увидел на погранконтроле одетую в мундир тощую, сморщенную индианку. За что и пострадал.

Новые британцы не любят, когда на них так смотрят. Целые полчаса это смуглое существо долго и нудно показывало свою власть над белым человеком – темнокожая таможенница доставала разными вопросами, цеплялась к ответам, пытаясь спровоцировать скандал или хотя бы уличить его в желании навечно остаться в Британии. Хорошо, что рядом была переводчица и старалась смягчить, снизить градус этого взаимного недоброжелательства. В конце концов, к ним подошел старший офицер-англичанин. Сразу все понял. И открыл ворота негостеприимного Альбиона.

Позднее Дубравин узнал, что он не единственный, на ком вновь испеченные английские граждане отрабатывают свои комплексы.

Потрясли их всех и двухэтажные красные автобусы, которые, словно движущиеся стены домов, неожиданно появляются из-за поворотов и летят по левой стороне улицы на пешеходов.

Удивляет и профессор Майкл, который учит их основам бизнеса. Высокий, представительный аристократ в костюме «с иголочки» он перемещается по городу не на лимузине, а на мощном ревущем мотоцикле. Потому что так быстрее и удобнее преодолевать пробки.

Профессор сегодня ведет у них семинар. И рассказывает им, неопфитам, удивительные вещи.

– Для чего существует бизнес? – вопрошает с кафедры этот длинноволосый, но с большими залысинами оракул-дженгельмен с

породистым длинным лицом. И сам же отвечает так быстро, что переводчик не успевает за его речью. – Может быть, вы думаете, он нужен, чтобы ваши работники получали зарплату? Или производили нужные народу товары? Отнюдь! Нет! Бизнес существует с одной-единственной целью! Какой?

Весь небольшой зал притихает.

Молодежная газета, организовавшая этот семинар, собрала в Лондоне почти всех представителей регионального движения. Здесь, в цитадели капитализма, молодые предприниматели из России и СНГ учатся основам бизнеса. И сейчас они, подобно каким-нибудь туземцам, робко слушают этого белого гуру, опасаясь пропустить хоть слово из его учения. Никто не осмеливается высказать свое мнение.

Насладившись замешательством и молчанием зала, Майкл встряхивает длинными волосами и торжественно заявляет:

– Бизнес существует только с одной целью! Для извлечения прибыли! И больше ни для чего! Если бизнес не дает прибыли, то это не бизнес, а дерьмо!

Переводчик – бледный юноша в очках, слегка замешкался от такой сентенции. Но потом справился. И перевел правильно.

Дубравин вспомнил Маркса. Откуда эта самая прибыль появляется. И поерзал на своем стульчике. Ибо появляется она в конечном итоге, как писал классик, от беспощадной эксплуатации трудящихся.

Но оказалось, что не все так просто, как учили их на уроках марксизма-ленинизма. И профессор принялся на глазах у всех опровергать это утверждение самым простым и доступным образом.

– Итак, извлечение прибыли, а не сам процесс труда или способ являются главным. Я проиллюстрирую вам этот тезис на конкретном примере!

Пока он так витийствовал, Дубравин осторожно искал глазами молодую англичанку, судя по всему офис-менеджера, которая при входе в зал поразила его такой теплой, можно сказать любовной, улыбкой, что он даже испугался: «Уж не приглянулся ли я ей?» Нашел. Красивая, как фотомодель, ухоженная девушка с простой прической разливала чай для будущего кофе-брейка у столиков в дальнем углу зала. К ней подошел кто-то из персонала. И она встретила его такой же улыбкой.

«Да у них же это профессиональное! – наконец сообразил Дубравин. – За этим ничего нет! Кроме работы. Это ее служебная обязанность так улыбаться. А мы-то дураки!»

Профессор с удивительной и звучной фамилией Диккенс в это время

продолжал вещать с кафедры:

– В пригороде Лондона есть одна фирма, которая уже два столетия выращивает овощи и реализует их через свои магазины и рынки. И вот не так давно их процветающий в общем-то бизнес настиг кризис. В чем он выразился? А в том, что в последние годы жители Лондона полюбили садоводство и огородничество. Стали сами делать грядки и выращивать у себя на дачах свежие овощи. Спрос упал. И по цене профессионалы уже не могли конкурировать с любителями. Ведь садовники-огородники работают сами на себя, без зарплаты и расходов на рабочую силу. Тогда глава этой фирмы пригласил консультанта со стороны. Изложил ему проблему в таком ключе: наши отцы и деды занимались этим делом. Выращивали овощи. А теперь вот наступили плохие времена. Как выжить, как сохраниться? Эксперт попросил время на размышления. И через пару недель предложил: «Сколько вы получали за свои овощи?» Те отвечают: «Миллион фунтов в год». – «Вы хотели бы сохранить свой доход?» – «Конечно!» – «Тогда сделайте так. Разбейте свои поля на участки. И сдайте их в аренду огородникам-любителям. Пусть они сами выращивают овощи. А вам платят аренду за землю. Это, по нашим расчетам, и составит как раз тот самый миллион в год». Такая вот история, – многозначительно продолжал профессор Диккенс. – И в чем ее соль? А она состоит в том, что люди думают, что бизнес – это производство овощей или шитье штанов. А на самом деле, бизнес – это только создание и извлечение прибыли. Способ не важен. Важен результат... Итак, прибыль – это доход от использования труда, земли и капитала. А еще это плата за новаторство, за риск, за талант управленца...

Впечатленные таким на первый взгляд парадоксальным выводом неопиты отправились на перерыв, который здесь называют «кофе-брэйк». И долго еще обсуждали его, пережевывая круассаны и прихлебывая черный кофе из белых фирменных чашек с красным лейблом на боку.

Здесь в знаменитом на весь мир рекламном агентстве группы «Карат» Дубравин изучал не только общие основы бизнеса. Он еще рассчитывал почерпнуть и специальных знаний о рекламе. Ведь и он и его люди никогда этому не учились. И поэтому до сих пор барахтались, как слепые котята, в новом, неизвестном деле. Развитие рекламной службы шло приблизительно по такому простому сценарию.

Приходит к Дубравину (а он еще и директор газеты по рекламе) в голову какая-нибудь идея. Ну, например, «хорошо бы создать отдел платных объявлений». Он вызывает на разговор Машу Точкину из отдела писем. И говорит: «Пусть твои девчонки, кроме разбора мешков с

письмами, начнут собирать от народа объявления. И приработок будет им. И газете польза». Договариваются. И поехали.

Так в газете родились десятки отделов. И постепенно у них стали появляться новые заказчики, которым требовалась реклама не только в молодежке, но и в других изданиях, на радио, телевидении.

Есть потребность – есть услуга. Рекламные отделы стали превращаться в мини-агентства. До поры до времени их самостоятельность никому не мешала. А теперь наступил такой момент, когда они стали конкурировать между собою за клиентов. Сбивать цены. Ломать рынок. Ссориться.

Назрела необходимость реформировать эту службу. Создать полноценное рекламное агентство полного цикла. Здесь, в Лондоне, он и изучает, как функционирует такая структура.

Перерыв закончился, и народ снова лениво потянулся в аудиторию. Впереди у дверей произошла какая-то заминка. Кто-то с кем-то начал обниматься. Послышались радостные возгласы: «Приехали! Наконец-то!» По этому шуму Дубравин догадался, что прибыла делегация из Тулы. «Они опоздали, потому что были какие-то заморочки с паспортами и визами», – механически думает он, шагая по ковровому покрытию к стеклянным дверям зала и попутно разглядывая вывешенные на стенах яркие образцы рекламных плакатов, созданных дизайнерами и художниками знаменитого агентства.

«Эк, какие у них усталые, тяжелые и темные лица», – замечает он, взглядываясь в физиономии вновь прибывших.

«А это что такое? Невероятно! Обман зрения!» – Александр видит Галину Шушункину. И решает, что это просто похожий человек. Ведь было у него такое еще в армии, когда он как-то прямо возле части, в городе заметил девушку, как две капли воды похожую на Озерову. Но тогда он взгляделся в двойника и через минуту, как в детской книжке-раскраске, обнаружил десять отличий. Теперь же он не понимает: «Как это может быть? Как она здесь оказалась?»

А сердце привычно толкнулось, застучало, забилося. Кровь прилила к лицу. Он онемел. Застыл на месте с открытым от изумления ртом. Вот это встреча! Действительно она. Из плоти и крови.

Галинка почти не изменилась. Вся в белом. Тоненькая женщина, стриженная под мальчишку, с огромными, как озерки, глазами. Она смотрится юной девочкой– подростком, неизвестно почему оказавшейся здесь, на взрослом семинаре.

Полная противоположность ей – вторая. Директор. Варвара Чугункина

– молодая, темноволосая, со смуглым, коричневатым лицом, похожая на турчанку. Одета в джинсы и кожаную куртку. Тип омужиченной, взвалившей на себя груз эпохи безвременья русской бабы. Полной страстей и страхов. Готовой «и в Крым и в Рим». Тянущей на себе все неустроенья нашей российской жизни.

Третий – лысоватый мужчина с подвижным лицом. Худощавый и нервный. Видно, что натура тонко организованная и, конечно, сильно пьющая. Явный непризнанный гений. И, конечно, поэт. Он с некоторой долей страха и удивления озирается вокруг – куда это меня женщины притащили? Может быть, ищет собеседников. Может, собутыльников. А скорее всего, и то и другое в одном флаконе.

«Святая троица в Хопре!» – думает о них Дубравин, вспомнив известную рекламу. Но здоровается душевно.

Чугункина, облизывая от волнения сухие губы, начинает рассказывать: – Вот мы приехали. Думали, все сорвется. Но успели. Это мой муж Виктор. А это мой заместитель, наш художник и вообще специалист на все руки Галина Шушункина...

«Теперь уже сомнений нет. Она! Неисповедимы пути Господни. Вот и встретились. Со свиданьем. И что теперь делать? В этой ситуации, может, лучше и не показывать, что мы знакомы? Ей-то это надо? Да и она явно смутилась. Видимо, тоже не ожидала такой встречи. И кто это придумал? После стольких лет разлуки. И где? В Лондоне! Зачем? Почему? И эта вдруг появившаяся словно из ниоткуда щемящая боль в душе. Неужели снова это наваждение? Желание обнять, прижать к себе, спасти, приласкать. Вот оно, то самое! – с ужасом и восторгом думает он. – Да, то самое сладкое и ужасающее сумасшествие!»

* * *

Эврика! Он нашел то недостающее звено в построении рекламного агентства полного цикла, которого ему не хватало. Общий для всех отдел централизованных закупок газетных площадей и эфирного времени. Это даст агентству возможность получать большие скидки и заставит отделы работать по единым правилам. Конечно, предстоит нешуточная борьба. Ведь все привыкли налаживать отношения со сторонними изданиями напрямую, рассчитывая на личные связи и подкуп. Но теперь всем, в том числе и интригану Козьявкину, придется потесниться. Уйти с насиженных

мест. Но, в общем и целом, молодежка выигрывает и на этом фронте борьбы за прибыль.

Теперь, по возвращении в Москву, задача номер один – найти человека, который возьмется за организацию такой службы. И сумеет поставить на место с его помощью всех, кто будет сопротивляться. И работа эта сложная. Но и хлебная. Тут требуется характер.

Восторг переполняет Дубравина. Не зря он съездил в Лондон: «Только вот кому доверить этот отдел в нашем взбаламученном и взлохмаченном мире?»

Он сидит за столиком в ночном клубе отеля. И как в старые добрые времена поглядывает вокруг, выискивая ее и делая вид «я – не я, и лошадь не моя». И даже ловит себя на мысли: «Как когда-то в школьные годы».

К Дубравину подсаживается Юрка Кулибабер, чудной такой парень с Украины. Кучерявый, как барашек, с тонким, чистым лицом. Бывший собкор. А ныне – ого-го-директор! Подсел. И давай опять «за рыбу деньги». О своем. Как поделить им со Степашкой и другими «ридну неньку Украину». Дубравин, чтобы не выслушивать в сотый раз одну и ту же песню, перебивает его и переводит разговор на другое:

– Юрка! А че ты никак не женишься? Годков тебе уже немало! Пора обзавестись семейством.

Кулибабер, застенчивый, как девушка, заливается румянцем во всю щеку. Трясет рыжими кудрями. И с мягким украинским акцентом отвечает:

– Та не на ком!

– Как это не на ком? – теряется Дубравин. – Вон сколько девчонок, посмотри! И все хотят замуж. А ты уже лет десять ходишь в женихах. Перебираешь, как свинья картошку!

К столику подкатывает модно разодетый в майке с надписью «кока-кола» поперек груди крымчанин Эдик Воля. Здоровается, присаживается. Воля – большой любитель позубоскалить. Он минуту-другую вслушивается в разговор, а потом встречается, подбрасывает маслица в огонь:

– Тебе, Юрец, надо присвоить звание «Заслуженный жених Украины!».

Наш румяный кучерявый юноша принимается оправдываться:

– Та я уже живу с одной телочкой! И она у меня уже не первая!

– Э, Кулибабер! – останавливает его Александр. – Хватит вешать нам лапшу на уши. Это все не в счет! Кто там с кем живет. Ты женись по-настоящему! С оркестром! А то уже который раз ты нам рассказываешь свои похождения.

Но Юрка словно не слышит их увещаний и начинает рассказывать о

своей методе охмурения:

– Да я как начну рассказывать ей «Божественную комедию» Данте, она вся так и замирает. И говорит: «Какой ты умный, Юра! Такие книги читаешь!» А я тут кофточку расстегиваю... – Юрка мечтательно-плутовски закатывает глаза. – А потом стихи заведу. И уже через десять минут она моя. Охмурую ее своим интеллектом...

– Да не интеллектом они сегодня охмуруются!

– А чем?

– Вот чем! – Дубравин достает из заднего кармана брюк толстенный лопатник и шлепает его на столик. Вот их чем в твоём возрасте надо охмурять!

Окружающий молодой народ ржет, едва не падая от хохота со стульев.

– Срезал! Срезал, Алексеевич. – Воля хватается за бока от хохота. А потом принимается рассказывать анекдот про двух быков – молодого и старого...

Веселье в разгаре.

– Эх ма, была бы денег тьма! – мечтательно говорит Дубравин. – Ты, Юрка, давай так договоримся. Заключим пари! Если ты женишься в течение года, я тебе отпишу аж десять тысяч!

– Всего десять тысяч рублей? – разочарованно тянет Кулибабер.

– Не-ет! Десять тысяч зеленых! Капусты! – хохочет Дубравин, заметив, как натянулась кожа на розовых скулах у Юрца.

– Ну, давай! – протягивает ему руку Кулибабер.

– Воля, разбивай! Все слышали, – говорит Дубравин. – Заслуженный жених Украины дает слово, что женится в течение года!

Он ощущает ее присутствие по привычному чувству волнения и приливу крови. И действительно, в уголке за столиком замечает эту троицу, нарисовавшуюся в синем полумраке клуба.

Дальше действие в этом модном месте развивается по до боли знакомому, нашему родному сценарию. Танцпол заполняется. Ритмичный тяжелый рок бухает в разрываемой светом мигающих ламп полутьме зала. Мельтешат яркие огоньки подвешенного под потолком блестящего зеркального шара.

Она здесь. Хмельная радость подпирает Дубравина изнутри. Так и хочется взлететь, выразиться в бешеном ритме танца. А тут все долдонят и долдонят на ухо о тиражах, все делят золотой украинский участок.

В конце концов, Дубравин ясным соколом слетает со своего насеста. И опускается в круг притоптывающего, прихлопывающего народа.

Эх, раззудись плечо! Размахнись рука!

Неожиданно даже для самого себя, он улавливает в этом технократическом ритме тонкую струну, ведущую к русской плясовой. И выплескивает свою радость от встречи. Проходится, лихо скачет на одной ножке по кругу.

Вдохновленный народ в ритм бьет в ладоши. Варька Чугункина, которая топталась со всеми в углу, вдруг выталкивает Галинку к нему в круг. Та не выглядит растерянной. Прижав, как пай-девочка, ручки к телу, только ладони оттопырены, начинает кружиться по зеркальному полу.

А Дубравин, уже не стесняясь ничего, чувствуя, как «за спиной растут крылья и петушиный гребень на голове», с криком и придыханием бросается вприсядку, в русскую плясовую.

И что откуда берется? Воспитанный на «Битлз» и «Скорпионз», он даже сам не подозревал о том, что в крови его, в генах дремлют эти приемы и ухватки, эта огненная русская пляска.

И он чувствует интуитивно, что его порыв, его энергия, которую он сейчас расплескивает вокруг, проникает в ее ауру, питает ее стекляннo-хрустальную душу, смущает внутренне равновесие. И она боится показать это. Из всех сил старается скрыть волнение.

Ритмичная музыка обрывается. Звучит нежный, итальянский медляк. Эдик Воля вылезает в центр. Объявляет:

– Бэлый танец!

Взмокший Дубравин направляется к столику. Отдохнуть. Выпить «уодки».

Он сидит один. Вслушивается в протяжную, сладкую, как мед, итальянскую мелодию. Тупо чертит концом ножичка на скатерти непонятные узоры. И вдруг чувствует, как на плечо сзади ложится чья-то ладонь. Поднимает голову в недоумении.

– Можно тебя пригласить? – серьезно говорит она. А в глазах скачут, скачут озорные бесенята.

Остается только повиноваться.

Так и выходят они. Как будто связанные одной невидимой цепью. Но парный танец у них не получается. Он хочет, как в былые времена, прижать ее. Почувствовать всю. Телом. Но она слегка упирается руками ему в грудь, образуя дистанцию. И он понимает, что она не откликнулась, осталась одна в своем хрустальном одиночестве.

Так и танцуют они молча, кружась в танго, медленно, словно две падающие, сцепившиеся в воздухе снежинки.

* * *

Они лежат в его номере на широкой гостиничной кровати. Одетые. И словно чужие. Сложилась такая рядовая классическая ситуация. Когда он горит пламенем, а она – словно лед. Губы ее холодны и сухи. А тело, как за стеклянной стеной.

– А ты помнишь, как на Новый год в третьем классе Валька нарядилась шахматной королевой?

– Я сам тогда был в костюме шахматного короля, – отвечает он, уставившись в лепной потолок.

– Вот поэтому она и нарядилась. Она уже тогда имела на тебя виды. Нравился ты ей!

– Да ты что! А я ведь тобою был увлечен. Хотя нет. Тогда еще не был. Просто жил на свете. Еще не зная, чей я.

Так и болтают они, лежа на широкой, туго заправленной кровати. Вспоминают школу и свою любовь. До тех пор, пока за окном, за плотными шторами не занимается серенький английский рассвет. Для Дубравина наступает миг отчаяния. Кажется, что после такой невнятной, бездарно проведенной ночи продолжения больше не будет. Разве подвернется еще раз такая возможность все начать сначала?

«Нет, не войти дважды в одну реку!» – с горечью думает он, провожая ее по длинному коридору до лифта.

Прощаясь, бормочет ей у двери номера:

– Видно, не сладилось у нас! Ты понимаешь, что мы с тобою сегодня даже вот нисколечко, ни на полмизинца не приблизились друг к другу. А могли быть рядом...

В ответ она лишь молча целует его в щеку.

Все, что заслужил.

* * *

...Их выводят под круглые часы на гостевой балкон. Внизу шумит и кипит толпа брокеров. А профессор Майкл, похожий в эти минуты на жреца-миссионера, читает им проповедь, прославляющую здешнего бога – Большие деньги.

Все эти язычники, впервые попавшие в храм денег, тупо смотрят на

работу этого самого капиталистического механизма. И никак не могут понять простую вещь. Прибыль здесь извлекается из слухов, страхов, жадности, зависти, глупости, алчности людей, готовых ради нее отдать не только последнее, но и заложить родную маму.

Но биржа не затрагивает языческую душу Дубравина. Он так и покидает ее в твердом убеждении, что производство будет поинтереснее и надежнее.

Они сидят вместе.

Автобус плывет в потоке через лондонские пробки, а он, как когда-то в юности, весь отдается тому потоку любви, который выражается в давно забытом волнении сердца и неожиданно накативших «приступах незапланированной нежности».

В одну из таких минут он, дурачась, протягивает свою большую руку к ее маленькой ладошке и, посмеиваясь, плотно дотрагивается указательным пальцем до ее кожи.

– Сейчас растоплю твое ледяное сердце, Герда!

Она коротко усмехается чему-то своему. Но руку не убирает. А наоборот, поворачивает ладонь, берет его палец и крепко сжимает.

Мир сужается. И их остается только двое в этом большом автобусе. Не видно довольных рож, счастливых физиономий директоров. Дубравин только успевает заметить, как хитро-довольно зыркает на них, оглядываясь с переднего сиденья, Варвара Чугункина...

* * *

В номера приходит ночь. Тихо шуршит за окном дождь. Гудит на Темзе пожарный катер. А здесь, на широченной, застеленной ослепительно-белыми простынями кровати, в тишине продолжается их деревенская, детская любовь. Галинка сегодня уже не такая напряженная, как вчера. Оттаяла.

«И чего она хочет? – думает Дубравин, глядя ее пушистые, все так же коротко под мальчика постриженные волосы. – Какой путь у нее позади? Что ждет нас впереди? Но зачем заморачиваться? Будь, что будет! Она со мною. А остальное неважно».

Нет уже вчерашних мертвых холодных губ. Поцелуй, еще поцелуй. И вот он уже ласкает ее маленькие, но упругие девичьи груди...

И не узнает ту, когда-то ласковую, покорную, податливую девушку.

Теперь рядом с ним женщина, которая твердо знает, чего хочет от него. Только он этого не понимает. Ведь чужая душа – потемки. А женская – вдвойне. Он просто усиливает напор.

Эх ма! И летит он в пропасть вместе с нею!

IV

Утренний Лондон окутан туманом и тишиной. По пустынным чистеньким улицам в скверах и парках бегают сторонники здорового образа жизни. Металлические жалюзи закрывают от редких прохожих блестящие витрины. Галинка чувствует, насколько же другой этот мир. Здесь другой ритм жизни. Другая аура. Другие нравы и ценности. Комфортные и спокойные. Где-то там, позади, в России происходят тектонические сдвиги. Идут споры и митинги. Образуются новые страны. Останавливаются гигантские заводы. А здесь – сидят на огромных лошадях сонные гвардейцы в блестящих кирасах у ворот королевского дворца. Метут улицы желтые и черные дворники в разноцветных фартуках.

Дремлет Европа. На закате цивилизации. И сон этот приятен и прекрасен. Галине повезло. В общем, если сравнивать эту жизнь с бушующим океаном, то получается так. Он крушит и ломает огромные танкеры и теплоходы. Но легкая, как пушинка, лодочка ее судьбы только возносится с волны на волну, с гребня на гребень и, гонимая всеми ветрами, продолжает плыть, неизвестно куда.

Теперь она прибилась к чьей-то флотилии. И все вместе они ставят новые паруса.

Самонадеянный, как все мужчины, Дубравин приписывает ее возвращение некоему вспыхнувшему вновь чувству. Но это не совсем так, вернее сказать, совсем не так.

Она давно уже не Озерова, а Шушункина. Преданная жена. Заботливая хозяйка. Теплая, домашняя женщина. Выйдя замуж, она, попросту говоря, сразу забыла Дубравина. Не зря же говорят про короткую девичью память. Теперь у нее другой, собственный предмет забот и хлопот. Богом данный муж. А кто для нее Дубравин? Да никто! Но это не значит, что о Дубравине она ничего не знала. Профессия-то его публичная. И собственно, где бы он ни был, о чем бы ни писал – все отражалось газете. Так что если даже она что-то забывала прочитать, то уж обязательно кто-то из подруг детства ей напомнит в письме или в телефонном разговоре: «А Дубравин-то твой, смотри, что написал. Ой, как интересно!» И приложат в письме газетную вырезку.

Так и жила. А когда пришла на работу в представительство молодежной газеты, стала слышать его фамилию чаще: «Дубравин сказал! Дубравин прислал письмо! Надо позвонить начальнику!» И так далее и

тому подобное.

Но в конечном итоге ей это было по барабану! Ну было что-то когда-то. Было, да прошло. Быльем поросло. И никоим образом не собиралась она с ним встречаться, а уж тем более возобновлять давний роман. Не нужен он ей вовсе. Женщины нашего времени, в отличие от мужчин, не сентиментальны. Это мужики могут раскиснуть от воспоминаний, пустить нюни. И под эту сурдинку наделать глупостей. Женщина держится до тех пор, пока есть надежда. Будет звонить, дарить подарки, будить совместные воспоминания. Но если исчезла надежда подцепить мужичка, то сразу исчезает и интерес к нему. И будь ты хоть семи пядей во лбу! Красавец-раскрасавец! Чудо-юдо! И у вас длинная, красивая совместная история. Но если с тебя больше ничего нельзя поиметь, то в дело вступает формула, выведенная великим знатоком женского сердца А.С. Пушкиным: «Но я другому отдана и буду век ему верна!»

Так что никакие лирические отступления в планы Галины не входили. А вот ребенок в ее замыслах занимал самое главное место.

Здесь дела не подвигались. Доктора, которые обещали ей чудо непорочного зачатия, опростоволосились. Брали семенной материал. Брали деньги. Но оплодотворения как не было, так и не было. Говорили в оправдание: «Сперматозоид не тот пошел!»

Стала она в последнее время приглядываться вокруг. И даже кое-что приглядела. Мужчина семейный, положительный. Двое детей. Молодая, спелая, как «пэрсик», жена. Значит, может. И совсем из другого района страны.

Но все пошло не так. Вечером того дня, когда они приехали в бизнес-центр и встретили Александра, Варвара Чугункина звериным бабским чутьем уловила, что между Шушункиной и Дубравиным пробежала искра. Она не знала истории их любви. Галина не распространялась во избежание сплетен и разговоров. Но Варвара знала о бесплодии ее мужа и поисках донора.

На дискотеке Чугункина покумекала и родила оригинальную идею: «Дубравин – самая большая лягушка в нашем болоте. К Галке у него что-то есть. А если их свести?» Как опытная баба, трижды побывавшая замужем, Чугункина твердо знала: лучше всего дела решаются через постель. Мужики-то дураки. Ты всего-навсего раздвинула ноги, а они уже мнят черт знает что. И готовы для тебя сделать все. А тут вообще может получиться чудная взаимовыгодная сделка!

Затем она принялась воплощать свой замысел в жизнь. Во время дискотеки отозвала Галку в сторону и заговорила, убеждая:

– Да ты смотри, какой мужик! А? Орел! Сокол! Зачем тебе этот жирный? У Дубравина двое мальчишек. Лучше ты здесь не найдешь!

Варвара проявила настойчивость. Галина вообще-то и не сопротивлялась. Так замкнулось это кольцо. Даже ничего не зная о великом философе Фрейде, она пришла к тому же выводу, что и он: цель женщины – ребенок. Мужчина только средство.

Она надеялась, что все будет, как у доктора. Без лишних эмоций, страстей и прочей белиберды. Но тут она ошиблась.

Когда он в автобусе как бы невзначай приложил свой указательный палец к ее ладони, что-то произошло в ней. словно удар электричества пронзил ее всю. И отдался, екнул в низу живота. И в этот момент она поняла, что, может быть впервые в жизни, хочет мужчину. Хочет его. Это было так ошеломляюще, так ново, так странно для нее, что она даже испугалась.

Но вечером уже не только желание иметь ребенка и строгий, призывающий взгляд Варвары вели ее в номера. Был другой женский интерес. Повторится ли ощущение снова? И когда он медленно и нежно взял ее, она поняла, что пропала. Что теперь в ней, в ее подростковом, мальчишеском теле, поселился еще один человек. Горячая, жаждущая, ненасытная женщина.

V

Если бы еще несколько недель тому назад кто-то сказал Людке, что она будет «танцевать стриптиз», то есть выходить на сцену полуголой перед чужими мужиками, она бы «плюнула тому в глаза» или «выцарапала бы зенки». Но человек предполагает, а Господь располагает. В тот день, как обычно, она бесцельно бродила по обшарпанным, замусоренным улицам столицы. Мимо бесконечных стихийных толкучек, живописных попрошаек и бомжей. По проспектам проносились чьи-то новенькие «Жигули», подержанные иномарки. Торопливо пробегали под накрапывающим дождичком от остановок автобуса до метро шептуньи москвичи. Людка иззябла в модной тоненькой шубке и искала места, где можно погреться.

Уже месяц, как она хочет работать. Потому что задумала побег. Раньше она свято верила в русскую народную мудрость, которая гласит, что «ночная кукушка всегда перекукует дневную». Но в данном случае мудрость не работает. Сколько ни пыталась она его переубедить, настроить на иную жизнь – ничего не получалось. Даже здесь, в Москве, он все равно держится за своих родственников, за свои адаты и обычаи. А ей хочется нормальной жизни. Чтобы не приходилось холодными осенними ночами сидеть одной взаперти дома и с ужасом ждать его: «Придет он сегодня или его принесут окровавленного или, хуже того, мертвого? Будут ли у них завтра деньги или ей придется искать, у кого можно занять сотню-другую? Заведем ли мы, наконец, ребенка?»

Долго она билась над этими неразрешимыми вопросами. Пока не поняла: надо решать их самой. Надеяться не на что. «Попробую начать без него!» И эта мысль, которую она, в конце концов, выносила в своей маленькой, но гордой головке, показалась ей такою величественною и огромною, что сначала она даже задохнулась от нее. «Вот выход. Уйти! Огромный город. Здесь всегда можно затеряться!»

Она ходила по своей съемной квартире, как пантера по ненавистной клетке – туда-сюда. И решалась: «Но сначала надо найти хоть какую-то работу! Будет работа – будет и свобода. А там посмотрим». Но как это сделать, когда у нее здесь ни родных, ни знакомых.

Где-то в этом мире обитают Толик Казаков, Шурка Дубравин – но разве к ним пробьешься! После всего, что было.

Но у нее есть профессия. Она бухгалтер!

Когда Вахид уехал из дома, она оделась поскромнее. Спустилась с

пятого этажа в прокуренном лифте. И оказалась на холодной улице перед своим панельным кварталом. Ее внимание привлекла доска объявлений, на которой густо наклеены разного рода записочки с взлохмаченными краями. Она подошла. Принялась читать: «Требуются... Сдаю... Пропала собака...» А вот нашлось то, что ей нужно. «Требуется бухгалтер. С опытом работы...»

Уже через полчаса она оказалась в неудобном подвале большого многоквартирного дома, где располагалась, судя по всему, небольшая фирма, скорее всего кооператив. Такие «Рога и Копыта» нынче десятками и сотнями открываются в столице. Недолго думая Крылова постучала в первую попавшуюся дверь с надписью «Кадры». И уже через несколько минут беседовала со старой мымрой в душегрейке, оказавшейся не только кадровичкой, но и одновременно завхозом, комендантом, а также помощником директора по социальным вопросам.

Они уже почти обо всем договорились. И Людка начала писать заявление о приеме на работу. В этот момент в кабинетик вошла нафуфыренная длинноногая брюнетка в мини-юбке. Она присела на стульчик, закинув ногу на ногу, так что стали видны резинки от чулок. Затем брюнетка начала подозрительно долго смотреть на Людкины локоны, выбившиеся из-под платка, на ее руки, держащие ручку. И позвала мымру выйти на минутку. За дверью послышались голоса. Брюнетка что-то гневно выговаривала кадровичке, а та виновато оправдывалась. Через минуту кадровичка вернулась с красным напряженным лицом и, отведя глаза в сторону, заявила Крыловой:

– Людмила Васильевна, тут мне сейчас сказали, что вакансия эта уже занята. Я сожалею, но ничего не могу сделать.

В другой конторе, найденной тоже по объявлению, ей предложили работу. Но секретаря. И еще молодой быковатый начальник так откровенно намекнул ей, что «хотел бы получать от секретаря и другие услуги», что она ушла, демонстративно хлопнув дверью.

В третьей, узнав, что она из Казахстана и не имеет ни связей, ни прописки, предложили стать зиц-директором. С такой мизерной оплатой, да еще и в конверте, что она поняла свою роль жертвы еще до того, как предложение было озвучено до конца.

В общем и целом, не задавалась ее профессиональная карьера. Озлобленно, праздно и голодно шумел великий город. И не было в нем для нее тихого уголка и куска собственного хлеба.

В последние дни она садилась в метро. Неслась в центр. И там, выйдя на широкие улицы, бродила по ним с тоской в глазах и жаждой другой

жизни.

– Москва бьет с носка! – повторяла она про себя где-то услышанную поговорку и добавляла, кусая губы: – И слезам не верит!

Так она оказалась сегодня на красной дорожке перед ажурным крыльцом, ведущим к стеклянной, с претензией на роскошь, двери. Над крыльцом красуется разудалая вывеска: «Распутин». А пониже – «ночной клуб». Под вывеской на стульчике сидит полусонный дядечка – швейцар в ливрее и лакированных ботинках. Лицо у него толстое, круглое, нос пуговкой, а глаза внимательные, все понимающие. Наверняка раньше он работал «топтуном» в КГБ, а теперь от безденежья перебрался сюда. Но ухватки и подходы сохранил еще те, советские.

Она смотрит на вывеску, на швейцара и вдруг с пронзительной яркостью ощущает, что ей надо зайти сюда. Почему, отчего? Она не знает, но чувствует, что если она сейчас пройдет мимо этого входа, то сделает ошибку, которую будет очень сложно исправить. Хотя, собственно говоря, чего особенного в этой двери? Это вечером ночной клуб сверкает морем манящих разноцветных огней. Тут стоит толпа молодых людей. У порога фейс-контроль. Вокруг шныряют пронырливые личности с заманчивыми предложениями, девицы легкого поведения, вертлявые педерасты, жаждущие внимания дядечек с толстыми кошельками. Днем все блекнет. Нет ни «богатых Буратин», ни Мальвин с невинными голубыми глазками. Гнездо разврата и порока отдыхает. Дремлет и его страж. Но только до той минуты, пока не видит ее, Людмилу Крылову, направляющуюся по дорожке к двери. Мгновенно очухивается, словно его бьет электрическим током. Она давно привыкла к такому действию своей красоты. Вот и этот вскочил со стульчика, заюлил, попой закрутил:

– Здравствуйте! Вы к кому?

– К администрации! – гордо отвечает она, проходя мимо и не сбавляя шага.

– Я провожу! – услужливо лепечет швейцар, открывая тяжелую дверь.

Пока они двигаются по длинным замызганным коридорам мимо дверей служебных помещений, он услужливо забегает сбоку, по-собачьи преданно пытаясь заглянуть ей в глаза. И желает познакомиться поближе:

– Меня зовут Георгий. Это от Георгия Победоносца. А сокращенно Гера, Жорик! А вас, извиняюсь, как величать?

Людка не достаивает его ответом. Это уже потом она узнает, что швейцара зовут Герыч – так же, как сокращенно называют в клубе тяжелый наркотик – героин, которым Жорик очень удачно приторговывает.

Последний поворот. И она оказывается в небольшой обшарпанной

комнате, где за рабочим столом, заваленным разным хламом – афишами, журналами, статуэтками, вазочками, картинками, программками, кассетами, билетами – восседает сам администратор клуба Владик. Этот длинноволосый, черноглазый, бледный молодой человек с ранними морщинками на шее оценивающе смотрит на ее ноги, потом на зимний прикид – шубку, сапожки. И вздыхает про себя, видимо, сообразив, что такая краля ему не по карману.

Людка, понимая, что красота ее единственное и самое эффективное оружие, старается всегда выглядеть на все сто. Да и надо признать, что Вахид денег на красоту не жалеет. Так что, эффект налицо.

Герыч остается за дверями. А Владик услужливо подает ей стул. Усаживает прямо перед собою. И вопросительно смотрит на нее.

– Мне нужна работа! – говорит она, раздражаясь на то, что ей приходится гнуть свою гордость и о чем-то просить, волнуясь и опасаясь отказа.

– А что вы умеете? – уже начавшим меняться тоном спрашивает ее администратор.

– Все! – самонадеянно заявляет она.

Он еще раз оценивающе смотрит на нее и уже грубо и презрительно спрашивает:

– Ты можешь танцевать стриптиз?

Он так и сказал. Танцевать. А она всегда считала, что это просто раздевание донага.

– Я могу все! – еще раз твердо ответила она, хотя гордость ее, все воспитание и образование завопили, заголосили о том, что она думает об этом наглom, самонадеянном червяке... Но на то она и гордость...

– Ну, тогда покажи, что ты имеешь!

– Сейчас? Здесь?

– Да! Здесь и сейчас!

Это был вызов. И она его приняла.

Она сняла пальто. Нервно расстегнула кофточку. При этом, ломая, уговаривала себя: «Думай, что ты пришла на прием к врачу».

Это помогло.

* * *

Уже через неделю должно состояться ее первое выступление. Ну а

пока она готовится к премьере. Познает тонкости бытия в этом новом, открывшемся для нее с неожиданной стороны мире. Как ни странно, в это время в такого рода заведениях в Москве царила полная самостоятельность. Что значило следующее: девчонки, которые должны блистать в стриптизе, сами делают себе номер. Сами шьют тот костюм, который им нужен. Сами подбирают музыку, под которую будут выступать, раздеваясь на сцене у металлического шеста.

Крылова начала репетировать днем. От природы музыкальная, гибкая и пластичная, она очень легко и быстро почувствовала ритм музыки. А самое главное, разбудила в себе то инстинктивное, древнее, эротичное, что сидит в каждой женщине со времен Евы, первой соблазненной Адама. Она почему-то четко знает, как на сцене надо поворачиваться, нагибаться, улыбаться, смотреть, строить глазки, чтобы тебя захотели.

Ей дали хореографа – женщину, которая должна помочь ставить танец. Старую балетную мымру, тощую, как селедка, с морщинистой шеей и накрашенную, как для сцены – густо и ярко. Звали ее Эльвира. Она, видно, толком не понимала, куда попала и что требуется от танцовщицы и стриптизерши. Поэтому на первых репетициях под музыку еще пыталась наставить Людмилу на «истинный путь». А потом махнула рукой, глядя на то, как Людка работает в белых колготках и школьном кружевном фартучке, из-под которого маячит беломраморный бюст.

Но пока она строила свой образ, клуб уже зарабатывал на ней.

– Завтра выйдешь с девчонками дежурить в баре, – живо объяснил ей правила все тот же Владик. – Осмотришься. Ваша задача раскручивать клиентов на выпивку. Чтобы они покупали и себе, и вам. Ты с их денег будешь получать свой процент в баре. Для раскрутки вам полагается два бесплатных сока на вечер. Остальное за счет гостей. Пойдешь вечером в паре с Викой.

Этим же вечером девочки из клуба уже сидят в рядок на высоких барных стульях у полированной стойки, похожие на птичек колибри в амазонском лесу.

Вика, шустрая, черноволосая и черноглазая молдаваночка, щебечет без умолку, посвящая новенькую в тайны нового для Москвы, но совершенно древнего, как жизнь, женского искусства – раскручивать мужчин.

Людка сразу поняла, что ничего особенного, никаких сверхусилий от нее здесь не потребуется. Потому что «раскрутка» здесь опирается на вечные, как мир, установки. Мужчина должен кормить женщину. И им надо просто умело будить этот инстинкт.

Клиенты появляются уже ближе к вечеру, когда за окном наступают

осенние сумерки.

Вика, искоса глянув на каждого входящего наметанным глазом, сразу определяет уровень платежеспособности вошедшего.

– Это постоянный посетитель. Но жадный! – шепчет она новоиспеченной подруге, отставив в сторону высокий стакан с соком и соломинкой. – Не заморачивайся даже с ним. Наговорит кучу любезностей. И ничего. У, жадюга! Он сейчас к нам подойдет! И через секунду, улыбаясь во весь рот:

– Ах, Иван Петрович! Как я рада вас видеть!

Работа такая.

– А вот этого мальчика цепляй! Он, похоже, новенький. Видишь, на тебя глаз положил. – И показывает локтем на прыщавого молодого человека, который, как-то даже дико озираясь, продвигается по залу.

Она долго хохочет после того, как от стойки отвалил вихлястый манерный молодой человек с маникюром:

– Люд, да он же пидор! А ты его хотела раскрутить... Они тут тоже тусуются. Партнеров ищут. Все туалеты презервативами завалили...

Так, юмором и смехом, девчонки встречают знаменитых и незаметных, богатых и бедных, бизнесменов и политиков. Всех, каждой твари по паре, можно увидеть здесь в этом шалмане.

К вечеру шумная и пестрая толпа заполняет клуб до отказа. А на улице еще и очередь.

Вот заиграла, застучала ритмичная техномузыка. Теперь их работа и на танцполе. Надо зажигать. Заводить народ. Хочется тебе этого или не хочется, но верти попой под музыку какого-нибудь Фредди или Бори. Одно слово – назвался груздем – полезай в кузов. И Людка старательно отрабатывает, вырастает в ночную жизнь.

Но это рутина. Будни. Ее цель – стать звездой в этом мире. И она стремится к ней всеми фибрами души. Работает. Готовится выступить во всем блеске. Но есть и проблемы.

Основная – высокая конкуренция. Со всех концов бывшей империи приезжают сюда украинки, русские, молдаванки, латышки, литовки. Задолго до того, как загорятся над входом неоновые заманчивые огни, они уже спешат сюда из своих съемных квартир, из панельных многоэтажек и хрущевок. Для чего? Кто за красивой жизнью. Кто просто, чтобы выжить. Вот маленькая Люся зарабатывает себе здесь на учебу. Катя, похожая на Мальвину (у нее сожитель пьет), кормит себя, его и старенькую бабушку. У ангелочка Маши дочка в деревне. И в редкие выходные она вырывается на электричке из Москвы в свой Владимир.

И у всех у них одна задача – сбыть свой товар. Красоту! Как и Людка Крылова, они быстро поняли простую истину. Товар этот скоропортящийся. Конкуренция велика. А сзади подпирают тысячи и тысячи юных красавиц. И тут, как говорится, не до сантиментов.

«Любовь приходит и уходит! И что она нам дает? Вот любила я Дубравина. Сколько живу с Вахидом! И что? Счастья как не было, так и нет, – думает, возвращаясь на свое место с танцпола в засаду, Людка. – Все женщины торгуют собой, своей красотой. И даже больше, не только продаются и покупаются, но еще и сами назначают себе цену. Хорошо, если удастся продать все оптом – выйти замуж. Ну а кому не повезет – приходится торговать в розницу. Или просто отдавать за бесценок. Но я так не сдамся. Я стою дорого! Очень дорого!»

И Людка строго следует своей программе. Сразу отшивает временных, случайных кавалеров, рассчитывавших на бесплатную любовь или просто ласку по минимальным расценкам экономкласса.

* * *

День ее торжества пришел. С утра пораньше она сходила в специальный салон – парикмахерскую.

Там сделала депиляцию и интимную стрижку. Так что к моменту выхода на сцену она обладает абсолютно гладким, холодным и светящимся, как мрамор, идеально сложенным телом. И в этом ее индивидуальность. Особый шарм.

Она ждет «за кулисами». А в это время у шеста мелькают гибкие, юные загорелые тела. Девчонки стараются. Недостаток опыта, отсутствие чувства ритма компенсируют откровенностью поз, задором, страстным желанием понравиться публике. Мужчинам. Но гости, уже слегка пресыщенные, наевые и напитки, реагируют вяло и награждают их усилия весьма посредственно.

Людку перед выходом бьет нервный озноб. Все как у настоящих больших артистов. Но она держит себя в руках. Собрана и целеустремленна.

– Сейчас к вам спустится богиня! Сама Афродита во всей своей красоте прибыла к нам в клуб прямо с Олимпа, чтобы порадовать вас танцем, полным страсти и огня! – объявляет ее выход конферансье.

И она выходит. Как богиня. Как нагая Афродита с распущенными

прекрасными волосами. Холодная и недоступная для простых смертных. Только для богов ее танец. Только для ценителей женской красоты. Только для очень богатых.

Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее звучит музыка. И в такт ей она вращается у сверкающего стального шеста, проделывая умопомрачительные манящие и дразнящие мужское воображение па. В этом сейчас ее главная задача. Разбудить их воображение. Заставить мечтать.

Танец – ее вызов. Манящий. И недоступный.

И покорные ее женской сущности гости, как загипнотизированные, не могут оторвать взгляда от ее бедер, от этой текущей женственности...

Это успех. Она собрала под резинкой своих трусиков десятки разноцветных купюр. И ушла за кулисы в какой-то мохнатой мини-юбочке из рублей, долларов, франков и марок...

– Ну, ты даешь! – восхищенная подружка Вика обнимает ее разгоряченную за плечи и взалхлеб рассказывает: – Вон тот англичанин чуть не вывалился из кресла, следил за тобой, как зверь лесной. А до этого сидел, на девчонок ноль внимания...

Откуда-то из зала выскакивает слегка взведенный менеджер Вадик:

– Там у нас в вип-зале министр один сидит. Известный политик. Он хочет, чтобы ты для него станцевала приватный танец.

«Ну, вот! – удовлетворенно думает она. – Теперь и начинается вечер».

Но Вика, приобняв ее, шепчет на ухо:

– Не соглашайся «на отпуск». Это садист. Он девчонок щипает до крови, кожу крутит...

В зале снова звучит музыка. Начинается концертная программа.

– Клиент оплатил приватный танец, – снова напоминает ей о работе Вадик.

– Пойдем! – решительно отвечает Людка.

Что значит «отпустить девушку в отпуск», Людка уже знает. Если гостю очень сильно понравилась стриптизерша и он хочет с нею познакомиться поближе, он может увезти ее с собою из клуба. Разумеется, за определенную плату как клубу, так и ей самой.

Но на это требуется и согласие самой девушки. Если она не хочет – может не ехать. Тут, как говорится, согласие есть продукт непротивления двух сторон.

Кабинка для частных танцев – это такое небольшое помещение внизу для тех клиентов, которые не хотят светиться в общем зале. С атласным диванчиком, столом, креслами.

В ней уже сидит жирный, расплывшийся, важный кавказец с лысеющей головой и унизанными перстнями пальцами. В его застывших то ли от кокса, то ли от выпитого виски неподвижных глазах пустота, которая через секунду после ее прихода загорается каким-то диким огоньком, от которого Крылову пробирает дрожь ужаса: «А вдруг он кинется сейчас на меня? Начнет кусать, грудь щипать, крутить кожу?!»

Она старается как можно быстрее показать свой приватный танец в кабинке и так торопится выскочить из нее, что даже забывает там белые кружевные чулочные подвязки. Убегает, лишь бы не почувствовать на своей коже жирные волосатые пальцы. Но за дверью с интересом на лице ее уже ждет Вадик:

– Клиент хочет тебя взять с собою. Мы тебе даем отпуск!

– Нет! – резко отвечает она, одевая на ходу туфли. – Я не поеду!

– Да ты знаешь, сколько он тебе бабла отвалит? Дурра! За одну ночь озолотишься! – бубнит, настаивая, он.

– Может, тебе тоже даст?! Сам и поезжай с ним! – отрезает она.

– Я тебя оштрафую! – снова взвизгивает он от такого тонкого намека на толстые обстоятельства.

Крылова уже знает, что в клубе действует драконовская система штрафов. За все. Не то сказала – штраф. Не пошла на приватный танец – штраф. Опоздала на работу – штраф...

Ох, сколько же изобрели эти менеджеры-рабовладельцы разного рода причин и поводов, чтобы обобрать бедных девушек... Судя по тому, что никто из самих девушек до сих пор не разбогател – очень много. Принцип простой – использовать человека по полной, а потом выбросить, как отжатый лимон, в урну.

Но она не сдается. Огрызается.

– Хрен тебе! – блефует она. – Вахида Сулбанова знаешь? А Лечо Лысого? Смотри, довыпендриваешься! И отцепись от меня! Я тебе не девчонка-малолетка, которую кому хочешь можно подкладывать!

И уже чувствуя, что попала, а Вадик поплыл (все страшно боятся нохчей, которые заполонили весь город), добавляет:

– Был уже один такой крутой! Пытался меня обломать. Нашли на улице с перерезанной глоткой!

И пошла. Не оглядываясь. Хотя от страха, от вековечного бабьего страха подгибались ноги, что-то тряслось и дрожало внутри. И еще сосало под ложечкой.

«Если сразу себя не поставишь, потом пожалеешь!»

VI

С утра большой современный зал бывшего дворца имени Ленина полон. Но только сам премьер-министр покинул совещание, как более мелкое чиновничество тут же стало растекаться. Кто в буфет, кто покурить, кто просто свалил в гостиницу. Так что в ровных рядах чернопиджачного чиновного люда зияли огромные дыры из обитых зеленым бархатом кресел.

И выступление несомненно выдающегося человека, бывшего мэра Сингапура, слушало уже меньше половины делегатов этого собранного со всех концов независимого Казахстана совещания.

Маленький плосколицый китаец метался по сцене от микрофона к развешенным графикам и все пытался объяснить этим дремлющим любителям тоев и армянского коньяка что-то жизненно важное и бесспорное.

Худющая, как скелет, женщина-переводчица не успевала за китайским гостем. Но все же Амантай, не снимавший миниатюрных наушников ни на секунду, усвоил главное из выступления Линь Сяня: само по себе городское хозяйство может быть высокодоходным бизнесом. И город способен зарабатывать на свое развитие немалые деньги.

«Только не у нас! – с горечью думал Амантай Турекулов, сидя в одиночестве на своем ряду в удобном, обитом бархатом кресле. – У нас, да и в СНГ городская власть озабочена совсем другим».

Проходят выборы. Побеждает какая-нибудь фигура. За нею стоит клан. Или чаще всего банда. Мэр расставляет членов этого образования по теплым местам. Они присасываются к городской казне. И начинают ее доить. Один подбирает под себя городской транспорт. И возит на старье людей, получая от города дотации. Другой берет в аренду по мизерной цене принадлежащие городу гостиницы, передает их в субаренду по рыночной и, ничего не делая, стрижет купоны. Третий подряжается собирать платежи с горожан за жилье, свет, воду. Создает какой-нибудь расчетный центр. И с каждой напечатанной платежки получает свой процент. Четвертый подминает под себя водоснабжение. И дерет три шкуры за воду, которую нельзя пить... Пятый создает топливную компанию. Выгоняет конкурентов из города. И торгует дерьмовым бензином втридорога... Шестой ворует на школьном питании. И вот этим пройдохам и мошенникам, этим глистам, этим бычьим цепням он пытается объяснить, что городское хозяйство

может быть самодостаточным бизнесом! Они это давно знают! Только работают не на горожан, а на себя!

Амантаю даже стало жалко этого упрямого, взлохмаченного китайца в строгом костюме. «Не понимает он того, что у нас сегодня в аренду взято само государство. Все окружение нашего президента ведет такие же игры. Одна дочка строит в заповедной зоне Алма-Аты дорогище даже не коттеджи, а целые дворцы. Другая взяла в аренду телевидение. Пока. Впрочем, – Амантай оборвал течение таких опасных мыслей. – Лучше не лезть поперек батьки в пекло. Вот стану вице-премьером...»

Он не успевает додумать о том, что сделает на высоком посту. Кто-то сбоку осторожно трогает его за рукав. Он оборачивается. Перед ним стоит смуглолицый служащий дворца в синей форме. Наверное, билетер. Или посыльный. Он на плохом русском говорит:

– Там вас ждать!

Амантай, чертыхаясь в душе, молча, чуть пригнувшись, чтобы не мешать никому, выскальзывает ко входу. В просторном, украшенном в позднесоветском стиле фойе с какой-то бумажкой в руке стоит его помощник Петя Трутнев. Его носатая печальная физиономия уныло и одиноко маячит в пустом пространстве. Взгляд Петра как-то странно текуче скользит по лицу Амантая. Он протягивает ему листок, который оказывается телеграммой, и произносит куда-то в сторону:

– Ваш отец... умер!

Амантай всегда готов к чему угодно. К своей отставке, к восстанию народа, к заговору, аресту, разводу. Но тут... не то чтобы он не понимал, что годы уходят и отец его уже совсем не «железный коммунист», каким он его знал когда-то. Где-то подспудно, подсознательно он ждал этого часа. Но всегда гнал от себя эти мысли: «Ничего, он еще крепкий старик!» И вспоминал, каким видел его по приезду в Жемчужное. Высохший, совсем седой, но прямой с упрямыми складками у рта. Весь как натянутая струна. И везде, где только можно, к месту и не к месту, отстаивает свои взгляды. Амантай его понимает: «Признать, что коммунизм и Союз были ошибкой для него – это значит признать зряшным все, что он делал. А жизнь, которую он положил на алтарь коммунистической идеи, перечеркнута. Кто же на такое согласится?!»

Амантай вспоминает последний разговор с отцом. Он тогда приехал в новом статусе. И стремился показать себя – члена правительства. Так что во время обеда как-то небрежно уронил:

– Нурсултан Абишевич поставил перед нами задачу – растить новые казахские кадры!

И что тут началось! Турекул, как истинный коммунист, встрепенулся петушком, поднял голову от стола. И начал поливать, накатывать на него:

– Как? Да вы там что, не понимаете – Казахстан силен дружбой народов. А она опирается на великое учение об интернационализме. Еще Маркс писал об этом в своей великой книге...

Ну, и дальше по тексту передовиц газеты «Правда» середины пятидесятих годов. Амантай старался не спорить с отцом, соображая, что старик действительно как бы остался в своем времени. И ничегошеньки не понимает в той великой миссии, в том важном историческом деле, которое творится на его глазах. В создании первого в истории собственного казахского государства.

Странное дело, даже здесь, казалось бы, в такой дальней стороне, где жизнь замерла и застыла, политика в это время не отпускала людей. У них в деревне даже образовался некий клуб. Сидя на лавочке, старики часами обсуждали то или иное событие. Ну, точь-в-точь как у Ильфа и Петрова.

Конечно, когда разваливался «союз нерушимый», местные коммунисты сильно растерялись. Но на то они и старая гвардия, чтобы не сдаваться. И Амантай, каждый раз заезжая домой, видел, как отец ранним утром встает, собирается, одевается в свой старинный, потертый костюм, начищает ботинки и, торопливо перехватив бутерброд на ходу, а второй завернув в газету, мчится на остановку автобуса – ехать в Усть-Каменогорск. На какое-нибудь партийное собрание. Возвращается поздно вечером. Возбужденный, полный новых идей. А утром следующего дня снова на ногах. Надо донести идеи партии до масс.

И вот он уже на мехдворе – беседует с трактористами и ремонтниками, которые маются от безделья. Но все еще по привычке приходят на работу, хотя им уже давным-давно не платят ничего.

Такой вот он. Его отец. Не хотел сдаваться...

И вот отца нет. Амантай скользнул взглядом по лицу своего помощника и как-то бочком, бочком начал отходить от него в сторону, не в силах до самой глубины души сразу осознать смысл происшедшего.

А смысл заключался в том, что, несмотря на все их нынешние разногласия с отцом, их связь была намного крепче, чем он сам себе представлял. Не зря люди говорят о голосе крови.

В эти минуты Амантай почему-то вспомнил, как отец впервые в четыре года посадил его на лошадь. И вновь нахлынуло то ощущение ужаса и радости, которое сопровождало это событие, когда лошадь – живое, горячее существо, пошла, задвигалась под ним.

Теперь он в растерянности стоит в огромном фойе дворца и никак,

никак не может понять, что же ему теперь делать. Куда бежать? Кому звонить? Как совместить в душе этот огромный, роскошный, полный солнца мир с видимыми отсюда улицами и панорамой гор, с затерянным среди безбрежных степей и лесов мирком его малой родины. Там, где сейчас в долине, у реки лежит на столе маленький сухой старичок. И это его отец. Ата!

И неожиданно для себя Амантай чувствует, что внутри него растет, поднимается, хватая за глотку нечеловеческий кашель. Вот он поднимается кверху и прорывается наружу хриплым рыданием. Лицо Амантая подергивается, нижняя челюсть подрагивает. И он никак, ну никак не может справиться с тем, что выворачивает его изнутри.

Чтобы никто не видел этого, он быстро идет по фойе. Заскакивает в туалет. И уже тут, вдали от человеческих глаз, дает себе несколько минут...

* * *

Синий «вольво», взятый у акима в областном центре, быстро домчал его до Жемчужного. Полусонная деревня его детства была все такой же. Это там, в большом мире, происходили великие потрясения. Здесь все как всегда. Тянулись по утренним улицам выгоняемые на пастбище домашние буренки, приветствовали утро петухи.

Ворота их двора открыты настежь. Это значит только одно. В доме покойник.

Но когда он открывает дверь и входит в комнату, которую в городе называют гостиной, то обнаруживает, что, несмотря на раннее утро, в комнате имеются люди. Несколько седых аксакалов, скромно разместившись на стульях и креслицах, сидят по углам.

«Видимо, это они исполняют “кузету” – обычай, связанный с охраной умершего. Его нельзя оставлять одного! – механически думает Амантай. – Таков закон предков. И их почетная обязанность его исполнять».

Он оглядывается и, наконец, видит на столе сухое, одетое в парадный костюм тело. Отец с закрытыми глазами и желтоватым будничным лицом выглядит просто спящим маленьким человечком.

Амантай недолго пристально вглядывается в родные черты. «Где же ты теперь, ата? Куда ты ушел?»

Он уже готов подойти, обнять отца, но кто-то сбоку трогает его за рукав. Он оборачивается. И видит, что перед ним стоит дядя Марат.

Много воды утекло с тех пор, как Амантай начинал у него самостоятельную жизнь. Сейчас дядя на пенсии. Новые люди теснят старую советскую номенклатуру. Дядя весь седой и сгорбленный. Но еще держится молодцом. Глаза его молодые и дерзкие выдают правду жизни – стареет и изнашивается только тело, душа остается всегда молода.

Он обнимает Амантая. И так они стоят с минуту. Откуда-то сбоку появляется мать. Она вся закутана в платок. Мягкая, полная, податливая. Амантай утопает в ее объятиях. И в слезах.

Подходят и старики. Среди них есть не только местные. Приехали седебородые и из других сел. Проводить в последний путь друга и товарища.

Что тут можно сказать в утешение? Ровным счетом ничего.

Уже через несколько минут на кухне у матери они пьют свой сладкогорький чай. И разговор, начавшийся с рассказа о последних днях отца, плавно перетекает на заботы и хлопоты. Дядя Марат выражает советскую точку зрения, которой придерживаются и товарищи отца – коммунисты.

– Я думаю, Турекула надо похоронить как партийного работника, по совести. Ведь это было дело его жизни. В красном гробу. Поставить памятник. Я уже заказал в столярном цехе.

Амантай, к которому он, в сущности, и обращается, отпивает горячий чай и по привычке согласно кивает – да, да. Он еще до конца не понимает, что его слово теперь решающее. Он старший в роду.

Но тихая, обычно молчаливая мать Бибигуль, хотя и не садится за стол к мужчинам, на этот раз неожиданно даже для него, сама вступает в разговор:

– Мулла сказал, что надо хоронить его по нашим мусульманским обычаям. Хоть он и был партийным секретарем, но он все равно был мусульманином. Обрезанным мусульманином! – добавляет для веса она.

– Какой еще мулла? – спрашивает ошеломленный сын. – Откуда у нас мулла? Их у нас сроду не было!

– А! – машет рукой дядя. – Объявился тут один самозванец. Народ мутит.

А мать снова добавляет:

– Не самозванец он. Уважаемый человек – твой одноклассник, учился в параллельном классе. Может, помнишь его, Аманчик, Баймена Ермухамедова?

Амантай отыскивает в потайных кладовых памяти хлипкого, очкастого ботаника Баймена и удивляется.

– Как же он может быть муллой?

– А он ездил в медресе учиться. Читает Коран на арабском! – поясняет Бибигуль, подливая ему в китайскую пиалу горячий чай.

Итак, все ждут его слова. Со двора приходит младший братишка Еркен. Тоже почтительно присаживается на стульчик. На его молодом наивном лице с маленькими юношескими усиками написано неусыпное внимание.

Амантай вспоминает, как раньше, в старину, хоронили великих батыров и ханов – на высоком кургане. Чтобы мазар – надгробная постройка, была видна издалека. И воткнуто рядом копье с конским хвостом. Чтобы все, кто будет проезжать по степи, могли увидеть могилу. И если захотят, посетить, помянуть Турекула. Но он понимает, что так сегодня не получится. Время истекает. А у них все еще идет дискуссия.

Он уже готов согласиться на простой советский вариант, но в этот момент в комнату заходит мулла Баймен. Амантай смотрит на его тонкое с черной реденькой бороденкой лицо, на его зеленый халат, чалму, заглядывает в узкие щелочки черных глаз. А Баймен аккуратно кладет на подоконник завернутый в полотенце Коран. И здоровается за руку со всеми присутствующими. Он ни о чем не спорит, не дискусирует. Он просто говорит:

– Сейчас будем делать обряд «фидия» – выкупа грехов. Кто будет принимать на себя грехи покойного?

Все близкие переглядываются друг с другом. Они впервые слышат о таком деле. Но спорить с муллой не решаются. Однако участвовать в таком деле – тоже.

В конце концов, грехи на себя берет дальний родственник по материнской линии дядя Берген. Один из тех стариков, что все это время охраняли покойника.

Приступают. Молодой мулла отнимает от возраста отца шестидесяти пяти лет двенадцать, то есть те годы, когда человек считается незрелым. И начинает читать молитвы. Отчитывать грехи. Он должен прочитать их пятьдесят три.

Обряд длится долго. Но все почтительно слушают, как распевной арабской вязью тянутся стихи Корана. Амантай даже начинает дремать во время этого действия. Он думает сквозь сонный туман, окутывающий его душу:

«Наверное, этот обряд не является мусульманским. По-моему, в Коране не сказано ничего о передаче грехов одного человека другому. Если я не ошибаюсь, то Ислам утверждает, что перед Богом каждый отвечает за свои поступки сам. Но не будешь же спорить тут до хрипоты, да еще на

похоронах. Пусть делают, как хотят. Ведь все сегодня перемешалось в нашей жизни. И обряды и порядки. Есть еще и другая версия этого обряда. Дядя Берген сказал, что раньше к телу покойника прикладывали разноцветную веревку и приговаривали: “Разноцветная веревка, прими на себя все грехи этого человека. Какой, однако, вздор. Старое уходит на наших глазах, а новое еще не утвердилось”».

Он резко просыпается от дремы. Мулла останавливается. А маленький, коренастый с обветренным лицом Берген подтверждает прилюдно, что он принял грехи на себя, и произносит традиционную формулу:

– Ыксат пидиясни алдым, иба еттиим!

Опять заспорили, когда пришла пора выносить покойного из дома. Дядя Марат важно говорит:

– Человека надо выносить головой вперед! Потому что он так и рождается!

Берген, принявший на себя грехи, заявляет:

– Нет, наверное, надо нести ногами вперед. Так правильнее! Он ведь уходит. Ступает за порог.

– Но так делают русские, христиане! – замечает кто-то из стариков.

В конце концов, победил мулла. Как более грамотный во всех этих делах. Несмотря на молодость, он уже много народу перехоронил.



Дядя Марат махнул на все рукой с черной траурной повязкой на рукаве, но все-таки отвоевал себе право сказать на кладбище надгробную речь о брате.

Похоронная процессия, в которой перемешались между собою многие односельчане, в том числе русские, немцы, казахи, уйгуры, двинулась на кладбище. Вот он – тихий сельский погост, отмеченный кустами и деревьями оазис посреди бескрайнего поля.

Здесь часть кладбища занята оградками, крестами, пирамидками со

звездами, а часть мазарами – памятниками с изображением мусульманского полумесяца. В этой части и решено упокоить тело Турекула.

Процессия остановилась. Носилки с завернутым в ковер телом поставили рядом с уже подготовленной по всем канонам ислама могилой. Ямой с глубокой боковой нишей.

Тут опять вышла заминка. Пospорили молодой мулла и седой дядя, кому первому говорить. Но здесь верх взял последний.

И надгробная речь бывшего заведующего организационным отделом ЦК громко и торжественно прозвучала над притихшими поселянами и окружающими их крестами и полумесяцами.

Потом за дело взялся мулла.

А сын правоверного коммуниста Амантай Турекулов прощался навеки в эти минуты не только с отцом, но и с той эпохой, в которой он жил. «Где тот мир? – думал он. – Где тот мир, который еще вчера казался нам вечным и незыблемым. Словно мановением чьей-то руки в мгновение ока переменялась сцена жизни. Спектакль окончен. Великая коммунистическая иллюзия разрушена. Мираж растаял так, словно его и не было никогда. И только люди-актеры и зрители этой грандиозной постановки в растерянности и страхе стоят и оглядываются вокруг. Вот она была и нету! И надо жить. А как? Кто объяснит им, что происходило? Дядя? Мулла? Вряд ли. Вот и отец пытался удержаться в прежней системе координат. И отстал. Навсегда. Теперь уж навсегда. Мне легче. Я вовремя вышел из нее. Ибо никогда не верил в коммунизм. Слишком много знал. А он верил! Да! А верю ли я в то, что сейчас делаю? Или опять приспособляюсь и мимикрирую? Сам не знаю!» – И Амантай, несомненно, такой успешный и современный, вдруг почувствовал, что он страшно завидует отцу. Потому что отец знал что-то такое важное, и это что-то давало ему силы жить.

Четверо мужчин из их рода разворачивают ковер. Амантай в последний раз смотрит на завернутое, спеленатое в саван маленькое тело отца.

На ковре же его опускают в могилу. Туда же спускается младший брат Еркен и еще один парень. Уже внутри они быстро, молча развязывают завязки савана, укладывают тело в нишу. Потом вылезают поочередно наружу.

Все. Амантай берет за черенок. И бросает первые три лопаты сухой пыльной земли...

А мулла, бывший учитель, снова читает суры из Корана. А кто-то из родственников уже ходит по притихшей толпе односельчан, раздает платок с завернутыми в них поминальными деньгами.

Мулла заканчивает чтение. И, взглядываясь в разношерстный сельский народ, громко спрашивает по-русски:

– Нет ли долгов у покойного? Не задолжал ли он кому-либо из вас?

Тишина.

«Какие у него долги? – думает Амантай. – Все он в этой жизни сделал как надо!»

И уже понимая, что отца больше нет и потеря эта навсегда, неожиданно для самого себя по-детски всхлипывает и вытирает неизвестно откуда взявшуюся предательскую слезу. Мулла оборачивает к нему строгое нахмуренное лицо и говорит по обычаю:

– Готов ли ты, сын, погасить долги покойного?

– Да, да! – всхлипывает Амантай, доставая носовой платок из кармана.

Амантай говорит это чисто механически и даже не понимает до конца, что, задавая этот вопрос, мулла указывает на то, что теперь он, Амантай Турекулов, старший в роду и ответчик за все.

На обратном пути с кладбища рядом с ним идет отец Шурки Дубравина. Завязывается разговор.

– Как ты там, Амантай Турекулович? Что дальше-то будет? – спрашивает его с надеждой в голосе длинный и уже начавший по-стариковски горбиться Алексей. – Говорят, вы у Кажегельдина правая рука?

– Все будет хорошо! – привычно-буднично отвечает он. А сам думает: «Мы строим национальное государство. И будет ли в нем место вам, я не знаю. Вот Дубравин, Франк уже отбыли на свои исторические родины. Наверное, они правы. Каждый теперь за себя. Жаль, что это не объяснишь сегодня старикам, которые привыкли к интернациональной трескотне». Но ничего этого он не говорит. А просто спрашивает:

– А ваш Шурка что пишет, дядя Алексей?

– В Москве устроился. Какой-то бизнес делает. Нам помогает потихоньку доживать свой век. Старые мы уже...

Амантай молча слушает жалобы деда на дороговизну, маленькую пенсию и подступающую неизбежную дряхлую старость.

* * *

Странное чувство овладевает Амантаем, когда старенький Як-40 начинает свой короткий разбег по взлетной полосе местного аэропорта.

«Что же я сделал не так?» – думает министр, вжимаясь широкой

спиной в маленькое кресло маленького самолета. И он принимается перебирать, вспоминать все произошедшее в этой поездке домой.

«Что же меня беспокоит?» Поминки? Это, конечно, не знаменитый во всем Казахстане ас Божея из книги Мухтара Ауэзова «Абай», но прошли они очень даже на уровне. Собрались все родственники и все село. Даже с самых дальних улиц. Небольшой их дом не мог вместить такое количество народа. Поэтому столы накрыли во дворе. А также в трех больших юртах, поставленных здесь же.

С утра варилось мясо в огромных казанах.

Сначала подавали чай. Затем бешпармак.

Каурдак, баурсаки, иримшик – все было в наличии на поминках отца.

В обыденной жизни казахи просты, как и все советские люди. Но здесь, при раздаче мяса на дастархане, соблюдали все обычаи.

Самозваному мулле и свойственникам отца дали голову и берцовую кость. Почетным людям – тазовую кость и лопатку.

Тут держи ухо востро. Но дядя Берген до точности знает все обычаи, слава Аллаху. Нельзя на поминках ломать кости, нельзя их выбрасывать.

Никого не обидел. Учел даже то, что существует примета – на поминках, какой бы ни был уважаемый гость, а если у него еще живой отец, ему лучше голову не подавать.

Так что здесь все в порядке. И песня акына Ержана в память об отце была очень уместна, светла и печальна...

«Но что же меня все-таки беспокоит?»

Он уже почти засыпает в самолете, когда вдруг прозревает: «Я просто в один день постарел душою. Раньше, когда был жив отец, было ощущение, что ты находишься где-то посередине жизни. Отец – впереди. Братья – позади. А теперь я впереди, я самый старший мужчина в семье. И один на один со всеми ветрами и невзгодами. Изменился этот самый внутренний ранжир, по которому мы вольно или невольно меряем себя. Внутренний размер или ростомер. Неважно, как это назвать.

Но это так.

Господи, как быстро проходит жизнь! Ведь все было, как будто вчера! А нам уже за тридцать».



Глава из книги «Волчьи песни», которая продолжает роман-эпопею А. Лапина «Русский крест»

По одному, короткими перебежками они движутся вдоль паркового забора. И накапливаются перед «горбатым мостом», у памятника восстанию 1905 года. Отсюда, вблизи, мостик выглядит как-то странно и дико. Речку, над которой он когда-то располагался, давным-давно пустили по какому-то совсем другому руслу. А сам мостик оставили как достопримечательность. Так что старинные чугунные фонари, цепи и черная как бы чешуйчатая брусчатка над асфальтом составляют полный контраст с окружающим миром.

Впрочем, спецназовцы в бронежилетах, сферических касках, наколенниках и прочей амуниции, похожие на средневековых ландскнехтов, тоже не слишком вписываются в окружающий ландшафт.

«Ну да ладно!» – думает Казаков, разглядывая их штурмовую группу и ожидая обещанного прекращения огня.

Через несколько минут шквал огня по горящему зданию, похожему на разбитое осиное гнездо с выбитыми окнами-сотами, прекращается. Кто-то трогает Анатолия сзади за плечо и произносит просто:

– Ну, теперь пошли!

И перебежками, стараясь не попасть под выстрел, они движутся к ближайшему к «горбтому мосту» крайнему подъезду.

Вместе с первой группой бегут и гражданские. Какой-то парень в модной светло-коричневой тужурке и длинный здоровый мужик в плаще. Похоже, это люди из федеральной охраны.

Вбегают в пустой подъезд. Видно, защитники парламента после той «санобработки» танками и крупнокалиберными пулеметами ушли от греха подальше внутрь здания. Кто-то кричит оставшимся у мостика:

– Тут никого нет!

Через пространство тянутся и остальные.

А «передовики» движутся дальше.

На первом этаже стоит невыносимая вонь.

«Смесь сортира с лазаретом! – замечает про себя капитан. – Видно, правду говорят, что тут отключили канализацию, воду и свет. А мусора сколько! Кругом какие-то бинты, вата, жратва, коробки, матрасы, пачки от сигарет... Одно слово – помойка...»

Они осматриваются. И снова вперед.

Следующий этаж. Тоже никого. Но вдруг кто-то из-под лестницы вдоль по коридору хлестнул очередью из автомата. Пули проходят мимо. Впиваются в стену. Анатолий машинально, автоматически стреляет вперед и рывком проскакивает опасное место. Но преследовать стрелявшего и убежавшего им ни к чему.

Теперь они двигаются осторожно, потихоньку, оглядываясь по сторонам и выверяя каждый шаг.

На третьем неожиданность. Кто-то с улицы лупит по стеклам из крупнокалиберного пулемета. Пули вгрызаются в стенку коридора, поднимая цементную пыль и куски обоев. Они падают на пол. Отползают, хватая воздух раскрытыми ртами.

Наконец, из-под подоконника, полковник Чуганов связывается по рации со штабом, теми, кто остался внизу на улице:

– Мать вашу, кто стреляет? Мы на этаже!

– Да это, похоже, новенькие подъехали! – оправдывается штаб. – Сейчас уgomоним.

Через несколько минут стрельба прекращается.

«Ну, слава богу! – думает капитан, отряхивая цементно-известковую пыль с амуниции. – Стихло! Кажется, стихло. Очень трудно остановить людей, которые уже привыкли азартно палить во все, что движется. Может, завтра они и пожалеют о том, что делали. Но сегодня...»

По коридору пятого, штабного этажа они скользят беззвучно, подобно теням. Наконец, натываются на наглухо закрытую дверь. Прислушиваются. Подходят еще несколько бойцов.

– Кажется, там люди! – замечает кто-то.

Их учили: при штурме здания надо сначала бросить в помещение гранату, а уже потом врывать внутрь. Молодой боец поднимает забрало каски и говорит:

– Я счас рвану дверь. И брошу туда гранату!

Но у Казакова вспыхивает шальная мысль: «Ни в коем случае! А если

там сидят машинистки, секретари, стенографистки, уборщицы. Да кто угодно!»

– Стой! – И он хватает за руку бойца, уже готового выдернуть чеку

– Ты что, с ума сошел?

Подходит начальник охраны президента, а с ним тот самый, одетый в гражданскую куртку, парень. Зычно кричат.

– Кто внутри?

Оттуда слышен дрожащий от волнения голос:

– Мы депутаты Верховного Совета. С нами женщины и сотрудники!

– Выходите! Мы ничего вам не сделаем!

За дверью тишина. Затем какой-то говор.

Она, то есть дверь, приоткрывается. Оттуда выглядывает чья-то испуганная, озирающаяся физиономия. Человек оглядывается. И дверь распахивается полностью.

Казаков заглядывает внутрь помещения. Там темно и тихо. Окна зашторены для светомаскировки.

Спецназовцы подтягиваются к двери и словно бы образуют своеобразный контрольно-пропускной пункт. Ждут наготове.

Через минуту выходит первый человек. Да не кто-нибудь, а знакомый всем по телевизору, известный коммунист Иван Полозков.

Но им некогда разглядывать знатного коммуниста. Надо быстро прохлопать его по карманам. Проверить документы. И отвести в сторону.

Коржаков лично проверяет удостоверения, отбирает их и бросает в спортивную сумку.

* * *

Здание парламента огромно. И у каждого входа идет свой спектакль. Своя постановка. Своя драма. Ближе к вечеру, когда погас пожар и закончилась стрельба, начался последний акт.

Со стороны парадного подъезда собралась гигантская толпа, условно говоря, сторонников президента. Разномастный, пестрый народ глухо гудит и жаждет расправы. И соответственно реагирует на все происходящее по принципу детской игры. Помните: море волнуется – раз! Море волнуется – два! Но это внизу. На улице.

Внутри здания, в парадном подъезде, собираются депутаты, помощники, защитники. Они капитулировали. И теперь ждут своей участи.

Между двумя этими стихиями на самом верху лестницы стоит безымянный младший сержант милиции. Без бронжилета, в камуфлированном ватнике и с планшеткой на боку. Сержант – совсем молодой парень. У него круглое, доброе, усатое лицо. Но сейчас он – единственная власть на этом пространстве нейтральной полосы. И толпа беспрекословно слушает его. Пока!

– Ребята из группы спецназа! – кричит младший сержант в сторону проталкивающихся вперед, раздвигая толпу, бойцов.

– Поднимайтесь сюда!

Они медленно отделяются от возбужденной толпы. И идут вверх по широким, мраморным ступеням. Как же тяжелы эти шаги! Офицеры знают, что кругом полно тех, кто готов выстрелить им в спину.

Их учили штурмовать, стрелять, убивать. Но никогда не было задачи – развести враждующих, спасти от расправы проигравших. И может быть, таким образом предотвратить братоубийственную гражданскую войну, которая уже маячит впереди, если события пойдут по негативному сценарию.

Сейчас этот одинокий младший сержант и есть та единственная сила, которая противостоит безумию. И они присоединяются к нему.

Николай Денисов, Иван Воронцов, Петр Темсаев, Владимир Сергеев, полковник Проценко – Анатолий понимает, выйдя на площадку перед Белым домом, что именно они взяли на себя всю ответственность за ход событий. Их долг сегодня – не выполнять безумные приказы, а просто предотвратить дальнейшее кровопролитие. Трудная задача.

Они освобождаются от оружия. И проходят парламентарями в подъезд. На пороге спецназовцев встречает бравый мужичок в берете морского пехотинца и с армейским автоматом в руках. Он ведет ребят дальше по лестнице. В зал заседаний.

Тут полно народа. Все смешались. И все хотят жить. На вошедших смотрят сотни глаз, в которых застыли страх и надежда.

Вперед выдвигается Владимир Сергеев.

Он говорит:

– Дорогие отцы и матери! Я из группы спецназа! Мы получили приказ штурмовать Белый дом. Но мы пришли к вам безоружными. Мы не хотим причинить вам зло и смерть. Вы, находящиеся сейчас в зале, обречены. Нам дан приказ вас уничтожить. Но мы не будем этого делать. Нас снова хотят подставить. Я брал дворец Амина в Кабуле, брал Вильнюсскую телебашню, был в Карабахе и Тбилиси. И везде нас подставляли. Сейчас мы не хотим брать грех на душу, а хотим вас вывести живыми. Мы сделаем

коридор, и вы проходите по нему наружу в безопасности. Если кто-то попытается в вас выстрелить, мы подавим их огнем. Вам подадут автобусы. И развезут по домам. Слово офицера!

Что тут началось! Народ, доселе молчавший, зашумел, заговорил, задвигался. На сцену выскочил один из депутатов. Военный. Стал кричать:

– Вы честно выполнили свой долг! И теперь с чистой совестью можете покинуть это здание!

Рядом с ним встал гражданский. И продолжил:

– У нас есть два выхода. Мы можем остаться здесь. И по существу, покончить жизнь самоубийством. Или же выйти наружу. И продолжить борьбу!

После этих слов глухой шум в зале перерос в крики:

– Да, надо уходить!

– Пора уходить!

– Чего здесь ждать!

Но в правом углу находятся женщины-баррикадницы, то есть те, кто стоял на баррикадах вокруг Белого дома. Они имеют другое мнение. И выражают его в особом истерическом крике, обращенном к депутатам:

– Не уходите! Сложите головы здесь! Столько народа из-за вас погибло! Это будет честно!

В зале, как на новгородском вече, начинает разгораться дискуссия, готовая перейти в рукопашную.

В этот момент мимо стоящего в проходе капитана Казакова проходит, как тень, бледный до зелени Хасбулатов. Он выходит вперед. И как-то так спокойно, заторможенно произносит:

– Мы сейчас уходим из зала. Многие из нас в этом случае останутся живы! Мы должны донести до широкой общественности, что с нами произошло. Переворот совершен полностью. Пролилась большая кровь. Вина за это на Ельцине. И его окружении. Давайте прощаться!

Из рядов депутатов выскакивает депутат Умалатова Сажи. И ну его обнимать!

Начинается исход. Толпа рассыпается. Депутаты тянутся к выходу.

– Идем через первый подъезд! – подает кто-то команду. – На набережную! Там американцы ведут прямую трансляцию по Си-эн-эн. И в случае чего, стрелять по нам на глазах у всего мира они не будут.

Анатолий вместе со своими товарищами двигается с ними. Все спускаются в вестибюль. Ждут чего-то.

Минут через пятнадцать сюда же подходит и генерал Руцкой в сопровождении полковника Проценко из спецназа.

Все и с той и с другой стороны здесь свои. Все друг друга знают.

Наверное, поэтому вышедший вице-президент каждую минуту с надеждой спрашивает окружающих сопровождавших:

– Вы в турецкое посольство нас отвезете? Вы везете нас в турецкое посольство?

Да, это уже совсем не тот Руцкой, который вызывал самолеты.

В эти роковые секунды в вестибюль заскакивает начальник охраны президента. Лицо злое, жесткое, ненавидящее.

Плотная человеческая масса в вестибюле стоит тихо, не шевелясь. Лица у всех какие-то посеревшие, глаза направлены вниз. Страх их понятен. Вдруг это западня?

Коржаков подходит к толпе и командует жестко:

– Хасбулатов, Руцкой – на выход!

В ответ ему – молчание и тишина.

Проходит несколько секунд. Толпа расступается. И выпускает из своих недр двоих. Хасбулатов, истощенный борьбой, с необычайно бледно-болотным цветом лица. Руцкой, подавленный, но не утративший офицерской выправки.

– И этого заберите, – указывает Коржаков на упершегося в него ненавидящим взглядом из-под берета Макашова.

Подождали несколько минут вещи.

Руцкой и Хасбулатов наконец двигаются по коридору, созданному бойцами спецназа, к автобусу со шторками, подогнанному к самому входу в Белый дом.

Капитан Казаков, стоящий в этом оцеплении, молча кидает последний взгляд на парламент. И неожиданно, словно прозрев, видит, что нижняя часть здания вовсе не белая, а облицована красным, играющим всеми оттенками в закатных лучах осеннего солнца мрамором: «Будто знали, что здесь будет», – отстраненно думает капитан о строителях этого дома.

Table of Contents

[Александр Алексеевич Лапин Вихри перемен](#)

[Часть I Всплывающая Атлантида](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[Часть II Лебединая оперетта](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[Часть III Старатели третьей волны](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[Часть IV На обломках империи](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[Часть V Поминальная песня](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

V
VI